

И

СБОРНИК
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ

ВЫПУСК 12

СБОРНИК
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ

Издательство «Знание»
Москва 1972

Сб. Сборник научной фантастики. *Выпуск 12.*
М., «Знание», 1972. 240 стр.

В сборнике напечатаны новые произведения советских фантастов: В. Михановского, В. Комарова, А. и С. Абрамовых, а также рассказ М. Кривича и Л. Ольгина, выступающих в жанре фантастики впервые. Опубликованы статьи известных писателей И. Ефремова и А. Казанцева. Зарубежная фантастика представлена именами Р. Бредбери, А. Лазимова и Ф. Брауна.

7-3-2

Т. п. 1971 — № 7

Н34

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда-то фантасты писали о технике. Восторженные подростки узнавали из романов Жюль Верна о невиданных доселе подводной лодке, воздушном корабле, автомобиле, способном преобразовываться в самолет, и многих других чудесах. Даже романтик Эдгар По (человек, кстати говоря, неплохо подкованный в области физики, математики и механики) предпочитал, выступая как фантаст, писать о новых видах техники, детально обосновывая осуществимость своих проектов. Теперь фантасты тоже пишут о технике, но не только о ней. Темы фантастики становятся неисчерпаемыми как темы жизни.

В чем тут причина?

Их немало, но одна из важнейших — это, конечно, то, что мир техники — волшебный мир фантастики прошлого столетия — это сейчас реальный мир, в котором мы с вами живем. И мы гораздо больше знаем об этом мире, чем мог рассказать самый умный фантаст минувшего века. Былая фантастика не просто стала реальностью. Она стала бытом. Иногда просто неощутимым в своей повседневности.

Фантастике пришлось создавать новый волшебный мир — мир дальних космических полетов, возросших возможностей человеческого разума, мир, где бionика станет такой же повседневностью, какой для нас стала техника, мир, где... но мы уже сказали, что темы фантастики становятся неисчерпаемыми как темы жизни...

Впрочем, сказать только, что изменился масштаб, было бы неверно. Изменился подход. Очутившись в бывшем волшебном мире, ставшем реальностью, мы обнаружили, что он отнюдь не лишен проблем. Массированное воздействие на природу порождает диспропорции в естественных процессах. Огромные масштабы производства и дальних перевозок, обилие средств транспорта приводят к загрязнению воздуха, водоемов, Мирового океана.

Поэтому, рассказывая о мире, который станет реальностью завтрашнего дня, мы знаем — это тоже не будет мир, лишенный проблем. В этом важная особенность современной фантастики.

Конечно, и Жюль Верн не рисовал неподвижный, самоуспокоенный мир. Но приключения его героев связаны были с тем, что в сегодня вторгалось будущее в виде какой-то новой формы техники, созданной гениальным изобретателем-одиночкой. Мы же теперь

знаем, что проблемы порождаются отнюдь не уникальностью той или иной формы техники, напротив — всеобщей их распространенностью. Это проблемы, принадлежащие самому обществу.

Вот почему современную фантастику при всем многообразии ее форм и широте охвата явлений жизни отличает одно общее качество. Она не избегает проблем. Напротив, она рисует их очень укрупненно, очень масштабно. Причем зачастую она переносит в будущее сегодняшние проблемы для того, чтобы представить их еще более выпукло. Ее задача в подобном случае состоит отнюдь не в том, чтобы уверить нас, будто в будущем наши сегодняшние трудности не будут разрешены, а в том, чтобы, подчеркнув проблему, сделав ее нагляднее, спроецировав ее на увеличивающийся экран будущего, помочь людям ее осознать, а затем и устранить из завтрашнего дня, не дать ей туда проникнуть.

Произведения, помещенные в этом сборнике, тоже отражают эти особенности современной фантастики. Они очень разные по жанру, по исполнению, по материалу, в них представлены и трагические события и смешные недоразумения, где-то в них идет речь о действительных проблемах будущего, где-то — об экстраполированных проблемах сегодняшнего дня. Словом, перед читателем открывается возможность перелистнуть еще одну страничку в огромном фолианте, именуемом «современная фантастика».

Основу сборника составляет повесть Владимира Михановского «Физалка», одно из тех произведений, где, по сути дела, изображен сегодняшний мир — сегодняшнее буржуазное общество, проблемы, к которым сегодня уже подошла физика, сегодняшние вопросы совести — и колорит будущего предназначен скорее для того, чтобы подчеркнуть идею, нежели для того, чтобы произнести пророчество о действительных приметах завтрашнего дня. Будущее здесь не более, чем условность, общепринятая в фантастике, но эта условность помогает нам еще раз вспомнить о чрезвычайно реальных опасностях, связанных с проникновением физики в глубины материи и о той осмотрительности, той способности думать о судьбах всего человечества, которая требуется сегодня от всех, кто расковывает величайшие силы, лежащие в основе природы.

Герой повести В. Михановского, крупный ученый-физик, не верит в гуманность и мудрость общества, в котором он живет, и ему приходится одному, наедине со своей совестью решать вопрос о допустимости последнего шага в своем исследовании. Он находится на грани величайшего открытия, но не породит ли заключительный эксперимент цепную реакцию, способную разрушить нашу планету? И если даже риск невелик, вправе ли его брать на себя один человек перед лицом всего человечества?

Сюжет этой повести, построенной по законам детективного жанра, найден, разумеется, самим автором, но ситуация взята прямо из жизни. Известно, с какими трудными вопросами пришлось столкнуться американским ученым, работавшим над печально известным Манхэттенским проектом, и самыми непростыми оказались не научные и технические вопросы, а вопросы совести. Оригинальность подхода в повести В. Михановского состоит в том, что здесь от решения одного человека действительно зависит судьба научного открытия. Роберт Оппенгеймер, отказавшись работать над созданием водородной бомбы, спасал свою совесть. Хотя решение Оппенгеймера и привело к известной отсрочке, бомба все равно была создана и притом в довольно короткий срок. Рядом был другой ученый, Теллер, который достаточно владел проблемой и не разделял взглядов своего коллеги. В повести же Михановского герой не только спасает свою совесть, но и спасает мир. А как же быть с известным положением о повторяемости научных экспериментов и открытий!— вправе воскликнуть читатель. И разве не знаем мы о том, что всякое крупное открытие совершается сейчас большим коллективом ученых, что наука стала «массовой профессией»?

Все это так, но повесть не теряет от этого своей убедительности. И дело даже не в том, что автор, дабы упрочить свою концепцию, делает одно весьма существенное допущение: институт, в который мы попадаем вместе с героями, построен на таком высококом уровне электронной техники, «мыслящие» машины достигли в нем такого совершенства, что большого количества научных сотрудников там просто не требуется. Главное — в повести подчеркнута мысль, которую мы часто склонны забывать за разговорами о повторяемости открытий, мысль о том, как тесно связана способность к открытиям в определенной области, иногда даже к данному конкретному открытию со всей индивидуальностью ученого. Для того чтобы великое открытие было сделано, мало науке достичь определенного уровня, для этого надо еще, чтобы был человек, способный сделать это открытие. Если такого человека нет, наука будет подбираться к осознанию данного закона природы окольными, иногда очень длительными путями. Творчество очень индивидуально не только в искусстве, но и в науке. Повесть «Филалка» напоминает об этом.

У Михановского дело происходит в чужом для нас мире, но на нашей планете. Авторы некоторых рассказов, помещенных в сборнике, уводят нас далеко за ее пределы. Но тема космических полетов тоже давно уже не сводится к описанию техники. Космос современной фантастики сейчас до отказа заселен людьми с их зем-

ными проблемами. В свое время Герберт Уэллс в романе «Первые люди на Луне» рассказал о том, как обыкновенный, не очень значительный человек, не то коммерсант, не то литератор, попал волею судеб в космос, почувствовал себя вдруг на какой-то момент не прежним маленьким Бедфордом, а Человеком — представителем Человечества. Это чувство все чаще приходит героям современной фантастики, покоряющим космос. Мысль об общности людских судеб мы вычитываем в примыкающем к «Марсианским хроникам» романтическом рассказе Рея Бредбери «Тот, кто ждет». О судьбе человечества говорится и в рассказе Фредрика Брауна «Арена»: на этот раз речь идет о темных антигуманных силах, готовых развязать войну, которая может принести гибель жизни на Земле. Символика рассказа ясна, и его пафос понятен нам. Те, кто знаком с творчеством популярного у нас американского фантаста Клиффорда Саймака, вспомнят, прочитав «Арену», его рассказ «Разведка», где герой идет на смерть ради того, чтобы отстоять человечество. Рассказы подобного рода представляют самые ценные для нас стороны прогрессивной зарубежной фантастики — их авторы одушевлены большой и гуманной идеей.

Те трудности и опасности, с которыми сталкивается человечество на своем поступательном пути, в значительной мере связаны с самой диалектикой прогресса. Серьезной проблемой стало сейчас, например, загрязнение окружающей среды в результате роста промышленности. Повесть А. Азимова «Ловушка для простаков» посвящена этой проблеме. В журнале «Химия и жизнь», где был напечатан отрывок из этой повести, академик И. В. Петрянов так раскрыл замысел писателя: «Это совсем не фантастика. Азимов не преувеличил токсичность бериллиевой пыли (заметим для читателей, которые не успели прочитать повесть Азимова, что в ней рассказывается о планете, где в атмосфере содержится бериллиевая пыль, в результате чего земные экспедиции на эту планету гибнут одна за другой.— Ю. К.). Но бериллий не исключение — современная промышленность выбрасывает в атмосферу Земли бесчисленное множество загрязнений, подчас не менее страшных, чем аэрозоли бериллия. Уже теперь воздушные бассейны больших промышленных районов часто становятся почти столь же губительными, как атмосфера на придуманной планете. Известны страшные катастрофы (в Лондоне, Нью-Йорке, Лос-Анджелесе), когда погибали сотни людей, отравленных загрязненным промышленными выбросами воздухом... В этом смысл фантастической повести «Ловушка для простаков». Это — предупреждение».

Следует добавить, что эта повесть не случайно написана американским писателем. Именно для Соединенных Штатов Америки,

где капитализм давно уже принял наиболее хищнические формы, проблема загрязнения окружающей среды стоит особенно остро. Поэтому не будем особенно строги к тому, что А. Азимов переносит действие в XXVIII век. Это условный прием, характерный не только для А. Азимова, но, как мы уже отмечали, для многих других западных писателей-фантастов, выступающих в жанре фантастических антиутопий.

Две статьи, которые читатель найдет в этом сборнике, так же непохожи по жанру, как и многие художественные произведения, в нем помещенные. Статья А. Казанцева написана в свободной писательской манере. Рассказывая о предполагаемых прилетах на Землю инопланетных обитателей, писатель знакомит читателей с интересными догадками, занимающими умы историков, ученых, писателей. Как известно, подобные догадки не раз подвергались критике, часть из них действительно оказалась необоснованной, в отношении других решающего слова не произнесено.

Статья И. Ефремова с одинаковым интересом, думается, будет встречена и читателями, давно уже знакомыми с выдающимися фантастическими романами этого крупного палеонтолога, основателя новой отрасли этой науки, и его коллегами по профессии. Разумные существа, обитающие на других планетах, показаны в романах И. Ефремова всегда похожими на людей. В своей статье И. Ефремов дает строгое научное обоснование этой своей концепции. Но в ней обсуждаются и другие вопросы, существенно важные для современной научной фантастики, ведь научность фантастики — это форма ее реализма. Не обманывают ли нас фантасты, рассказывая об обитаемых далеких мирах? Не одиноки ли мы в беспредельном космосе? Эти вопросы давно занимают ученых, и спор об обитаемости миров идет на протяжении столетий. Иногда, как, например, в конце семнадцатого и в восемнадцатом веках, обитаемость чужих миров не подвергалась большим сомнениям, иногда сторонники этой теории отступали перед своими противниками, но чем дальше, тем более веские научные аргументы приводят те, кто говорит, что человек во Вселенной не одинок. Статья И. Ефремова из самых веских, всесторонне обоснованных аргументов в этом затянувшемся, но не бесконечном споре, — настанет день, когда эта теория будет проверена так же, как проверяются любые научные теории, — при помощи эксперимента. И этот эксперимент будет одновременно одним из самых великих и радостных подвигов, которые знала история человечества,

Ю. Кагарлицкий,
доктор филологических наук

АЛЕКСАНДР АБРАМОВ, СЕРГЕЙ АБРАМОВ

АПРОБАЦИЯ

В лабораторию академик вошел со смутным чувством предубежденности, от которого так и не мог отделаться. «Трудно быть объективным, когда заранее убежден в практической бесперспективности открытия, с которым тебе предстоит познакомиться,— думал он.— Честно говоря, я не должен был соглашаться на апробацию». Ему вспомнились те же сомнения, побудившие его самого безжалостно отвергнуть проблему, которой он отдал десять лет жизни в науке. Как удивлялся и шумел мир! «Человек, заглянувший в будущее, от него отворачивается» — были и такие газетные аншлаги. Да, он заглянул, действительно заглянул одним глазком в замочную скважину Времени. Его приборы, проникшие в область подсознательного, могли воссоздать зрительный образ человека и среды в любой

день и год его предстоящей жизни. Но это был один вариант будущего — вероятностный вариант. Дерево Времени ветвисто, и кто мог предсказать, по какой ветви направится капля сока, идущая от корней... А создавать лишь одну из возможных картинок Завтра — дело киношников, а не ученых. Открытие оказалось бесперспективным. И ученый ушел.

Сейчас его снова приглашали к замочной скважине Времени. Только дверь открывалась не в будущее, а в прошлое. Прогноз Кларка относил материализацию воспоминаний к половине двадцать первого века, ученик академика обогнал этот прогноз больше чем на пятьдесят лет. «Зачем вы пришли ко мне? — спросил академик пригласившего его кибернетика. — Только по праву ученика? Зыбкое право: я наименее подходящий человек для апробации вашего опыта». «Именно поэтому, — сказал кибернетик, — если я не сумею убедить вас сейчас, ваше «против» наверху неизбежно».

Итак, от него ждали одобрения. Старый ученый с любопытством оглядел обстановку аппаратной, показавшейся ему очень знакомой. Цветные провода с присосками, извлекавшие из головы испытуемого нужные отпечатки памяти, загадочные сенсорные устройства, заключенные в пластмассовую оболочку с глазками индикаторов, пульт с кнопками и шкала со стрелкой, преследующей Время, даже большой стекловидный экран мнемовизора — точь-в-точь телевизорный в бездействии, такой же темный, мутный и лиловато поблескивающий, — все это он, казалось, знал и трогал в своей бывшей лаборатории. Невольно он искал что-то новое и невиданное. Таким, пожалуй, оказалось только световое табло над экраном, сейчас матовое и погасшее.

— Зачем это? — спросил академик.

— Мы показываем здесь крупно дату, чтобы вызвать ассоциативную связь.

Кибернетик с надеждой и тревогой всматривался в лицо своего бывшего учителя, а тот рассеянно отводил глаза.

— С чего начнем, юноша? — он все еще называл кибернетика юношей, хотя тому уже было за сорок.

— Садитесь в кресло, профессор. Правое, а налево, у пульта — я.

Против стекловидного экрана стояли привинченные к полу два кресла с обивкой из бледно-зеленого пенопласта. «Модерн, — неодобрительно подумал академик, — а на пульте, вероятно, всякие стереоскопические и стереофонические штучки». Он сел нарочно с размаха, неловко и грузно, но кресло устояло, а изящная обивка его легко прогнулась, обняв старческие тела академика. «Модерн с удобствами», — отметил он, уже смягчившись, а вслух спросил:

— Воспоминания записываются
— Обязательно. На специально обработанную магнитную пленку. Изображение и звук.

— В цвете?

— Конечно. Полная иллюзия жизни. Тона естественные, не очень контрастные.

— Значит есть и мемориотека?

— Пока всего несколько записей. Большинство мои.

Академик никак не мог настроить себя на серьезный доброжелательный разговор. Не хотелось спрашивать, а спросилось:

— И среди них, конечно, уникал? Самый счастливый день в вашей жизни?

— Скорее наоборот,— усмехнулся кибернетик.— Хорошо получился прескверный день. Разговор с женой накануне нашего разрыва.

— Покажите?

Кибернетик смутился.

— Это очень уж личное, профессор.

— А есть не личное? Что-нибудь *non multa, sed multum*¹.

— Есть,— в глазах у кибернетика мелькнула смешливая искорка.— Ваш экзамен. Когда вы меня провалили.

Он достал катушку с пленкой, вложил в щель прибора, закованного в белую пластмассовую броню, и нажал кнопку на пульте. Экран осветился изнутри, как подсвеченный утренним солнцем туман, что-то вспенилось в нем и растаяло. Возник длинный экзаменационный стол, какие были в ходу четверть века назад. За столом сидел помолодевший лет на двадцать академик — тогда еще обычный профессор, с проседью на висках, ныне, увы, совсем золотящихся от пожелтевшей с возрастом седины. Стол, катушки с магнитными лентами, листки белой бумаги — все это было отлично видно. Только костюм на экзаменаторе как-то странно менял цвет.

— Плохо помню,— признался смущенный кибернетик,— несколько отпечатков памяти наплывают друг на друга, ложатся несинхронно, в разбивку.

Его самого видно не было — перед столом, как в телевизионном кадре, возникали только большие руки, протягивались ниоткуда и пропадали за невидимой рамкой, жестикулирующие, навязчивые, хватающие то карандаш, то бумагу. «Это понятно,— думал академик, Воспоминание, записанное или не записанное, воссоздает только то, что видит и фиксирует глаз».

---

¹ Не много, но многое (лат.).

Сначала тихо, потом все громче и громче доносился разговор экзаменатора со студентом. Звук был чистый, без характерных недостатков магнитной записи.

— Можно ли раскрыть механизм, с помощью которого мозг принимает решения, связанные с условной адаптацией к среде?

Для нынешнего академика его вопрос, прозвучавший два десятилетия назад, показался элементарным, чуть ли не детским. Но студент долго молчал. Потом сказал неуверенно:

— Я думаю, профессор...

— Вы думаете или это установила наука?

— Простите, не уверен. Кажется экспериментально установлено, что у некоторых людей в подобной ситуации имеет место некоторое возрастание альфа-частоты.

— А если у человека нет альфа-ритмов?

Молчание. Академику свой голос показался неожиданно и неприятно звонким, а молчание кибернетика-студента свидетельством лености и невежества. Тогда он, вероятно, думал так же и как жестоко ошибся! Теперь он спросил с кресла, а не из-за стола, и не экзаменуемого студента, а сидевшего рядом ученого:

— Сократить можно?

— Конечно,— согласился кибернетик и тронул другую кнопку. Стол исчез в клубах тумана, послышалось жужжание прокручиваемой катушки, потом туман снова растаял и стол с молодым академиком опять возник впереди.

И тут же академик услышал свой вопрос из глубины прошлого.

— А что такое E-волна?

— Expectancy wave. Волна ожидания.

— В чем же ее физиологическая сущность?

Молчание. Мелькнули руки, на мгновение закрывшие стол. Правая рука подтянула рукав левой.

— Не является ли E-волна признаком кратковременной памяти?

Молчание.

— Не поминте. Плохо. А какую память вы используете, заглядывая в шпаргалку под рукавом?

— Выключайте,— сказал сегодняшний академик.

Ему показалось, что кибернетик спрятал улыбку, выключая экран.

— Радуетесь, видя мою ошибку?

— Почему вашу — мою! — поправил кибернетик.

— Сотни заурядпрофессоров и до и после меня порой не умели разглядеть под маской нерадивого студента будущего ученого.

Академик процедил эту реплику из чувства справедливости и тут же оборвал:

— Ну, а теперь о ваших ошибках, юноша.

— На экзамене?

— Нет, в записи. Вы не только забыли цвет моего костюма, но и мое лицо. Тогда я брил усы, а не подстригал, как сейчас. Не очень уверен я и в воссоздании текста. Вероятно, у меня получалась бы несколько иная картина.

— Давайте сравним,— предложил кибернетик.

Академик отрицательно махнул головой и долго молчал, прежде чем спросить:

— Будете прикреплять к голове ваши присоски?

— Это не больно.

— Но противно. И гипнотрон?

— Без гипноза. Легкий шок, и вы увидите все, что хотели вспомнить.

— Самый счастливый день в моей жизни,— иронически отозвался академик.

— А разве не было такого? Самого-самого.

— Не помню. Мне, как и вам, почему-то вспоминается его антипод. Вы что-нибудь слышали о моем увлечении в молодости? Кибернетик понимающе усмехнулся.

— Я впервые услышал о нем, когда мне было семь лет. Мой отец играл против вас в команде автозаводцев. Вы взяли тогда и кубок, и первенство.

Академик помолодел, буквально физически помолодел, и не на двадцать, а на сорок лет — такой окрыленной молодостью сверкнули его глаза.

Но так молодеют только глаза.

— Я тогда кончил университет и вскоре защитил диссертацию,— произнес он, опустив синеватые веки.— Наука отзывала меня со стадиона: все труднее и труднее становилось совмещать игры и тренировки с интегрированной иерархией нервных процессов. Кроме того, я старел...

— В тридцать-то лет?

— В спорте стареют и раньше. Болельщики не видели этого, даже тренер не замечал, а я знал; утрачивается скорость, быстрота реакции, точность удара. А я был игроком экстра-класса, лучшим спортсменом десятилетия по международной анкете. Надо было уже уходить, а я тянул, сгорая на поле и в аппаратной, на скамье запасных и у сенсорных счетчиков. Я бросил футбол после матча на кубок чемпионов, выигранный «Спартак»ом, но уже в переигровке, без меня. Мой же матч мы проиграли. И я ушел.

— Хотите увидеть оба тайма? — спросил кибернетик.

— Зачем? Перегружать приборы...

— И сердце.

— И сердце. Вы правы...— а про себя подумал: и память тоже — все это прошло, забылось, стоит ли снова всерьез переживать то, что сегодня кажется милым и забавным — не больше! Достаточно последней четверти часа, последних пятнадцати минут после гола Пирелли, восходящей тогда «звезды» миланцев.

Академик покорно предоставил себя привычным рукам кибернетика. Холодные, чуть влажные присоски коснулись висков и затылка. Мелькнули перед глазами потянувшиеся к приборам провода. Кибернетик перевел какой-то рычаг на панели, и экран ожил, знакомо осветившись изнутри позолоченным солнцем туманом.

— Сосредоточьтесь.

«На чем? — спросил себя академик. — На растерянном лице Голловко, не поймавшем мяч в броске после удара Пирелли? На последовавшей контратаке Флягина, пробившего миланский заслон почти на углу вратарской площадки, но так и не сумевшего послать мяч в ворота. В последнее мгновение, правда, он все-таки успел перекинуть его на одиннадцатиметровую отметку, куда рвался Карнович, плотно прикрытый Джакомо и Паче. Кто же взял мяч?» Воспоминания теснились, сбивая друг друга. Память академика никак не могла вытянуть их из сорокалетней глубины времени. Может быть, это сделает прибор кибернетика?

На какую-то долю секунды у него потемнело в глазах — он перестал видеть и слышать. Это был тот самый шок, о котором говорил ему собеседник. Шок безболезненный и мгновенный. И сразу из темноты и тишины на него навалилось зеленое поле, ревущая гора трибун и полосатые футболки миланцев. Прибор не обманул академика: он воспроизвел в точности все то, что видел и зафиксировал глаз и что отпечаталось в ячейках памяти. Видел пятнистый мяч, рванувшийся с ноги Флягина, миновавший Паче и на какие-то несколько сантиметров ускользнувший от Карновича в центре вратарской площадки. Академик увидел и свою ногу, срезавшую его полет в незащищенный угол ворот. Гол? Нет, штанга!

Все это академик видел как бы двойным зрением — с любой точки поля, куда уносила его ожесточенная погоня за мячом, и с кресла в ореоле спектральной проводки. Раздваивалось и сознание, даже эмоции. Он как бы жил на поле, чувствовал, как саднит шрам на колене, слышал свое дыхание, ощущал упругую жесткость травы, и ни на мгновение не упускал мяча из виду, ни одной траектории, ни одной прострельной прямой. И в то же время мог прикидывать, рассчитывать и оценивать все с сорокалетней дистанции. Глазам открывался то один, то другой угол поля, даже в толчее на вратарской площадке он видел просветы, которые откроются мгновеньями позже. Вот он вторично обвел Джакомо, но бить

по воротам не смог — слишком велик был угол прострела. Вторым же, сегодняшним зрением академик предвидел пустоту на правом фланге, в которую вот-вот ворвется Карнович. Если б он мог подсказать это своему «я» тогда на поле... Три раза по крайней мере он замечал грубейшие ошибки, которые делал и не сознавал в проекции прошлого, и это двойное зрение, двойное сознание, двойное смятение чувств было так мучительно, что ему хотелось крикнуть: «Довольно! Остановите!», но вместо этого не с кресла, а с угла вратарской площадки доносился протяжный стон: «Точней, Флягин, точней!».

Еще необычной казалась виденное кибернетику. Он смотрел матчи с трибун стадионов и на экране стереовизора, снятые «летающей камерой» и безлинзовой оптикой. Но ничего подобного он не видел. На этот раз «камера» была в глазах перемещавшегося по полю игрока, и на экране воссоздавалось лишь то, что видели эти глаза. Поле то удлинялось, то съеживалось, то подымалось отвесной стеной, то обрушивалось зеленым откосом. Полосатые и пурпурные футболки то закрывали всю площадь экрана, то уменьшались, перемещаясь от ворот к центру, мяч крутился огромный, как луна в зеркале телескопа, или где-то витал далеким беленьким шариком. Иногда на экране виднелись только бегущие ноги, или бутсы, бьющие по мячу, или окровавленные колени, или ворота, вставшие дыбом. А все объяснялось просто: объект воспроизводимой памяти падал, вставал, перебежал поле, подавал угловой, бил пенальти.

Да, был и такой эпизод в этой судорожной пятнадцатиминутке, в этом яростном штурме ворот миланцев. Итальянскую команду устранивала ничья, но пенальти в их ворота давал почти верную победу «Спартак». Сразу все стихло, даже перепалка вокруг судьи — память академика уже не воспроизводила звуков. Он смотрел только на мяч, который аккуратно устанавливал судья на одиннадцатиметровой отметке. Даже миланский вратарь тонул в мутном тумане: мяч в памяти академика точно укладывался в рамку ворот. Вратаря он воспринимал как штангу, которую не имел права задеть.

Кибернетик увидел престранное зрелище. Ворота и мяч помчались от него, как снятые наездом киносъёмочной камеры. Экран пересекла нога — зазеленный край трусов, голое колено, чулки со щитками и мяч, рванувшийся от ноги косоприцельным прострелом. Мгновение — и он исчез за воротами, пролетев на какой-нибудь сантиметр рядом со штангой.

Кибернетик искоса взглянул на сидевшего рядом: глаза его были прикрыты руками. Без слов сочувствия, без вопросов кибернетик выключил преобразователь памяти. Экран погас,

— Снимайте присоски,— сказал академик и прибавил с горечью: — Вы понимаете теперь, почему этот матч был для меня последним?

Кибернетик ничего не ответил, молча освободил голову академика от проводки, переключил какие-то рычажки на панели и, присев к столу, записал что-то в толстой бухгалтерской книге.

— Что вы записываете? — спросил академик.

— Показатели приборов. Чистоту звука, резкость изображения, коэффициент точности...

— А коэффициент полезности?

— Не понимаю.

— Какую пользу людям принесет показанная вами кувырколлегия? Историкам футбола? Дипломантам спортивных вузов? Клубным музеям? Кинодокументы и магнитная лента выполняют эту задачу точнее и проще.

— Ваша проба не записывалась.

— А ваша? Кому вы ее покажете? Жене, когда она состарится? Или внукам, когда они подрастут?

— Над фонографом Эдисона тоже смеялись, а он положил начало звукозаписи.

— Несопоставимые величины! — закричал академик. — Есть и другие. Микроскоп привел нас в микромир, а лазер к космическому видению. Но куда приведет материализация времени? К механическим игрушкам для взрослых детей. Я бросил свою, потому что не мог стабилизировать время, вы тоже — я уверен в этом! — бросите вашу, потому что не можете его изменить.

— Не все в науке нужно рассматривать с точки зрения практической пользы.

— Все! Не сейчас, так в будущем.

— Значит, вето?

— На что вето? На игру со временем? Да! На кинематографию памяти? Что же до аппарата, то пока вы создали только игрушку — отдайте ее врачам или криминалистам: она им пригодится. И не останавливайтесь на полпути. Ищите ключ к тайнам человеческой памяти, к ее коду, к ее совершенствованию. Будьте ее хозяином, а не копинстом.

Академик встал и, не прощаясь, пошел к выходу. У двери он остановился и долго стоял так, не касаясь дверной панели и не оборачиваясь к молчавшему кибернетнику.

— А жаль,— вдруг произнес он, не двигаясь,— честное слово, жаль.

— Не люблю, когда меня жалеют,— вспыхнул кибернетик.

Академик оглянулся — глаза его снова помолодели.

— Я думал не о вас,— сказал он.

— А о ком?

— О себе. После этого матча мне предложили заменить уходившего на пенсию тренера. Я отказался. А зря! Кто знает, может, это была невозможная потеря для футбола. Может, именно мне удалось бы создать чудо-команду — голубую мечту болельщика. А, как вы думаете?

Кибернетик в растерянности не сразу нашелся: шутит академик или говорит всерьез? Да шутит же — за академиком это водилось: несколько ироничный взгляд на собственную персону.

И кибернетик в тон ответил:

— Это не в компетенции моей «игрушки»,

Академик рассмеялся и вышел.

В. КОМАРОВ

ПЕРЕВОРОТ ОТКЛАДЫВАЕТСЯ

Маленький диск Солнца опустился совсем низко над горизонтом и, как всегда, сделался красновато-фиолетовым. Для земного человеческого глаза все на этой планете выглядело неестественным. Но хуже всего были эти красновато-фиолетовые закаты, наводившие неистребимую тоску...

Впрочем, Клей все это несколько не угнетало. За два года первого в своей жизни космического дежурства он еще не успел утратить интерес к необычному.

Клей медленно переступал по тропинке, поднимавшейся к базовому домику. В руках он нес небольшой темный шар, размером чуть больше бильярдного...

Наконец Клей добрался до крыльца и тяжело поднялся по ступенькам. Отдуваясь, словно после трудной работы, он прошел во внутреннюю комнату, прикрыл за собой стальную дверь и опустил шар на пол.

Шар зазвенел жалобно и протяжно.

Ферри зашевелился на своей койке.

— Опять притащил какую-то дрянь? — лениво протянул он, не поворачивая головы.

— Да ты только взгляни!.. — восторженно сказал Клей. — Такой маленький, а весит килограммов двадцать пять, а то и все тридцать.

— И как тебе не надоест копаться в этом хламе, — все тем же безразличным тоном заметил Ферри, продолжая лежать лицом к стене.

— Хлам!.. — возмутился Клей. — Ведь это оставили они!

— Все это давным-давно исследовано,— скучным голосом протянул Ферри.— Без нас...

— А может быть, не все?

— Господи,— проворчал Ферри.— Что за человек.

Он кряхтя повернулся и спустил ноги на пол:

— Ну...

Клей присел на корточки и ласково провел по шару рукой, словно гладил котенка.

Шар и в самом деле выглядел необычно. Он был сделан из какого-то странного материала, не похожего ни на металл, ни на полимеры, и казался прозрачным, но в то же время нельзя было разглядеть, что у него внутри. Поверхность шара странно мерцала и поблескивала, на ней проступали и исчезали туманные узоры.

— Видишь?

— Ну что? — невозмутимо пожал плечами Ферри.— Шар как шар.

— Станный ты все-таки парень, Ферри,— Клей наморщил лоб, и его густые темные брови сомкнулись над переносицей. Это был верный признак, что он начинает злиться.— Тебя ничем не проймешь, не удивишь...

— А разве в мире осталось еще что-нибудь удивительное? — ухмыльнулся Ферри.— Тем более здесь, на этой забытой богом планете, откуда и местные-то жители давным-давно смотались...

Клей хмыкнул.

— Нет, все давным-давно разложено по полочкам,— вздохнул Ферри.— Никаких загадок. Никаких сенсаций... Ничего такого, что могло бы встряхнуть воображение.

— Рискованная философия,— пробурчал Клей,— можно попасть в ликовое положение.

— Говоря откровенно, сейчас меня интересует одно,— отрубил Ферри,— сколько дней нам еще осталось...

Клей сладко потянулся, разведя руки в стороны и вверх:

— А мне здесь нравится...

— Когда-то и я был таким,— согласился Ферри.— Хотел бы я взглянуть на тебя после пятой вахты. Все осточертеет...

— Нет!

— Ну хорошо, хорошо,— примирительно сказал Ферри.— Прячь свой шар, и пора ужинать.

Клей примерился и носком ботинка легонько подтолкнул шар к углу комнаты, где уже громоздилась целая куча всякой всячины. Но шар вдруг издал свистящий звук и, описав на полу несколько неожиданных замысловатых зигзагов, стремительно нырнул под койку. Ферри в два прыжка очутился у двери.

— Идиот,— набросился он на Клея.— А если это мина?

— Не похоже,— невозмутимо сказал Клей.

— Черт его знает,— проворчал Ферри, с ослаской поглядывая на койку, из-под которой все еще доносилось шипение и странное потрескивание.— Что теперь прикажешь с ним делать?

— Когда я его нашел, он сначала тоже так шипел. А потом ничего, успокоился.

Шипение постепенно затихло.

— Ну вот что,— решительно сказал Ферри.— Ко всем чертям, Уж ты как хочешь, но я сейчас же отнесу его в хранилище. Так-то будет спокойней.

Он подошел к койке, олустился на колени, осторожно протянул руку и взялся за шар.

Ничего не произошло. Тогда Ферри потянул шар к себе. Но тот словно прирос к полу.

— Что за дьявольщина!

— Он не хочет в хранилище,— усмехнулся Клей.

Словно в ответ на его слова, шар вдруг сорвался с места, проскочил под рукой у Ферри, подкатился к ногам Клея, несколько раз, как бы ласкаясь, потерся о его ботинок и опять юркнул под койку.

— Слушай, Ферри,— спросил Клей,— а что если это...

— Что?

— Что если он... разумный?

— Ерунда. Обитатели этой планеты были двуногими и двурукими — как человек. Это точно установлено.

— Мне кажется, он что-то понимает... Лучше оставь его в покое.

— Ну, ладно,— сдался Ферри.— Пусть его...

Он стал собирать ужин, время от времени бросая тревожные взгляды в сторону койки. Но шар вел себя тихо.

— Что у нас сегодня? — поинтересовался Клей, подсаживаясь к столу.

— На первое — блюдо тринадцать дробь три,— начал Ферри,— на второе...

Клей страдальчески сморщился.

— Опять тебя потянуло на эту чертову дюжину...

— А ты что — суеверный? — спросил Ферри.— Самый изысканный деликатес.

— Побойся бога, Ферри. Ведь мы едим эту дробь через день: как только твое дежурство.

— Бифштекса захотел? Да еще, чего доброго, с кровью?

Клей мечтательно закатил глаза.

— Полгалактики за кусок мяса...

— Знаешь что,— начал Ферри, но вдруг поперхнулся и, не мигая, уставился на стол.— Что за дьявольщина!

Клей тоже взглянул на стол и вскочил, с грохотом уронив табурет.

Перед ним на тарелке, распространяя дразнящий запах, лежал огромный кусок мяса с аппетитной румяной корочкой.

Клей медленно протянул руку и указательным пальцем осторожно дотронулся до загадочного бифштекса,

— Мясо...

— Чепуха. Откуда здесь может быть мясо?

— Не знаю,— сказал Клей,— но это мясо.

Он вытащил складной нож и, придерживая бифштекс левой рукой, аккуратно отпилел небольшой ломтик. По срезу засочилась розовая жидкость, Клей подцепил отрезанный кусок кончиком ножа и поднес ко рту. Осторожно откусил. Перебросил языком от щеки к щеке и с сосредоточенным видом принялся жевать...

— Мясо, черт побери! — завопил он.— Настоящее мясо!

Ферри, настороженно наблюдавший за ним, усмехнулся:

— Мясо? Проклятая планета. Для полного счастья нам только галлюцинаций не хватало.

— Какие к черту галлюцинации,— огрызнулся Клей,— Говорю — бифштекс. И отличнейший. Да разве сам ты ослеп... не видишь?

— Ну, вижу... Что с того? Обман зрения,

— Ах, обман? Ну, тогда пощупай.

Клей протянул нож, на конце которого розовел кусок бифштекса.

Ферри поморщился, но все же несколько раз осторожно потрогал мясо двумя пальцами.

— Теперь чувствуешь? — спросил Клей.

— Чувствую. Ну и что? Где гарантия, что все это не галлюцинация?

— Я сейчас затолкаю его в твою пасть,— разолился Клей.

Но Ферри уже и сам снял мясо с ножа. Он долго жевал, причмокивая и время от времени переводя дыхание,

— Убедился?

Ферри пожал плечами:

— В чем? А что я, собственно, почувствовал: горячее на языке, вкус мяса, но ведь и то и другое — всего только мои ощущения; нет, никакого мяса нет.

Клей рассмеялся.

— Ну и прекрасно, старина. Мне больше достанется.

Он придвинул табурет к стулу и энергично принялся за таинственный бифштекс, Ферри тоже присел рядом и, недовольно бар-

моча что-то про себя, не менее деловито приступил к своему любимому «тринадцатому».

— Это было прекрасно,— сказал Клей, покончив с бифштексом.

— На твоём месте я бы не забыл и о тринадцатом.

— Зачем? — удивился Клей.— С меня вполне достаточно.

— Да затем, что иллюзии, если и съедобны, то уж во всяком случае малокалорийны.

Клей с сожалением посмотрел на Ферри:

— Ты все еще считаешь этот кусок мяса иллюзией?

— Разумеется. А чем же ты еще прикажешь ему быть?

— Ты сам сказал — иллюзии не могут служить пищей. А я сыт.

— Сытость — тоже ощущение. И потому может быть обманчивой.

— Но бифштекс-то был вполне реален.

— Значит ты веришь в бога? — спросил Ферри.

— При чем тут бог?

— А как же иначе? Ведь только что на наших глазах произошло чудо. Из ничего возник кусок мяса. Мистика.

— Какая там мистика. Ты тут, видно, так одичал, что забыл об Эйнштейне.

— При чем здесь Эйнштейн?

— Пре-ле-стно... А при том, что масса зависит от скорости. Из двух частиц, если их хорошенько разогнать, в принципе можно изготовить целую галактику,— не то что бифштекс.

— Предположим,— устало согласился Ферри.— Но где ты слышал, чтобы атомы сами собой складывались в хорошо поджаренный бифштекс? Вероятность такого события — десять в какой-нибудь минус стотысячной степени. Практически — ноль.

— Ты прав, конечно, если не учитывать, что бифштекс возник именно таким, каким я его себе представил.

— Великолепно! Значит бог — ты?

— Черт возьми! — захохотал Клей.— Ты сделал потрясающее открытие. Впрочем, богу не пристало упоминать черта.

— Ничего. В твоей власти отпустить себе грехи.

— И то правда. Вот только я не умею делать чудеса.

— А ты попробуй,— усмехнулся Ферри.

— И попробую,— беспечно сказал Клей.— Что бы такое придумать? — он огляделся.

— Не все ли равно,— Ферри развалился в кресле, которое стояло в углу комнаты, и закинул ногу на ногу. Как обычно после ужина, на него снизошло благодушное настроение.— Тому, кто способен творить чудеса, безразлично, что именно сотворить... Сотворить или уничтожить...

— Постой,— подхватил Клей,— а это идея!

Он хитро прищурился и посмотрел на Ферри:

— Ну что ж, попробуем. Пусть кресло, на котором ты сейчас сидишь, перестанет существовать...

Ничего не произошло.

— Ну что же ты,— засмеялся Ферри,— горе-чудотворец...

Он осекся и беспокойно заерзал, ибо с креслом стало происходить что-то странное. Оно неправдоподобно изогнулось, словно в мультипликационном фильме, потом вскинуло ножками, как неровная лошадь, и вдруг стало таять...

— Эй,— завопил Ферри, но было поздно. Кресло окончательно растворилось, и он грохнулся на пол.

— Вот так штука...— протянул Клей.

— Что за дурацкие шутки! — рассвирепел Ферри, потирая ушибленный локоть.

Клей уже пришел в себя.

— А разве что-нибудь случилось?

— Он еще спрашивает...

— Ах, ты упал, ударился... Но ведь это всего лишь твои ощущения...

— Ты это мне брось...— начал было Ферри, но, взглянув на то место, где только что стояло кресло, умолк.— Черт знает, что такое...

— Так,— удовлетворенно заметил Клей и уничтожил стол. Ферри только хмыкнул.

Клей уже вошел во вкус. Вслед за столом он уничтожил один табурет, потом второй, потом тумбочку, потом снова создал табурет.

— Стой,— закричал Ферри.— С меня хватит.

— А что? — осведомился Клей.

— Ты начисто лишен фантазии, вот что... Уничтожил — создал, создал — уничтожил... словно ребенок. Это, наконец, становится скучным.

— В каждом из нас живет ребенок,— сказал Клей.

— И все же ты мог бы придумать что-нибудь поинтересней.

— Всю жизнь я мечтал о волшебной палочке,— не слушая его продолжал Клей.— А теперь она, кажется, у меня появилась, но я, как назло, ничего не могу придумать... В детстве у меня таких игрушек не было.

— Кому игрушки,— пробурчал Ферри,— а кому...

— И что же говорит твоя милая логика? — не унимался Клей.— Произошло нечто противоречащее всем законам — не так ли? Но если все законы уже известны, как утверждают некоторые, то при-

дется признать, что существует «нечто», стоящее выше законов. Что скажешь?

— Скажу, что ты прав,— хмуро произнес Ферри.

— Что?..— поразился Клей.— Неужели ты это всерьез?

— Мне не до смеха, Клей.

— Челуха,— отрезал Клей.— Просто какой-то новый парадокс.

— Хорошенький парадокс... Клей — чудотворец?.. Может быть, напишешь формулу? Нет, все! Возвращаюсь на Землю и становлюсь миссионером. Буду летать по планетам и рассказывать о чудесах... А тебя возьму как наглядное пособие.

— А что? — подбоченился Клей.— Уж я тебя не посрамлю. Но только придется тебе пореже поминать черта.

— Может быть, в черте все и дело. Откуда ты знаешь?

— Не знаю,— согласился Клей.— Знаю только, что у меня это неплохо получается.

— Между прочим, как ты это делаешь?

— Очень просто — стараюсь представить себе поотчетливее то, чего хочу. Зримо. Вот и все.

— О черт! — вдруг вскрикнул Ферри.— Смотри!

Клей оглянулся. Шар лежал у самой стены, там, где только что была койка. Он раздулся до размеров футбольного мяча и напряженно пульсировал, светясь изнутри мерцающим изумрудным светом.

Клей приблизился к шару и наклонился над ним.

— Твоя работа? — спросил он.

Изумрудный цвет мгновенно перешел в рубиновый. Шар оторвался от пола, подпрыгнул метра на полтора вверх, едва не задев Клея, на мгновение неправдоподобно завис в верхней точке, а затем опустился вниз и снова позеленел.

— Как это понимать? — растерянно спросил Клей.

— Должно быть, нечто вроде подтверждения,— предположил Ферри.

— Впрочем, с тем же успехом это может быть и отрицание.

— М-да...— протянул Клей, продолжая задумчиво смотреть на шар.— Впрочем,— вдруг оживился он,— есть идея!

Клей подошел к шару почти вплотную.

— Если это «да»,— произнес он раздельно,— то пусть исчезнет...

Клей огляделся, но благодаря его стараниям комната почти опустела. На мгновение его взгляд задержался на Ферри. В глазах Клея мелькнули озорные огоньки.

— Ну, ну,— не на шутку испугался Ферри.

— А что? — невинно произнес Клей.— Потом я «сотворю» тебя снова.

— Сотворишь... Таким, каким ты меня представляешь. Но это будет уже совсем не тот Ферри. Нет уж, уволь.

— Так и быть,— милостиво согласился Клей.— Тогда,— он снова повернулся к шару.— Если это было «да»,— пусть опять будет стол.

Стол возник в ту же секунду.

— Теперь,— сказал Клей,— осталось выяснить, что представляет собой «нет»... А потом можно будет сыграть в игру, которой я увлекался в детстве: отгадывать, когда тебе отвечают только «да» или «нет».

— Выяснить не сложно,— заметил Ферри. Он пересек комнату и встал рядом с Клеем.

— Как будет обозначено «нет»? — спросил он, глядя на шар.

На этот раз шар остался на месте, но его изумрудный цвет перешел в яично-желтый.

— Что это было? — спросил Ферри, обводя рукой широкий полукруг в воздухе.— Волшебство?..

Яично-желтый цвет сделался еще более ядовитым.

— Видишь? — сказал Клей.— А ты еще сокрушался, что в мире не осталось ничего неизвестного... Обитатели этой планеты знали больше, чем мы с тобой.

— Подожди,— отмахнулся Ферри и снова повернулся к шару.— Значит, есть законы природы, которые нам, вот ему и мне, земной науке — еще не известны?

Шар резко покраснел.

— И все, что здесь только что происходило, подчинялось этим законам?

Шар замигал рубиновым светом.

— Прощай, миссионерство! — засмеялся Клей.— Придется тебе еще раз повернуться спиной к самому себе и заняться сокрушением современной физики.

— Не паясничай,— поморщился Ферри.— Лучше подумай о том, как нам добыть всю эту информацию... Могли бы мы получить соответствующую информацию? — обратился он к шару.

Шар пожелтел.

— Неправильно ставишь вопрос,— заметил Клей.

— Ты прав, Клей, это не вопрос, скорее разочарование.

— А я, кажется, понимаю. Его так запрограммировали те, кто жил здесь раньше.

— Спасибо за пояснение — до этого я и сам как-нибудь додумался бы. Но почему? Почему они не захотели ни с кем делиться своими знаниями?

— Может быть, законы природы нельзя дарить в готовеньком виде, их надо выстрадать самим.

— Зачем же тогда вся эта фантазмагория! — произнес Ферри.
— Не знаю... Возможно, затем, чтобы разбить нашу привычку все абсолютизировать. Твою привычку...

— Придется взять его с собой на Землю. Там разберемся, — сказал Ферри.

Шар снова засветился желтым светом.

— Он не хочет на Землю, — заметил Клей.

— Что значит — не хочет? В конце концов это только машина.

Желтый свет стал ослепительным.

Ферри сделал шаг по направлению к шару.

Шар затрепетал, словно птица, попавшая в силки.

— Берегись, Ферри, — закричал Клей.

— Плевать я хотел! — Ферри протянул руку.

В то же мгновение желтый свет погас. Шар сорвался с места, проскользнул между Клеем и Ферри, рванулся к закрытой двери и, беспрепятственно пройдя сквозь нее, исчез.

Клей и Ферри растерянно посмотрели друг на друга, потом на оставшуюся невредимой дверь.

— Черт знает что, — пробормотал Ферри. — Двадцать сантиметров титановой стали!

Клей уже пришел в себя.

— На его месте я поступил бы точно так же, — задумчиво сказал он.

— М-да... — Ферри вздохнул. — Так мы ничего и не узнали. — Он почему-то улыбнулся. — Ну что же, переверот в физике откладывается.

— Ошибаешься, узнали, — возразил Клей. — И немало.

— Ты о чем?

— Мы узнали, что этот переверот неизбежен. А это уже кое-что.

М. КРИВИЧ, Л. ОЛЫГИН

ЧТО-ТО СТАЛО ХОЛОДАТЬ...

Каждое событие, большое или малое, меняющее судьбы человечества или отношения соседей по лестничной клетке, каждое событие кто-то замечает первым. Первым говорит «смотрите!» или «ах!» или что-нибудь в этом роде.

Трехлетняя Вика, возвращаясь с родителями домой из Зоны Нетронутой Природы, съехала, подтянула колени к подбородку, передернула плечами и жалобно сказала:

— Ой, мама...

Девочка заболела вечером. Глубокой ночью скорая помощь

доставила в центральную клинику одного за другим еще нескольких больных с весьма странными симптомами. Утром, после сто шестнадцатого случая, неизвестная медицине болезнь была названа в теле-новостях «синдромом Вики». Когда солнце было близко к зениту и взволнованные граждане спешили домой с работы, все больничные койки в мегаполисе были заняты. Страдающих «синдромом Вики» перестали госпитализировать.

Признаки заболевания, которые публично огласил в вечерних известиях Главврач, были уже знакомы каждому. Легкий озноб, покраснение носа и ушей и, наконец, крохотные бугорки на поверхности кожи, напоминающие пупырышки на теле оципанного гуся.

Директор города расстегнул запонку, закатал рукав, провел рукой от локтя до кисти. «Началось», — подумал он, но без тревоги, а скорее с чувством обреченности, смешанным в то же время с какой-то неосознанной гордостью, что вот он, Директор, со всеми явными признаками «Вики», останется здесь, у себя в кабинете, и, если придется лечь в больницу, он ляжет последним. А потом он забыл о своем недомогании, потому что пришел Главврач со сводкой в руках, положил ее на стол, вздохнул и, конечно, не сказал ничего хорошего.

— Худо, Директор. Уже сорок семь тысяч зарегистрировано. Такого не было и в ноль тридцать пятом, во время вспышки эпидемического паротита... Но тогда у нас хоть что-то было — ну, ихтиоловая мазь хотя бы. А сейчас.. Словом, чем эту заразу лечишь, я не знаю.

Директор видел, как подрагивают руки Главного, видел проклятые пупырышки в вырезе его рубашки и прикидывал, кто в эти смутные дни заменит Врача, если и он свалится. Только бы этого не случилось...

— Нет, Директор, пока без летальных исходов. Но у многих госпитализированных «Вика» прогрессирует. Насморк, в горле першит, трясет их, бедняг, — уныло закончил Главврач и откашлялся в кулак.

— А что твои светила?

Главный, порывшись в портфеле, вытащил вчерашний номер «Будь здоров!» и отчеркнул ногтем два заголовка. «Не верю я этому» — гласил первый. «Даже если эти факты в какой-то мере соответствуют действительности, то речь идет о редкой аномалии», — писал профессор мединститута. «Ничего удивительного», — возражал другой заголовок. — Любое, даже самое безобидное, вещество при чрезмерном его потреблении способно вызвать необычную ответную реакцию организма...»

Директор переахнул плечами — скорее от раздражения, чем от озноба, — и позвонил Секретарю:

— Зови всех главных, да побыстрее!

Совещание было недолгим. Все свелось к трем предложениям. Запросить соседний мегаполис: у них как будто с полвека назад был случай массовой аллергии. Запретить въезд и выезд граждан. Сократить рабочий день. С первыми двумя предложениями согласились все, на последнее Экономист наложил вето.

Директор снова остался один. Силясь сдержать озноб, он довольно долго просидел за столом. Секретарь не соединял его даже с самыми настойчивыми просителями. За это время он не притронулся к стопке писем, не подписал ни единой бумаги. Он ровным счетом ничего не делал, потому что просто не знал, что ему делать. А озноб усиливался с каждой минутой, и Директор попросил горячего чая.

Секретарь поставил дребезжащий поднос на тумбочку и долго приставлял на углу стола чашку, сахарницу, блюдечко с вареньем, передвигая папки, карандаши, стопки газет. Так он возился до тех пор, пока Директор сурово не поглядел на него. Поглядел — и изумился: поверх розовой рубашки и светло-серых брюк юноша был обмотан чем-то плотным, оранжевым, цветастым. Закутанный наподобие кокона, он выглядел очень забавно. Директор совсем развеселился, когда в оранжевой ткани узнал портьеру из своей приемной.

— В общем немного помогает, — смущенно пробормотал Секретарь. — Ты сам попробуй... Может электризация какая, вроде лечебного белья... А?

Директор замялся и махнул рукой. Но когда дверь за Секретарем закрылась, он, помедлив, стаял со стола заседаний суконную скатерть и набросил ее на плечи. Несколько минут простоял, не шевелясь, придерживая расплывающиеся концы скатерти подбородком. И почувствовал — стало легче.

Тогда он взял коробочку со скрепками, достал одну, разогнул ее и, с трудом проколов толстую ткань, закрутил проволочку у подбородка. В таком нелепом виде, смущаясь и испытывая в то же время непонятное блаженство, Директор бочком проскочил в приемную, спустился по лестнице и приоткрыл парадную дверь.

Директор не выходил из кабинета уже сутки. Он представлял себе город в дни трагедии иным — пустынным, безлюдным, притихшим. Однако по мягким плитам центральной площади шли люди; их, правда, было не так много, как обычно в этот час, но все же ничто не напоминало пустыню. И что больше всего поразило Директора — многие из них, точно так же, как он сам, были обернуты

в скатерти или же в занавеси, в чехлы для транспортных кресел, в ковры. Наконец в некоторых особенно пушистых одеяниях он с удивлением узнал куски зеленых хлорбархатных газонов, которые год назад завезли в мегаполис. И сразу же, переведя взгляд на газоны, заметил на них многочисленные проплешины.

— Народная медицина, Директор,— услышал он за спиной голос и, обернувшись, увидел улыбающегося Секретаря. Директор ничего не ответил, расправил складки скатерти и вышел на залитую солнцем площадь.

И снова почувствовал озноб.

Сделав несколько шагов и позернув за угол, Директор увидел возле ступеней городского Театра комедии и трагедии на Малой Исторической открытое пламя. Настоящее открытое пламя, как в старинной кинохронике. Это зрелище было настолько ошеломляющим, что у Директора перехватило дыхание. Какие-то неровные куски то ли пластмассы, то ли дерева потрескивали, охваченные изгибающимися язычками огня. Несколько человек, окутанные сизыми клубами продуктов горения, стояли возле огня, протягивая к нему руки. А трое ребятишек потихоньку растаскивали ограду памятника. Это было вопиющим нарушением «Правил поведения граждан мегаполиса в общественных местах». Директор шагнул к огню.

И тут его снова отпустило...

Задыхаясь, Директор бежал по ступенькам театра. Где здесь телефон? Наверное, у администратора...

— Мне Инженера... Сорви пломбу с приборного контейнера! Посмотри, что там показывает эта штука... как ее... ну, которой меряют температуру воздуха. И звони, немедленно звони... Я буду у себя.

Не переведя дыхания, Директор бросился к себе. И успел вовремя: уже звонил телефон.

— Всего пятнадцать градусов! Как ты догадался! — кричал в трубку Инженер.

— Сколько?!

— Пятнадцать, говорю. А положено — двадцать один...

— Непрерывно следи за этим... Ну да, термометром. И пусть каждый час мне докладывают.

Теперь Директор знал, что надо делать. Звонить Главврачу. Одевать людей. Искать топливо. Разводить костры. Словом, делать то, что ни ему, Директору с тридцатилетним стажем, ни одному из его по меньшей мере пятидесяти предшественников не приходилось делать.

Уже много поколений жители всех европейских мегаполисов жили при температуре двадцать один градус. Плюс — минус две

соты. И, конечно, можно было предположить, что рано или поздно произойдет что-то неладное с кондиционерами. Он, Директор, обязан был это предрисовать.

«Сейчас март, — думал Директор. — Что можно ждать от марта?»

— Алло, Историк! Какая температура должна быть в наших краях в марте? Да нет — прежде... Когда? Ну, триста лет назад. Жду... Понял. Что, и минус тоже? Спасибо.

...Весь этот день, и ночь за ним, и следующий день температура падала. Пока люди из ведомства Инженера возились с кондиционерами, холод становился все более нестерпимым. По рекомендации «Будь здоров!» было введено обязательное ношение теплых накидок и носовых платков из подручных материалов. В районе Крыжополя была организована Зона Больших Костров, куда вывозили особо чувствительных к холоду. В жилищах стали устанавливать небольшие железные отопительные цилиндры с трубой и дверцей, за которой разводили огонь.

Мегалополис сражался с холодом...

А на третьи сутки случилось страшное.

Директор, записав очередную сводку — днем около нуля, — подошел к окну. На улице было пасмурно, как в предрассветный час. Мимо окон к земле проплывали белые хлопья. Они мягко ложились на площадь, закрывая газон и голую землю, и плиты, превращая все в одно белое однообразное поле. Рывком открыв окно, Директор подставил руку под косо летящие хлопья и поймал несколько белых крупинок. Они медленно превращались в воду у него на ладони. Через несколько часов эта причудливо закристаллизованная вода закроет все улицы города, остановит транспорт, лишит людей возможности выйти на улицу, она достигнет первых этажей, вторых...

А еще он увидел внизу, под самыми окнами нескольких ребятишек, заботливо укутанных по самое горло, да так хитроумно, что каждая рука и нога были завернуты отдельно. И эти ребятишки носились по белому полю, оставляя на нем темные следы, собирали, нагибаясь, горсти белых хлопьев, сминали руками в плотные комки и с радостными воплями кидали друг в друга. Комки ударялись об их странную толстую одежду, разваливались на кусочки и падали на землю.

Один белый шарик попал в девочку лет трех. Попал прямо в намотанный на голову платок, рассыпался. И Директору в который раз за эти дни стало зябко, когда белые студеньи крупинки посыпались девочке за шиворот.

— Ой, мама! — сказала Вика.

ВЛАДИМИР МИХАНОВСКИЙ

ФИАЛКА

[Повесть]*

— А что если это простая мистификация? — сказал Арно Камп, с сомнением рассматривая цветок. Сплюснутый от лежания в плотном пакете цветок тем не менее выглядел совсем свежим, будто его только что сорвали.

— Непохоже, — ответил человек, сидевший по другую сторону стола.

— Уж слишком невинным он выглядит, — произнес после паузы Арно Камп.

— Согласен. Эта штука и в самом деле выглядит невинно. Но к ней приложено еще кое-что.

— Вот именно: кое-что, — вздохнул шеф полиции и, пододвинув поближе несколько блокнотных листков, прочел вполголоса, но не без выражения: «Гуго Ленц! Вы имеете несчастье заниматься вещами крайне опасными. Добро бы они угрожали только Вам — в таком случае Ваши научные занятия можно было бы счесть делом сугубо личным. Но Вы пытаетесь проникнуть в последние тайны материи, тайны, которых касаться нельзя, как нельзя коснуться святынь в алтаре, без того, чтобы не осквернить их. Природа терпелива, но только до определенного предела. Если его перейти, то она мстит за себя. Знаю, Вы руководитель крупнейшего в стране научного комплекса, лауреат Нобелевской премии и обладатель десятка академических дипломов...»

— Как видно, автор письма хорошо вас знает, — прервал чтение шеф полиции.

— Эти сведения не составляют тайны, — пожал Ленц плечами.

— Пожалуй. Но вернемся к письму. «Неужели Вы, Гуго Ленц, всерьез думаете, что перечисленные регалии делают Вас непогрешимым? Я знаю, Вашу особу охраняют день и ночь, и на территорию Ядерного центра, как говорят, и ветерок не просочится. Вероятно, это делает Вас полностью уверенным в собственной неуязвимости?»

Шеф полиции оторвал взгляд от листка.

— Скажите, у вас нет друзей, которые любят шутки, розыгрыши и прочее в таком духе?

— Нет, — покачал головой Ленц.

— Простой человек так не напишет, — это же, как мы только что убедились, целый трактат о добре и зле. — Шеф полиции потряс в воздухе тоненькой пачечкой листков.

* Печатается в сокращении.

— Во всяком случае, автор не скрывает своих взглядов.

— Как вы считаете, кто из вашего близкого окружения мог написать это письмо? — спросил Арно Камп.

Ленц молчал, разглядывая собственные руки.

— Может быть, вы подозреваете какое-либо определенное лицо? — продолжал шеф полиции. — У каждого из нас есть враги, или по крайней мере завистники. Нас здесь двое, и, обещаю вам, ни одно слово, сказанное вами, не выйдет за пределы моего кабинета. Подумайте, не торопитесь.

— К сожалению, никого конкретно назвать не могу, — твердо сказал физик, глядя в глаза Кампу.

— Никого?

— Никого решительно.

— Жаль. Когда пришел пакет?

— Сегодня с утренней почтой.

— Надеюсь, вы не разгласили содержание письма?

— Я рассказал о нем сотруднику.

— Напрасно.

— А что в этом плохого?

— Могут пойти нежелательные разговоры.

— По-моему, чем больше людей будет знать об этой угрозе, тем лучше.

— Разрешите мне знать, что в данном случае лучше, а что хуже, — резко произнес шеф полиции. — Вы что, пустили письмо по рукам?

— Нет, рассказал его.

— Пересказали?

— Рассказал дословно.

— То есть как? — поинтересовался шеф. — Вы успели заучить письмо наизусть?

— Видите ли, у меня идиотская память. Мне достаточно прочесть любой текст один-два раза, чтобы запомнить его.

— И надолго?

— Навсегда.

— Удивительно, — заметил шеф и, склонившись над столом, что-то пометил. — Впрочем, хорошая память необходима ученому.

Они помолчали, прислушиваясь к неумолчному городскому шуму, для которого даже двойные бронированные стекла не были преградой.

— Как вы считаете, мог быть автором письма сумасшедший? Или фанатик? — спросил шеф полиции.

— Фанатик — да, но сумасшедший — едва ли, — усмехнулся Гуго Ленц. — Уж слишком логичны его доводы. Взять, например, это

место...— Ленц приподнялся, перегнулся через стол и протянул руку к пачке листов, лежащих перед шефом полиции.

— Минутку,— сказал шеф и прикрыл листки ладонью.— Поскольку вы все запоминаете...

— Понимаю,— усмехнулся Ленц.

— Простите...

— Следите по тексту,— прервал Ленц и, уставившись в потолок, начал медленно, но без заминок читать, словно там, на белоснежном пластике, проступали одному лишь ему видимые строчки: «Да, все в природе имеет предел. Я бы назвал его условно «пределом прочности». Преступите этот предел — и рухнет строение, упадет самолет, пойдет ко дну корабль, взорвется, словно маленькое солнце, атомное ядро... Вы, Ленц, претендуете на то, чтобы нарушить предел прочности мира, в котором мы живем. Частицами космических энергий Вы бомбардируете кварки — те элементарные кирпичики, из которых составлена Вселенная.

Если Вы добьетесь своей цели, я не дам за наш мир и гроша. Цепная реакция может превратиться в реакцию, сорвавшуюся с цепи. И мир наш рассыплется.

Кто, собственно, дал Вам право, Гуго Ленц, на эти эксперименты? Правда, у Вас имеется благословение самого президента. Но речь идет о другом — о моральном праве заниматься делом, которое может все человечество поставить на грань уничтожения. Я лишу Вас этого права и этой возможности...»

— Правильно,— вставил шеф полиции, когда Ленц остановился, чтобы перевести дух.

— Вы считаете, что автор письма прав? — быстро спросил Ленц.

— Я имею в виду — читаете точно по тексту,— пояснил шеф. Ленц откинулся в кресле.

— Допустим, мои опыты действительно опасны,— сказал он и на несколько мгновений устало прикрыл глаза.

— Опасны? — переспросил Камп.

— Можно предположить, что они грозят уничтожить материю, распылить ее. Но по какому праву автор письма берется поучать меня? Кто уполномочил его быть защитником человечества? Он что, господин бог, держащий в деснице своей судьбу мира? Или пророк, которому ведомо будущее мира? Быть может, то, чем я занимаюсь, расщепляя кварки, эти самые кирпичики Вселенной, входит составной частью, причем необходимой частью, в естественный процесс эволюции?

— Не вполне уловил вашу мысль.

— Я хочу сказать: быть может, расщепление кварков — это ступень, которую не должна миновать в своем развитии никакая

цивилизация,— пояснил Ленц.— А подумал ли об этом автор письма? Физик, казалось, забыл о шефе полиции. Он полемизировал с невидимым собеседником, в чем-то убеждал его, спорил, доказывал.

Выдвигая в свою защиту хитроумный контрдовод, он с победоносным видом пощипывал бородку, а после серьезного возражения «оппонента» сникал, нервно хрустел пальцами, мучительно тер переносицу.

— Вы слишком горячитесь,— сказал шеф полиции, когда Ленц умолк, подыскивая возражение на очередной аргумент автора анонимки.— Что толку — спорить с тенью? Вот изловим автора послания, тогда — другое дело.

— Изловите?

— Надеюсь.

Гуго Ленц поднялся, небрежно одернул костюм.

— Но автор письма вроде не оставил никаких улик? — сказал он.

— Так не бывает, дорогой Гуго Ленц. Когда-то ваш великий собрат сформулировал правило: всякое действие вызывает равное по величине противодействие.

— Третий закон Ньютона,— машинально произнес Гуго Ленц.

— Соответственно я так бы сформулировал первый и основной закон криминалистики,— сказал Камп, выходя из-за стола.— Всякое действие — я имею в виду действие преступника — оставляет след. Наша задача — отыскать этот след, как бы ни был он мал и неприметен.

— Хотел бы я знать, где вы будете его искать? — бросил физик.

— У всякого свои профессиональные тайны,— сказал Арно Камп и пристально посмотрел на физика.— У вас — свои, у нас — свои.

— Каждому свое,— согласился Ленц.

Короткое возбуждение физика прошло, он выглядел осунувшимся. Шеф полиции проводил Ленца до двери кабинета.

— Делайте спокойно свое дело,— сказал Камп.— Мы позаботимся о вашей безопасности. Но вы должны выполнять наши требования.

— Что я должен делать? — обернулся Ленц.

— Нам понадобится ввести на территорию Ядерного центра нашего человека.

— Моего телохранителя?

— Не только.

Гуго Ленц подумал.

— Хорошо,— сказал он.— Когда прибудет ваш агент? Завтра

— Сегодня. Ровно через сорок минут,— бросил шеф, глянув на часы.— Вы успеете добраться до места?

— Если потороплюсь.

— Поторопитесь. Как с пропуском?

— Вот пропуск,— сказал Гуго Ленц, протягивая шефу узкую пластиковую полоску, на которой были вытиснены какие-то знаки.

— Кто его встретит?

— Мой секретарь.

— Только одно условие,— сказал шеф, взявшись за дверную ручку.— Полная тайна. Если вы кому-нибудь скажете, кто этот человек, вы сможете погубить его. Да и себя заодно.

— Я-то погибну в любом случае,— махнул рукой Гуго Ленц.

— С этого часа на вашу защиту выступит весь полицейский корпус страны,— сказал Арно Камп.— Как говорится, вся королевская рать. А теперь поторопитесь к себе.

Оставшись один, шеф полиции несколько минут ходил по кабинету, соображая, как вести дальше необычное дело. Конечный успех будет зависеть от того, насколько правильно удастся определить сейчас стратегию поиска. Он взял со стола листок, внимательно перечитал окончание письма.

«Выход для Вас один, Гуго Ленц: добровольно отказаться от посягательства на святая святых природы, на самую жизнь, расцветающую диковинным цветком среди ледяных просторов космоса. Вы должны зашвырнуть в пропасть сработанные Вами ключи от алтаря, где хранится Непознанное. И пусть никто больше не сможет отыскать эти ключи. Даю Вам три месяца. Срок, надеюсь, достаточный. Если по истечении трех месяцев окажется, что Вы не выполнили моих условий,— пеняйте на себя. Вы умрете, и ничто Вам не поможет. Впрочем, надеюсь и на Ваше благоразумие. Вместо подписи прилагаю фиалку. Пусть напоминает она Вам как о красоте, так и о бренности всего земного».

Камп хотел еще раз понюхать цветок, но рука его замерла на полдороге. Неожиданная мысль заставила шефа побледнеть. А что, если цветок отравлен? В самом деле, как просто. Что, если цветок пропитан ядом, действие которого рассчитано на три месяца? Ведь были же возможны такие штуки в средние века.

По вызову в кабинете бесшумно появился секретарь.

— Возьмите на экспресс-анализ,— кивнул шеф на листки бумаги и лежащий отдельно конверт.— Отпечатки пальцев и все остальное.

— Слушаю.

— И цветок прихватите. Нет, наденьте перчатки.

Шеф подошел к окну. Побарабанил пальцами по стеклу. Пустя-

ки, главное спокойствие. Экспресс-анализ будет готов через две-три минуты. Прежде, чем действовать, необходимо получить результаты.

В голову лезли ненужные мысли. Цезарь Борджиа, чтобы избавиться от неугодных ему кардиналов, давал им ключ с просьбой открыть ларец с драгоценностями или что-то в этом роде. Ключ был снабжен неприметным буторком, смазанным медленно действующим ядом, а ларец как на беду открывался чрезвычайно туго. Приходилось нажимать на ключ, и яд впивался кожей. Проходили месяцы, неугодный кардинал чах и бледнел и, наконец, испускал дух, несмотря на отчаянные усилия лекарей...

Но с тех пор наука продвинулась далеко вперед. Диагностика делает чудеса. Электронная память обычного медицинского компьютера хранит в своих ячейках все мыслимые и немыслимые яды и их соединения. Живи кровожадная отравительница Екатерина Медичи не в шестнадцатом веке, а в наше просвещенное время, она была бы изболита уже на следующий день после совершенного злодеяния.

Странное письмо получил Гуго Ленц. Текст написан на машинке, только цифра «3», показывающая, сколько месяцев жизни отмерено адресату, вписана почему-то от руки.

Да и реакция Гуго Ленца на анонимное письмо, и все его поведение не совсем понятны. Складывается впечатление, будто знаменитый физик внутренне смирился с предстоящей скорой смертью, признал ее неизбежной.

Короткий звук тронутой струны заставил шефа прервать ход мыслей. Он быстро подошел к столу. На переговорном пульте мигал глазок вызова, экран наливался светом.

— Докладываю результаты анализа,— прозвучал голос старшего эксперта, слегка искаженный мембраной.

— Я слушаю.

— Обнаружены лишь отпечатки пальцев Гуго Ленца и ваши.

Автор письма действовал, по всей видимости, в перчатках.

— А чем вписана цифра три?

— Обычной шариковой ручкой.

— Паста?

— Стандартная.

Шеф помолчал, подавляя готовый вырваться вопрос.

— Цветок не отравлен,— продолжал эксперт.

Арно Камп кашлянул.

— За выводы отвечаете головой.

— Как всегда, шеф.

Экран померк.

С предварительной экспертизой ясно. Было бы наивно ждать от нее каких-либо результатов в духе средневековья.

Теперь — экстренное совещание. Время не терпит. Как знать, а вдруг цифра три — просто камуфляж, и завтра Гуго Ленца обнаружат либо с проломленным черепом, либо с пулей в сердце, всаженной из бесшумного пистолета?

День Арно Кампа только начался, а уже обещал быть хлопотливым и трудным. Поджог в универсальном магазине, похищение Рембрандта из столичной картинной галереи, стачка студентов и на закуску — история с Гуго Ленцем.

А вдруг угроза Ленцу исходит от какой-нибудь тайной организации? Только этого не хватало.

Да, ошибается тот, кто думает, что у полиции легкий хлеб.

Кабинет шефа полиции наполнился сотрудниками. Оперативное совещание было коротким — шеф не любил долгих словопрений.

Начали с обсуждения «фиалочной» загадки.

Суть, конечно, была не в банальной угрозе смерти — такие вещи, увы, были не в диковинку. Настораживала необычность требований преступника, а также то, что объектом угрозы был выбран один из ведущих ученых страны.

Различные версии подвергли предварительному обсуждению.

Поскольку практически весь текст письма машинописный, для начала решено было проверить все машинки, имеющиеся в стране.

Взгляд Арно Кампа, обеда всех в кабинете, остановился на черноволосом крепыше, устроившемся в кресле, в котором совсем недавно сидел взволнованный Гуго Ленц.

— Артур Барк, — неожиданно произнес шеф, — какие у вас отношения с физикой?

— Простите... С кем?

— С физикой. Вы знакомы с ней?

— Даже не здоровался, — нашелся Барк.

— С сегодняшнего дня вы друзья. Отныне вы физик, Артур Барк! — сказал шеф.

— Но я не отличу мезона от бизона!

— Такого подвига от вас и не требуется. Вы станете физиком для работников Ядерного центра, куда направитесь немедленно. Вот пропуск. Все согласовано. У Восточных ворот вас встретит секретарь Гуго Ленца.

— Я буду телохранителем Гуго!

— Полутно. Вживитесь в обстановку. Выясните на месте, что к чему, какие враги или завистники могут быть у Ленца. Кто заинтересован в том, чтобы устранить его.

— Я пущу кории...

— Не очень тяните. Возможно, преступник начнет действовать не через три месяца, а завтра.

Артур Барк кивнул.

— Главное — осторожность,— продолжал шеф.— Важно не спугнуть, а заполучить в руки этого... цветочника.

Барк поднялся.

— О результатах докладывайте лично мне в любое время дня и ночи,— закончил шеф.

— Разрешите идти? — вытянулся Барк.

— Не идти, а лететь! — Шеф посмотрел на часы.— Гуго Ленц будет на месте минут через десять. Вы должны прибыть в Ядерный центр вслед за ним.

Выйдя заблаговременно из машины, еще горячей после гиперзвукового прыжка, Барк отправил ее обратно. Площадь он решил пересечь пешком. Сразу стало жарко — апрельское солнце прилежало совсем по-летнему.

У Восточных ворот было пустынно. Барк знал, что люди предпочитают огибать этот район. Ходили упорные слухи, что вокруг Ядерного центра сильно повышена радиация. Городские власти несколько раз производили проверку, не подтверждавшую слухи, но разговоры об опасном излучении не затихали. Говорили о новом излучении, которое не могут уловить прежние приборы.

Насвистывая модный мотивчик, Артур Барк подошел к пункту автоматического контроля и сунул в щель узкий листок пропуска.

Автомат охраны долго и придирчиво проверял пропуск. Затем блеснул луч, еле заметный в лучах солнца, и узкая стальная дверь медленно отодвинулась в сторону, пропуская Барка.

Не без внутреннего трепета ступил Барк на территорию Центра, о котором был столько наслышан. Однако Артура ожидало разочарование. Он не увидел перед собой ни хитроумных машин-манипуляторов, ни каких-нибудь сногшибательных сооружений — ничего, о чем болтали досужие языки.

Дорожки институтского двора были чисто подметены, а аккуратные корпуса, расставленные в шахматном порядке, напомнили Артуру госпиталь, в котором он имел удовольствие проваляться целый месяц после неудачной стычки с уличными головорезами.

Редкие платаны начинали зеленеть.

У места, где аллея, ведущая от Восточных ворот, расходилась веером, Барк остановился. В нерешительности огляделся. Людей не было видно.

В ослепительном синем небе плыл коршун. Сделав широкий

круг, он начал снижаться на территорию центра, и вдруг, ударившись о невидимую преграду, быстро-быстро затрепетал крыльями. Мягкая, но властная сила отбросила прочь насмерть перелуганную птицу.

Ядерный центр сплошным куполом покрывало защитное поле. «Верно говорится: сюда и ветерок не залетит», — подумал Барк.

Артур приосанился. Навстречу шла молодая женщина. На улыбку Барка она не ответила.

— Вы вошли в Восточные ворота? — спросила женщина.

— Да.

— Артур Барк, специалист по нейтринным пучкам?

— Он самый... по пучкам...

— Я секретарь доктора Гуго Ленца, меня зовут Шелла Валери.

— Очень приятно.

— Пойдемте, доктор Ленц ждет вас.

По дороге Артур пытался разговориться, но Шелла отвечала односложно и не очень приветливым тоном.

Аллея сделала поворот, и Барк едва не вскрикнул: перед входом в корпус — большая клумба с фиалками.

— Фиалки? В начале апреля? — спросил он.

— Защитное поле, — пояснила Шелла, не оборачиваясь.

Только войдя в корпус, Барк понял, почему Ядерный центр внешне не произвел на него особого впечатления: основная часть сооружений находилась, по-видимому, под землей. Об этом говорил длинный ряд лифтов, ведущих вниз. О том, на какую глубину идут они, можно было только догадываться.

Доктор Ленц крепко пожал руку Артуру.

— Нам нужен именно такой специалист, как вы! — воскликнул он. — Пойдемте.

Они шли по лабораториям. Навстречу попадались люди, чаще хмурые и озабоченные.

— Чем ближе к цели, тем трудней приходится, — вскользь бросил Гуго Ленц.

В одном зале Барк обратил внимание на большую площадку, наспех обнесенную толстыми листами пластика. Он подошел поближе. Ленц последовал за ним, но явно неохотно, как отметил про себя Барк.

Артур заглянул в зазор между двумя неплотно пригнанными листами. Он увидел бесформенные обломки какой-то установки, опаленные огнем, изуродованные и почерневшие. В бетонных плитах пола видны были глубокие, с оплавленными краями вмятины, в которых, как почудилось Артуру, еще гмездился жар.

— Что здесь? — спросил Барк.

— Взорвался реактор.

— Причина?

— Несчастный случай.

Они пробирались по узкому лабораторному проходу, Артур протянул руку, чтобы погладить сверкающий медный шар. Ленц быстро оттолкнул Барка, так, что тот чуть не упал.

— Шестьсот тысяч вольт,— пояснил Гуго Ленц.

Барк кашлянул.

— А взрыв реактора... Жертвы были?

— К счастью, нет,— ответил физик и помрачнел.

— Люди успели спрятаться?

— Взрыв произошел ночью, когда здесь никого не было,— сказал Ленц.

Обход был утомительным. Они спускались в лифте, проходили комнаты, коридоры.

Барк еле поспевал за доктором Ленцем. Походка Гуго была стремительной, чуть переваливающейся.

Перед одной из дверей Гуго замедлил шаг.

— Сейчас я познакомлю вас с моим первым помощником,— бросил он и толкнул дверь.

Комната была небольшой, но очень светлой. Приборов, установок здесь не было, лишь стеллажи, уходящие под потолок. На полках аккуратно расставлены книги, блоки биопамати, катушки фотокопий. За столом, покрытым толстым листом пластика, сидел человек и что-то писал. Когда дверь отворилась, он поднял голову. Отложил ручку («шариковую»,— отметил Барк), поднялся навстречу вошедшим.

— Знакомьтесь: Имант Ардонис, моя правая рука,— сказал Гуго Ленц.

Ардонис кивнул.

— Артур Барк, наш новый сотрудник, разбирается в нейтринных усилителях,— продолжал Ленц.

— Очень кстати,— оживился Ардонис.

Барк поклонился.

Ардонис был красивый, совсем еще молодой человек. Его лицо было гладко выбрито, от него пахло дорогим одеколоном.

— Уже вернулись, доктор?— спросил Имант и откинул назад светлые волосы.

— Только что.

— Видели шефа полиции?

— Да.

— Обещал он что-нибудь предпринять?

— Пока еще нужно разобраться...

— Но письмо-то он прочитал по крайней мере? — спросил Ардонис.

— Прочитал.

— Почему же он сразу не начал действовать? Знаете, доктор, если уголовное дело носит не совсем обычный характер, эти полицейские ищейки сразу же теряются, и...

Ленц закашлялся.

— Мы потолкуем потом, Имант, — сказал он, когда приступ прошел.

— Хорошо, шеф.

— Как ускоритель?

— Я форсировал режим, не дожидаясь вас. Бомбардируемая масса близка к критической, поэтому любое промедление...

— Вы правильно сделали, Имант, — перебил его Ленц.

Ардонис, довольный, кивнул.

— Тут я набросал кое-какие расчеты... — начал он.

— Позже. Сейчас я должен ввести нашего нового коллегу в курс дела.

Имант перевел немигающие, чуть навыкате глаза на Артура. Казалось, взгляд его проникал насквозь.

Артур, прощаясь, протянул руку, длинные ресницы Иманта дрогнули.

Рукопожатие Ардониса было таким крепким, что Артуру показалось, будто ладонь его попала в тиски.

— Однако ж и правая рука у вас, — заметил Барк, когда они с Гуго Ленцем вышли в коридор.

— Правая рука? — переспросил Ленц.

— Я имею в виду Иманта Ардониса, — пояснил Барк, потирая руку. — Хватка у него железная.

— Верно, хватка у него железная, — ответил Гуго Ленц, думая о чем-то своем.

Из-за угла коридора навстречу им вышел рыжий кот. Вышел — не то слово, Кот важно шествовал, задрвав пышный хвост. Лицо Гуго оживилось.

— Я едва не забыл представить вам моего любимца. Его зовут дон Базилио, — сказал Ленц. — Как видите, это очень важная фигура...

— Вижу.

— В самом деле, он незаменим.

— Животное для опытов?

— Что вы, коллега, — улыбнулся Ленц, с нежностью глядя на животное, — дон Базилио — наш полноправный сотрудник. Замечательное существо.

— Чем же?

— Хотя бы тем, что находится здесь со дня основания нейтринной лаборатории. Правда, тогда он был лишь котенком-недоучкой, а теперь, как видите, взрослый, вполне сформировавшийся кот.

Кот подошел и стал тереться о штанину Гуго Ленца. Гуго наклонился и почесал кота за ушами. Кот с готовностью опрокинулся на спину, радостно мурлыча и подрагивая всеми четырьмя лапами.

— Базилио любит вас,— сказал Барк.

— Любит,— согласился Гуго, выпрямляясь.— Он присутствует при всех опытах, которые я провожу.

— Вот уж, видно, знаний набрался.

— Знаний у него не меньше, чем у иного ученого,— сказал Гуго Ленц, когда они двинулись дальше по коридору,— уверяю вас. Если бы дон Базилио умел разговаривать — дорого дала бы за него иностранная разведка. Впрочем, это уже не по моей части.

Они остановились у генератора, мощно тянущего одну и ту же низкую ноту.

— Ну вот, вы видели весь мой отдел,— сказал Гуго Ленц.— И сотрудников, включая дона Базилио.

— Вы показали мне все комнаты?

— Кроме одной.

— Секретный отсек?

— Мой рабочий кабинет.

— Я хотел бы посмотреть.

Ленц поморщился.

— Там ничего особенного нет,— сказал он.— Впрочем, пожалуйста. Если необходимо для дела...

Кабинет Гуго Ленца занимал угловую комнату. Запыленные окна, захлапленный пол придавали ей неуютный вид. Стол был завален рукописями, книгами, записными книжками. «Скорее, стол писателя, чем ученого»,— подумал Барк.

На отдельном столике у окна стоял предмет, заставивший сердце Барка забиться: пишущая машинка.

— Сами печатаете? — небрежно спросил Барк.

— Приходится,— сказал Ленц.

— В детстве мечтой моей жизни было — вволю постучать на машинке,— сказал Артур Барк и нежно погладил клавиши.— Машинка принадлежала соседу, а он был юрист и ужасно строгий. Один раз так свистнул меня линейкой по пальцам, до сих пор болят.

— Теперь вы можете удовлетворить свое давнишнее желание,— бросил Ленц, перебирая на столе какие-то бумаги.

Артур вставил в машинку чистый лист бумаги и наугад быстро отстукал несколько строк — случайный набор букв. Затем вынул

лист, сложил его и сунул в карман. Ленц, стоя спиной к Барку, возился с бумагами.

— Кто заходит в ваш кабинет? — спросил Барк.

— Никто. Я даже убирать здесь не разрешаю.

«Это заметно», — хотел сказать Артур Барк, но промолчал.

— Вы, наверно, над книгой работаете? — спросил Барк у доктора Ленца, когда они вышли из кабинета.

— Книгой?

— У вас на столе столько бумаг. Записки, блокноты, — пояснил Барк.

— Для книги времени нет, — махнул рукой Гуго. — Раньше, правда, была такая идея. Кое-какие материалы подготовил. А теперь... Дай бог за оставшееся время хотя бы дневники в порядок привести.

— Вижу, работы у вас много.

— Особенно сейчас. Вдохнуть некогда. Только кофе спасает: пью его беспрерывно, — сказал Ленц.

Они шли по коридору, пластик поглощал шаги.

— Кофе сами варите? — вдруг спросил Барк.

— Этой технологии я не осилил, — улыбнулся Гуго. — Приходится пользоваться любезностью сотрудников. То в лаборатории перевазчу чашечку, то Шелла угостит. У нее есть кофеварка.

— А в кабинете?

— В кабинете у меня кофейная автоматика отсутствует, — вздохнул Ленц, — имеется только спиртовка да колба.

— Кто же готовит кофе в кабинете?

— Имант, — рассеянно ответил Ленц. — Он тоже любитель.

— А вы говорите, что в кабинете никто, кроме вас, не бывает.

— Простите. Совсем выскочило из головы... Да оно и понятно, — проговорил Гуго. — Имант Ардонис — мой первый помощник, а лучше сказать — мое второе я. Во всем, что касается работы.

— Долустим. Но давайте уточним. Насколько я понял, Имант Ардонис бывает у вас в кабинете достаточно часто.

— Разумеется, — согласился Ленц и внезапно остановился. — Позвольте, вы думаете, что это Ардонис... Нет, исключено. Ардонис — моя правая рука.

— Бывает, что левая рука не ведает, что творит правая, — заметил Барк.

— Исключено, — горячо повторил Ленц. — Иманту я абсолютно доверяю.

Барк помолчал, лишь пощупал в кармане сложенный вчетверо листок.

По предложению Ленца они присели в небольшом холле, образованном пересечением двух коридоров.

— Сердце,— пожаловался Ленц.— До последних дней я и не подозревал, что оно у меня есть.

Физик и его новый телохранитель немного помолчали.

— Меня беспокоит одна вещь,— сказал Барк, закуривая сигарету.— В своем ремесле я вроде разбираюсь, а вот в физике — профан.

— Каждому свое.

— Не спорю,— согласился Барк.— Но вдруг заведет со мной кто-нибудь из ваших сотрудников ученый разговор — и я погиб. Раскусят в два счета, что я за птица.

Ленц задумался.

— Мы сделаем вот что,— решил он.— Я оповещу всех, что ваша тематика засекречена. Тогда к вам никто не станет обращаться с лишними разговорами.

Тут Ленц посмотрел на часы и предложил выпить кофе.

Артур не стал отказываться. Он думал, что они пойдут в комнату Иманта, но Ленц вызвал Шеллу, сказав в видеофон несколько слов.

Вскоре Шелла принесла на подносе две чашечки кофе.

Кофе был крепким и обжигающе горячим. Барк подумал, что употребление кофе здесь — привычный, давно отработанный ритуал.

Ставя пустую чашечку на стол, Артур перехватил взгляд, брошенный Шеллой на Ленца, и решил про себя, что старик, пожалуй, неплохо чувствует себя тут, в атмосфере всеобщего преклонения. Во всяком случае, неплохо чувствовал себя до самого последнего времени.

Заметив, что Артур на нее смотрит, Шелла вспыхнула и отвернулась.

— Почему вы с нами не пьете? — спросил ее Ленц.

— Благодарю вас, доктор Ленц, я уже пила,— сказала Шелла и, собрав пустые чашки, ушла. Барк проводил ее взглядом.

— Французы говорят: красота женщины — в походке,— начал было он и тут же осекся, заметив в глазах Ленца холодное неодобрение.

Барк сделал вид, что ничего не случилось и спросил:

— Скажите, доктор Ленц, а для чего, собственно, бомбардировать эти самые кварки?

— Чтобы исследовать их. Бомбардируя кварки, мы изучаем взаимодействие частиц, а это позволяет понять их структуру. Средневековая анатомия топталась на месте, пока врачи не изучили человеческое тело, препарировав трупы.

— А в самом деле опасно это — бомбардировать кварки? — спросил Барк.— Автор письма пишет, что...

— Я прекрасно помню текст письма,— перебил его доктор Ленц.

— Получается страшная штука,— сказал Артур.— Что, если в самом деле вся земля превратится в труп?

— Верно, такая опасность есть,— медленно сказал Гуго Ленц.— А что же можете предложить вы, молодой человек?

— Я? — растерялся Артур.

— Вы. Именно вы!

— Но я же не физик.

— Это не ответ. Решать этот вопрос должен каждый, поскольку судьбы мира касаются всех.

Барк замялся, обдумывая ответ.

— Видите ли, тут замешаны особые обстоятельства...— начал он.— Вам угрожают смертью, если вы не прекратите опыты.

— При решении вопроса, который я перед вами поставил, моя жизнь не имеет никакого значения. Она слишком ничтожна, чтобы в данном случае принимать ее в расчет,— сказал Гуго Ленц.

Артур интуитивно почувствовал, что разговор принял серьезный оборот и что ответ его, Артура Барка, неизвестно по какой причине, живо волнует Ленца.

— Я помогу вам,— сказал Ленц, глядя на собеседника.— Предположим, что моей жизни ничто бы не угрожало. Что бы вы ответили мне в таком случае? Проводить бомбардировку кварков или не проводить?

— Пожалуй, я все равно запретил бы опыты,— задумчиво сказал Барк. Он ожидал встретить сочувствие, но лицо Гуго Ленца оставалось непроницаемым.

— Все ли вы обдумали, Артур Барк, прежде чем запрещать опыты? — сказал Ленц.— Речь ведь идет не о том, чтобы закрыть какие-то там второстепенные эксперименты. Дело идет о кардинальном направлении науки, которая стремится постичь самые сокровенные тайны материи.

— Но если опыты опасны для всего человечества? — настаивал на своем Артур.

— Опасность,— усмехнулся Ленц.— А что вообще не опасно для жизни? Разве не опасен для ребенка уже первый шаг, который он делает самостоятельно, без помощи матери? Разве не опасен был полет авиатора, первым поднявшегося в небо? Однако что бы мы делали теперь, если б он тогда испугался? Очевидно, небо осталось бы для людей навеки недостижимой мечтой. И так во всем. Без риска нет победы, нет движения вперед.

— С первым авиатором, насколько я понимаю, дело обстояло несколько иначе, чем с бомбардировкой кварка,— сказал Артур, за-

ражаясь волнением Ленца.— Не будь братьев Райт — нашлись бы другие.

— Вы так думаете?

— Непременно нашлись бы. Для завоевания воздушного океана человечество созрело, потому его ничто не могло остановить. Когда гибнет один — на его место становится второй, гибнет второй — на линию огня выходит третий.

— Почему же вы думаете, что человечество не созрело для расщепления кварков? — спросил Ленц.

Артуру хотелось прервать разговор, превратить его в шутку, ссылаясь на свою некомпетентность, но он не представлял себе, как это сделать.

Ленц угрюмо смотрел на него, ожидая ответа.

— Дело не в зрелости человечества, — сказал Барк, — а в том, что опыты по расщеплению кварков, насколько я понял, угрожают жизни человечества.

— Нет, дело именно в зрелости человечества, — возразил Гуго Ленц резко. — Если результаты наших экспериментов попадут в руки недобросовестных людей...

— Тогда не отдавайте свои результаты в плохие руки, — посоветовал Барк.

— Несерьезное предложение, Артур Барк, — сердито махнул рукой Гуго. — Нашим государством, к сожалению, управляют не ученые, а политики от бизнеса.

— Но с политиками можно договориться.

— Вы полагаете? Что вы так смотрите на меня? Думаете, спятил старик? Не знаю почему, но ваше лицо внушает мне доверие. Да и потом, когда человеку остается три месяца жизни, он может, наконец, позволить себе роскошь говорить то, что думает. — Бородака Ленца начала дрожать от возбуждения.

— Предположим, я собственной властью прекращу опыты, — продолжал он. — Где гарантия, что через короткое время другой физик не наткнется на идею этих опытов?

— Надо так зашвырнуть ключ, чтобы отыскать его было не легко, — сказал Артур. — А за время поисков что-то, возможно, переменится.

— А как это сделать? — эхом откликнулся Гуго Ленц.

Они были знакомы лишь несколько часов, но Артуру казалось, что он знает доктора Ленца давно, много лет. Чем-то Барку был симпатичен этот человек с острой бородкой и пронзительными, беспокойными глазами.

Правда, взгляды Ленца несколько вольны, но это в конце концов не по его, Барка, ведомству.

Гуго Ленцу грозит смерть, а он рассуждает о судьбах мира. А может, все наоборот? Может, обычная болезнь сделала его таким словоохотливым?

— Можете спуститься вниз, посмотреть ускоритель в натуре,— уже другим, обычным тоном сказал Ленц.

Остаток первого дня своей новой службы Артур Барк посвятил знакомству с циклопическими сооружениями, образующими целый подземный город. Одновременно он присматривался к людям, прикидывал, что к чему. Научных тем предпочитал не касаться, и никто из собеседников, к облегчению Барка, проблем нейтринной фокусировки в разговорах с ним не затрагивал.

Когда сотрудники непринужденно перекидывались совершенно тарабарскими терминами, Артур стоял подле с непроницаемым видом: он-то знает кое-что, но в силу засекреченности своей темы вынужден молчать.

Полный новых впечатлений, с сумбурной головой покидал Артур Барк Ядерный центр.

Листок, сложенный вчетверо, жег грудь, и Барк решил последовать золотому правилу и не откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня. Прежде чем ехать домой, он решил заскочить к себе в управление и выяснить кое-что относительно пишущей машинки, стоящей в кабинете доктора Ленца.

Барк спустился в подземку.

Салон был переполнен, вентиляция работала неважно, вагон убаюкивающе покачивался, и Артур Барк задремал.

Артур не удивился, когда сквозь толпу к нему пробралась Шелла Валери. Он почему-то ожидал, что встретит ее, хотя днем ему так и не удалось переговорить с холодной секретаршей Гуго Ленца.

— Нам по пути? — спросил Артур.

— По пути,— улыбнулась Шелла. Днем, на службе она не улыбалась ему.

Они долго говорили о пустяках, не обращая внимания на толчею, а затем Артур взял ее под руку, и они вышли из душного вагона на вольный воздух.

Вечер был прохладным, но дома излучали тепло, накопленное за день.

Барк огляделся и сообразил, что они очутились на окраине: световая реклама здесь не так бесновалась, как в центре.

В этот район Барк попал впервые.

— Куда пойдём? — спросила Шелла.

— Куда глаза глядят,— ответил Барк.

Они пошли по улице, странно пустынной и тихой.

Шелла без умолку щебетала, повиснув на руке спутника.

— Я думал, вы молчаливее сфинкса,— сказал Артур, глядя на оживленное лицо спутницы.

— В присутствии доктора Ленца я немею,— призналась Шелла.

— Я заметил,— съязвил Барк.

— Глупый,— она легонько ударила его по руке.— Доктор Ленц мне в отца годится.

— Тем более.

— Я люблю Гуго Ленца как доброго человека. Уважаю как ученого.

— И только? — недоверчиво спросил Барк.— Я ведь видел, какими взглядами вы его награждаете.

— Глупый. Ах, какой глупый! — рассмеялась Шелла. Смех ее был необычайно приятен. Слово серебряный колокольчик, звенел он на пустынной улице.

— Вы мне сразу понравились,— сказала Шелла.— Еще утром, когда я встретила вас у Восточных ворот,— добавила она, потупившись.

По мере того как вечерело, фосфоресцирующие стены домов светились ярче.

Тени, отбрасываемые беспечно бредущей парочкой, то вырастали до огромных размеров, то пропадали, сникали под ногами.

— Шелла, а вас не волнует, что Гуго Ленцу угрожает смерть? — спросил Барк.

— Вы имеете в виду дурацкое письмо, которое он получил?

— Угроза, по-моему, вполне реальна.

— Может быть, и так,— сказала Шелла.— Но только я одна знаю, как устранить эту угрозу.

— Вы знаете человека, который писал письмо?

— Автор письма не обязательно человек. Такой текст может придумать любой компьютер, дайте только машине соответствующую программу. А отстукать его на машинке мог любой олух.

— Значит, вы считаете, что Гуго Ленцу ничто не угрожает? — спросил Барк, сбитый с толку.

— Напротив. Если сидеть сложа руки, доктор Ленц ровно через три месяца погибнет.

— Кто же поднимет на него руку?

— Не руку, а лапу.

— Лапу?

— Я уже обратила внимание, что особой пронизательностью вы не отличаетесь,— снова рассмеялась Шелла.— Впрочем, пронизательностью в нашем отделе не может похвастаться никто.

— А доктор Ленц?

— И он, к сожалению. Но вам я все расскажу,— негромко сказала Шелла.— Вы заметили в отделе донна Базилио?

— Кота, что ли? Хороший кот. Меня познакомил с ним доктор Ленц.

— Базилио — не кот, а кибернетическое устройство,— Шелла перешла на шепот.— Об этом знаю только я.

— И больше никто в отделе?

— Никто. Разве вы не знаете, что кошачьи рефлексы очень легко запрограммировать?

— Но кому такое могло понадобиться?

Шелла пожала плечами.

— У каждого есть враги,— сказала она.— Особенно у ведущего физика страны. В Ядерный центр так просто не проникнешь, как вы сами могли убедиться. Покушение на улице — тоже сложно. Вот они и придумали эту штуку с доном Базилио. Теперь вам понятно?

— Не совсем. Мне доктор Ленц говорил, что принес Базилио в отдел еще котенком...

— Вот и видно, что в кибернетике вы младенец. Для конструктора ничего не стоит построить модель, размеры которой могут меняться с течением времени — увеличиваться или, наоборот, уменьшаться.

— Вроде воздушного шара?

— Примерно.

— Но почему враги не убили Ленца сразу, а задолго предупредили его о грозящей смерти?

— Наверно, чтобы вызвать панику. Спутать карты полиции. Она уже и так, наверно, сбилась с ног в поисках преступника. А в итоге полицейские окажутся в дураках. Забавно, правда?

— Ничего не вижу забавного,— сердито ответил Артур.— Почему вы не сообщили о доне Базилио куда следует?

— Я никогда ни на кого не доносила. И не собираюсь,— отрезала Шелла.— Неважно, на человека или на кибера.

— Значит, Гуго Ленц погибнет?

— Доктор Ленц не погибнет. Когда подойдет срок, я сама раскрою ему глаза.

Неожиданно в конце безлюдной улицы показалась большая серая тень. Она неслышно, крадучись, двигалась навстречу Шелле и Артуру. Вскоре уже можно было различить контуры огромной кошки и легкую звериную поступь.

— Дон Базилио! — прошептала Шелла, и глаза ее округлились от страха.

— Как он попал сюда? — спросил Артур и сжал тонкую руку Шеллы.

— Он проведет мои планы. Он выследит, он убьет меня! — вскрикнула Шелла. — Бежим.

Дон Базилио изготовился к прыжку, но они успели юркнуть в подворотню.

Во дворе было темно. Держась за руки, они бежали мимо черных строений, и остановились лишь тогда, когда Артур почувствовал, что у него вот-вот выскочит сердце.

— Боже, куда мы попали, — прошептала Шелла, немного отдышавшись.

— Сейчас разберемся, — сказал Артур и толкнул первую попавшуюся дверь.

В комнате не было никого. Посреди на полу стоял ускоритель, похожий на тот, который Артур осматривал днем в Ядерном центре. Неужели это то самое гигантское сооружение, только сжавшееся до ничтожных размеров? И кто собрал его здесь?

Артур подошел к сооружению и тронул какой-то рычаг.

— Не надо! — крикнула Шелла.

Но было поздно. Полыхнула ослепительная вспышка, вслед за ней грохнул громовой взрыв. Артур почувствовал, как горячая волна ударила в лицо.

— Кажется, я ранена, — услышал он голос Шеллы, еле пробившийся сквозь вату, которой забило уши.

Артур подхватил ее на руки, легкую, как перышко. Бережно опустил на пол.

На том месте, где только что стоял ускоритель, теперь была груда покореженных обломков. Иные из них были раскалены докрасна, бросая в комнату слабое красноватое сияние.

Рука Шеллы, видимо, была повреждена осколком. На пол глухо падали тяжелые капли. «Кровь черная, как кофе», — подумал Артур.

— Шелла, милая... — шепнул Артур. Он рванул на своей груди рубашку, чтобы сделать из нее бинт.

— Не трудитесь, — медленно и спокойно произнесла Шелла. — Рана — пустяки. Через несколько минут меня не станет.

— Вы не можете идти...

— Не уйду. Я исчезну. Рассыплюсь в пыль. Вы включили ускоритель, вызвав неуправляемую реакцию. Я попала под облучение. Прощайте... Артур.

Барк с ужасом, не в силах шевельнуться, смотрел, как Шелла начала вдруг таять, растворяться в воздухе, затхлом воздухе полутемной комнаты, куда они случайно попали и которая оказалась ловушкой.

— Шелла! — что было мочи закричал Артур.

Он проснулся оттого, что кто-то сильно толкнул его в бок.

— В вагоне спать не положено,— назидательно произнес над самым ухом добродушный старческий голос.

Придя в управление, Барк поспешил в отдел экспертизы. По счастью, там дежурил его приятель, прозванный сослуживцами Варваром. Обычно он не отказывал Артуру в мелких просьбах, если только они не были связаны с деньгами.

Однако, к удивлению Барка, его просьба немедленно проверить оттиск с пишущей машинки вызвала у Варвара сильное раздражение.

— Сговорились вы, что ли! — брюзжал Варвар.— За один сегодняшний день — десятки, сотни тысяч оттисков. Отдел с ног сбился. Вот объясни-ка мне, Крепыш: если даже найдут машинку, на которой этот прохвост напечатал свое послание, что толку?

— Если найти машинку, это сузит круг поисков,— сказал Артур.

— И без тебя знаю, что сузит! — вдруг рассердился Варвар.— Поменьше бы эти физики с атомом копались. Рубят сук, на котором сидят. Уровень радиации в городе такой, что... Говорят, близ Ядерного центра пройти опасно.

— Сказки.

— Ладно,— вдруг остынув, спокойным тоном сказал Варвар.— Давай-ка сюда свой оттиск.

Он повертел в руках листок, поданный Артуром.

— Сам, что ли, печатал?

— Сам.

— Оно и видно: больно осмысленный текст,— ухмыльнулся Варвар.— Знаешь, мне сегодня попадались любопытные образчики, так сказать, полицейского творчества. Один даже высказал просьбу о прибавке жалованья. Так что у тебя еще шедевр искусства. Правда, абстрактного. Ну-ка, посмотрим. Авось тебе повезет больше, чем другим.

Пока Варвар, что-то бурча под нос, возился у рабочего стола, Барк сидел на стуле.

— Должен тебя разочаровать, Крепыш,— через несколько минут прогудел Варвар.— Ты попал пальцем в небо.

— Не та машинка?

— Ничего похожего. Вот буква «У» крупным планом. Видишь, разные хвостики?

— Сам ты хвостик,— сказал Барк и поднялся.

Честно говоря, Барк испытывал разочарование. Рушилась стройная версия, которую он успел соорудить.

А выглядело убедительно: видный ученый. У него честолюбивый помощник, пользующийся полным доверием шефа. Помощник мечтает возглавить учреждение, но на пути стоит шеф. Помощник

пишет ему грозную анонимку, предлагает убраться подобра-поздорову. Чтобы, как говорится, не торчали рога, в письме, конечно, ничего не говорится прямо. В письме напущено туману с помощью разных высокопарных сентенций. Шеф, по замыслу помощника, струсит и сойдет со сцены. Либо, того лучше, старжка хватит инфаркт.

Психологический расчет помощника точен: в самом деле, кому придет в голову проверять собственную машинку шефа? На ней, всем известно, никто, кроме него самого, не печатает. Не станет же Гуго Ленц сам на себя клепать анонимку?

Версия с помощником казалась основательной. Разве не является конкуренция законом жизни общества? Эту истину агент Артур Барк усвоил с молодых ногтей.

И надо же — построение Барка погибло, едва народившись на свет.

Впрочем, не нужно спешить с выводами. Не такой Имант Ардонис дурак, чтобы оставлять концы. Он мог преспокойно отпечатать письмо где-нибудь в другом, еще более безопасном месте. Рано снимать с него подозрения.

Перед Барком возникло красивое надменное лицо, холодный немигающий взгляд, презрительный прищур.

«Мы еще схватим тебя с поличным, железная рука», — подумал Барк.

— Послушай-ка, Варвар, — сказал Артур, остановившись в дверях, — а что если письмо написал не человек?

— А кто, если не человек? — удивился Варвар.

— Машина.

— Не думаю.

— Умеют же киберы сочинять разные тексты. И даже стихи, — сказал Барк.

— Ты уж загнешь. И цветок, по-твоему, придумала машина? Нет, на такую пакость способен только человек, — убежденно сказал Варвар.

— Как сказать.

— Пусть даже автор письма — машина, — сказал Варвар. — А кто же в таком случае будет приводить угрозу в исполнение?

— Тоже машина. В виде, например, кота.

— Какого кота?

— Обыкновенного, с четырьмя лапами и хвостом, — пояснил Артур.

— Тьфу! — с сердцем сплюнул Варвар. — Тебе бы все шутки шутить.

— А я не шучу.

— Тогда обратись к медикам. Я же говорю — радиация, — сказал Варвар и pokrutil пальцем у своего лба.

Покинув Варвара, Барк направился к шефу, чтобы доложить результаты первого дня, проведенного в Ядерном центре. Однако по пути он встретил Жюля, который сообщил, что шеф только что убыл.

— Улетел!

— Ушел, — поправил Жюль.

Рина любила смотреть, как Гуго работает. Она забиралась с ногами в кресло, Гуго садился к секретеру, откидывал его, раскладывал бумаги в ему одному ведомом порядке. Он колдовал, священнодействовал. В этот миг могли грохотать пушки — Ленц и глазом бы не моргнул. Для него не существовало ничего, кроме карандаша да листа бумаги, по которому торопливо струилась вязь интегралов.

Вдруг с грохотом валился на пол отброшенный стул, Гуго подхватывал Рину и кружил ее по комнате, налевая Штрауса.

Их совместную жизнь можно было сравнить с хорошо налаженным механизмом. Мелкие ссоры не могли разладить его. Если Гуго Ленцу по работе приходилось вдруг мчаться на испытательный полигон, приткнувшийся где-нибудь в потаенном уголке страны, они ехали вместе. Их тяготил даже один-единственный день, проведенный в разлуке.

Когда Гуго стал знаменитым, они начали часто и помногу разъезжать: ни один крупный физический конгресс или симпозиум не обходился без участия Ленца.

Только однажды случилось так, что на съезде ядерщиков в Японии Гуго Ленц был без Рины. Приехал он необычно хмурый, мало-разговорчивый, и в ответ на расспросы Рины о стране Восходящего солнца сказал:

— Хиросима — это рана, которая никогда не затянется. Хорошо, что ты этого не видела.

С домашними делами Рине помогал управляться Робин, белковый робот, который давно уже стал как бы третьим членом их семьи.

Так проходили дни и месяцы, незаметно стыкуясь в годы. И вдруг что-то нарушилось в отлично налаженной машине.

Все началось третьего дня. События той ночи врезались ей в память настолько, что Рина могла бы воспроизвести их в мельчайших деталях.

Они уже легли спать, и Рина успела задремать, когда Гуго вдруг вскочил.

— Есть одна идеяка! — сказал он. — Пойду, набросаю, а то улечится. Спи!

Гуго торопливо поцеловал ее и поспешил в кабинет.

Рина погасила бра.

Долго лежала в темноте с открытыми глазами.

Она давно привыкла к идеям, которые приходили к Гуго в самое неподходящее время. Когда Гуго осеняла идея, он становился неизменяемым: отодвигал в сторону еду, или выснакивал из ванны, наскоро обернувшись полотенцем, или бросал шахматную партию, чтобы схватить лист бумаги и погрузиться в размышления.

В первые годы совместной жизни Рину удивляли и немного сердили такие вспышки, и она пыталась вывести супруга из состояния отрешенности.

— Скоро ты? — спрашивала она.

— Минутку... — рассеянно отвечал Гуго.

«Набросать идею» было, однако, непросто, и минуты вырастали в долгие часы.

С годами Рина научилась относиться уважительно к идеям, приходившим к Гуго. Разве не они выдвинули ее мужа в число первых физиков мира?

Любимым занятием Рины и Гуго в редкие минуты свободного времени были шахматы.

В свое время Рина была чемпионкой колледжа. Она играла солидно и достаточно сильно, однажды даже участвовала в небольшом мужском турнире.

Гуго называл себя рядовым любителем, в шахматных турнирах никогда не играл. Да и какой регламент разрешил бы ему бросать партию на середине и, к вящему недоумению партнера, погрузиться в омут теоретической физики, забыв обо всем на свете?

Подобный конфузный случай произошел во время партии со шведским королем, которая состоялась между двумя пышными церемониями, связанными с вручением доктору Гуго Ленцу Нобелевской премии.

Впрочем, король оказался весьма выдержанным: он терпеливо ждал Гуго целый час.

Рина тогда едва не сгорела со стыда.

Все это она перебирала в памяти, лежа в темноте с открытыми глазами.

Незаметно Рина уснула.

Потом вдруг проснулась, как от толчка.

Гуго в спальне не было. Мерцающие стрелки показывали третий час.

Сердце сжалось предчувствием беды.

Рина пошла в кабинет. Остывший пластик пола охлаждал босые ноги.

В кабинете было пусто.

Она обошла весь дом. Заглянула даже в оранжерею. Потом в мастерскую, где любил иногда пошварсать Гуго, но его нигде не было.

Остаток ночи Рина не спала.

С рассветом вышла на веранду. Окрестные дома топили в весеннем тумане, поглотившем окраину.

И вдруг каким-то шестым чувством скорее угадала, чем почувствовала: к дому приближается машина Гуго. Она узнала бы с завязанными глазами его орнитоптер среди тысячи машин. Сколько миль налетали они вместе на старенькой машине, которую Рина ни за что не хотела обменять на новую.

Рина поспашно вбежала в спальню и легла в постель, натянув одеяло до подбородка.

— Спишь? — тихо спросил Гуго, осторожно прикрывая за собой дверь комнаты.

Рина открыла глаза.

— Как твоя идея?

— Все в порядке. Будешь кофе?

— Не хочется.

В тот день Гуго улетел в Ядерный центр, так ничего и не сказав.

А потом почта принесла письмо с фиалкой.

Гордость не позволила Рине вступать в расспросы. Молодая женщина всегда считала, что она выше ревности.

Пусть лучше все скажет. Только сам. И честно. Узлы надо не распутывать, а рубить.

Кто же ее соперница? Мало ли... Студентки пишут сорокачетырехлетнему доктору Ленцу записки. Пишут и совсем незнакомые люди, лишь раз увидевшие Ленца на экране телевизора. А может быть, его секретарша? Шелла Валери? Пусть. Кто угодно, лишь бы ему было хорошо. Наверно, Гуго мечтает о ребенке. О сыне. Он никогда не говорил об этом, но она знает. Что ж, навязываться она не станет. И мешать не будет.

Та ночь легла в их жизни невидимым водоразделом.

Рина совсем собралась уйти от мужа и ушла бы, если б не злополучное письмо. Она не могла оставить Гуго в беде.

Чувство к Гуго, глубокое, как любовь к единственному ребенку, Рина таила под маской насмешливости, порой переходящей в язвительность. Вокруг Рины всегда кружился рой поклонников. Что касается Гуго, то он к воздыхателям молодой жены относился равнодушно.

— А как насчет ревности? — спросила у него однажды Рина, когда Имант Ардояис пригласил ее в театр и Гуго кивком головы выразил согласие остаться на весь вечер дома.

— Жена Цезаря выше подозрений, — ответил Гуго.

— Кому нужна такая жена, которая выше подозрений? — рас- смеялась Рина.

Прийти к мысли о том, что Гуго обманывает ее, было горько, но все померкло перед новой бедой. И вот прошел первый день в новом качестве, один день из скудного запаса в три месяца. Еще на вершок сгорела свеча, сжалась шагреновая кожа. Гуго нервни- чает, потерял аппетит. Отказался от ужина. Рина опять лежит с от- крытыми глазами, мучительно думает. Гуго сказал, что пошел рабо- тать к себе в кабинет. А может, его уж и след простыл? Не было сил подняться и пойти посмотреть.

Не все ли равно?

Что до нее, то она не оставит его до тех пор, пока не минует беда.

Все радовало глаз ранним апрельским утром: и чистое небо, просвечивавшее сквозь ажурные переплетения верхних горизонтов, и новорожденная листва проплывавших внизу деревьев, и послуш- ная машина.

Но жизнь шефа полиции полна сюрпризов. Едва Арно Камп вошел в свой кабинет и углубился в донесения, поступившие в тече- ние ночи, как в двери появился Жюль.

— Разрешите, шеф? — произнес он.

Арно Камп молча кивнул, взяв двумя пальцами стетустку араб- ского скакуна.

— К вам посетитель, — сказал Жюль и протянул визитную кар- точку посетителя.

«Ив Соич. Директор национального центра геологических и археологических исследований», — вслух прочел Арно Камп.

Визитная карточка легла под арабского скакуна.

— Зови, — сказал Камп.

В кабинет вошел тучный, но тем не менее подвижный человек. Он с достоинством представился и опустился в кресло, указанное Кампом. Затем вытер клетчатым платком обильный пот и подождал, пока за Жюлем закроется дверь.

— Чем могу служить? — спросил Арно Камп.

— Вот, — сказал толстяк и протянул шефу полиции вскрытое письмо.

Уже беря конверт, Камп догадался, в чем дело.

Соич следил за выражением лица Кампа. Дочитав письмо, Камп

аккуратно сложил блокнотные листки, затем встряхнул конверт. На стол выпал цветок.

— К... когда вы получили письмо? — спросил Камп, слегка замкаясь, что иногда с ним случалось в минуты сильного волнения.

— Сегодня с утренней почтой,

— Дома?

— На службе.

Сомнений не было: знакомый стиль! Анонимщик не утруждал себя разнообразием.

Текст письма отпечатан на машинке.

Время жизни, остававшееся адресату, вписано от руки. Правда, различие все-таки было. Единственное, оно состояло в том, что таинственный автор письма почему-то отмерил Иву Сончу не три месяца, как его предшественнику, а целых полтора года.

— Что вы думаете по поводу письма? — спросил Арно Камп.

— Если письмо — шутка, то она в высшей степени глупа! — с негодованием произнес толстяк.

— Боюсь, что не шутка, — покачал головой Арно Камп.

— Я гибели не боюсь, — неожиданно сказал Ив Сонч. — Но вы только подумайте, какие глупые требования выдвигает автор письма. Прекратить глубинное бурение! Закрывать проходку скважин на морском дне! А мотивы? Занимаясь бурением земной коры, мы, видите ли, тем самым разрушаем нашу планету! — от возмущения толстяк задохнулся. — Из глубинных скважин может излиться магма, уничтожая все живое!

— А разве не так?

— Детские сказки, — махнул рукой Сонч. — Я, знаете, кажется начинаю догадываться, кто написал письмо.

— Ну, ну, — подбодрил его шеф.

— Конкуренты, кто же еще? Я, видите ли, властью, данной мне президентом, должен добиться того, чтобы все глубинные разработки в стране были прекращены. Естественный вопрос: кому это выгодно? Ответ: тем компаниям, которые занимаются лишь поверхностными разработками... А вы представляете, что такое прекратить глубинное бурение? Это значит — заморозить миллионные ассигнования, пустить на слом уникальное оборудование, которое выполнялось специально для глубинного бурения. И на всю программу мне щедро отводится в письме полтора года, — закончил Ив Сонч.

Камп откинулся на спинку стула.

— Я, конечно, профан в геологии... — сказал он. — Но неужели глубинное бурение так уж необходимо? Вот тут в письме говорится, что наша планета напоминает кокосовый орех: под твердой, но очень тонкой скорлупой хранится под огромным давлением жидкое содер-

жимое. А дальше автор пишет, что если нарушить цельность скорлупы, то это может принести людям неисчислимыя беды. Вы как специалист согласны с таким утверждением?

— Видите ли...— чуть замялся толстяк.— Всякое новое дело таит в себе опасность. А глубинное бурение — дело новое. Начиная новое дело, всегда рискуешь.

— Но вот тут говорится,— Арно Камп отыскал в письме нужный абзац и прочел: «Если нарушить процессы, происходящие в глубинных слоях Земли, наша планета может лопнуть, как гнилой орех...». И так далее. Возможно такое на самом деле?

— Никогда! — твердо сказал Соич.— Что же касается философии, которую развел автор письма, то она яйца выеденного не стоит. Я как геолог убежден, что будущее человечества — не космос, а Земля, наша колыбель. В течение миллионов лет эволюция вырабатывала тип разумного существа, подходящего не для каких-нибудь, а именно для земных условий. Человеческий организм приспособлен к Земле, и только к Земле — к ее гравитации, составу атмосферы, интенсивности Солнца, уровню радиации.

— Но другие планеты...

— На других планетах человек всегда будет чувствовать себя чужим. Возьмите колонистов на Венере или Марсе. Ведь они ведут жалкую жизнь. Вечно в тяжелых скафандрах, жилища у них — тюрьмы: чуть нарушилась герметичность — и конец. А война с аборигенами, которая идет уже двадцать лет и которой конца не видно?

— Есть еще один путь покорения чужих планет,— заметил Арно Камп.

— Вы имеете в виду киборгизацию?

— Да.

— Я принципиальный противник перестройки собственного тела,— сказал Ив Соич.— Мне мое собственное дороже любых аппаратов, как бы их там ни рекламировали... Нет, будущее человека — на Земле,— убежденно повторил толстяк.

— Может быть, жить на Земле не так уж и плохо,— сказал Арно Камп,— но ведь места на всех не хватит.

— Места еще сколько угодно.

— Не сказал бы,— возразил Арно Камп.— На Земле не осталось пустынь, обжиты горы, считавшиеся неприступными...

— Вы говорите о поверхности Земли. А надо селиться вглубь.

— Сейчас строят дома, уходящие под землю на десятки этажей.

— Пустяки,— пренебрежительно сказал Ив Соич.— Царапанье по поверхности. Землю нужно прорыть насквозь. Превратить ее в слоеный пирог. Строить жилища на любой глубине. Кстати, чем не защита от любых атмосферных явлений? И не только атмосфер-

ных. Слой земли — лучшая защита от всякого рода космических случайностей, о которых любят толковать астрофизики. Я спокоен, только когда у меня над головой многомильный слой земли.

— Легко сказать — прорыть Землю насквозь,— сказал Арно Камп.— А как же быть с расплавленной магмой?

— Мы в силах обуздать ее. Заодно магма даст нам все мыслимые полезные ископаемые. И совершенно незачем летать за ними в космос: все, что нужно, у нас под ногами.

— Значит, человек будет жить в Земле, как червяк в яблоке? — сказал Камп.

— Нет, как орел в гнезде,— ответил Ив Соич.

— Орел с подрезанными крыльями,— сказал Камп и посмотрел на часы.— Выделим для вас охрану. Впрочем, думаю, что пока вам особенно беспокоиться не следует.

— Вы считаете, что раньше чем через полтора года на меня не будут покушаться?

Камп промолчал.

— Ваша охрана, это как... Нечто вроде конвоя? — спросил Соич.

— Вы охрану замечать не будете,— пообещал Камп.

И снова, в который раз за два дня, Арно Камп подумал: «Не блеф ли — история с цветком?»

Быть может, и блеф, но ему, шефу полиции, от этого не легче. Когда угрожают таким людям, как Ленц и Соич, дело получает неизбежную огласку. И вообще угрозы людям, занимающим высокие посты в государстве, вносят смятение в умы. В итоге такая хрупкая штука, как общественный порядок, может прийти в сотрясение.

Блеф или не блеф, а человек, рассылающий письма, должен быть пойман.

Чем шире забрасывают сеть, тем лучше улов, любил повторять Арно Камп.

Сеть агентов была достаточно широкой. Они подслушивали разговоры на улицах и в кафе, проникали повсюду, вынюхивали все, что можно, пытались проникнуть в тайну.

Оба подопечных Арно Кампа — Гуго Ленц и Ив Соич — усиленно охранялись, хотя на них пока никто не покушался.

Все меры, принятые пока что шефом полиции, можно было отнести скорее к разряду пассивных. Однако не в натуре Арно Кампа было сидеть у моря и ждать погоды.

Чтобы не идти на поводу событий, он придумал ход, который в случае удачи мог дать кое-какие плоды.

Ход мыслей Кампа был прост: если преступник пользуется

почтовым ведомством, почему бы и полиции не воспользоваться услугами этого ведомства?

Важно остановить распространение заразы. Ведь когда-то ставили на дорогах и трактах кордоны, чтобы предупредить распространение чумы или холеры.

Короче, необходимо обнаружить проклятый цветок в письме, еще не дошедшем до адресата. Если и не удастся поймать преступника, то по крайней мере можно будет предупредить удар, который готовятся нанести,

Улучив свободную минутку, Рон вошел к Дану поболтать. На почтамте царил короткая пора затишья, когда утренняя почта уже разобрана, а дневная еще не поступила.

В кабинке было тесно, и Рон по обыкновению уселся на стол, отодвинув в сторону тяжеленный «Справочник почтовых коммуникаций».

— Прочел я вчера рассказик — чудо! — начал Рон, болтая ногами. — Наконец-то фантасты добрались и до нашего брата — почтаря.

— Что, почтового служащего забросили на Проксиму Центавра? Или куда-нибудь подальше? — предположил желчный Дан.

— Не угадал. Действие рассказа происходит на Земле. Представь себе, на нашу планету с летающих блюдца высаживаются твари, этакие слизняки, которые задумали покорить Землю. Но сила тяжести оказывается для них слишком большой. Слизняки не могут передвигаться. И что же они придумали? Держу пари, никогда не угадаешь.

— Чепухой не занимаюсь.

— Они решили воспользоваться почтой! — с торжеством объявил Рон. — Взяли справочник, вот такой как у тебя, затем где-то раздобыли или стащили конвертов и бумаги. Замысел их таков: человек получает конверт и вскрывает его. В конверте ничего, кроме чистого листка бумаги. Человек пожимает плечами и выбрасывает бумажку. Дальше начинается самое интересное. Бумагу, оказывается, пришельцы пропитали особым химическим составом. Когда конверт вскрыт, состав выделяется и образует высоко над Землей тончайшую химическую пленку. Над каждым участком Земли, где появилась бумажка, обработанная инопланетными существами, образуется как бы корочка. Идея пришельцев проста: пленки, которые получились над различными участками земной поверхности, должны между собой состыковаться, в итоге вся Земля окажется как бы окутанной в сплошную пленку, саван, в котором все живое задохнется. Рассказ так и называется — «Операция «Саван».

— Дальше.

— Нацарапали сликляки адреса на конвертах, зарядили каждое письмо адской бумажкой, затем кое-как дотащились до ближайшего почтового ящика и бросили туда письма. Ждут неделю, две, месяц — что за дьявольщина! Жизнь на Земле продолжается по-прежнему. Между тем под действием гравитации сликляки гибнут один за другим. Наконец, умер последний, так и не узнав, почему грандиозную затею постигла неудача.

— Химия подавала?

— Не химия, а почта, на которой мы с тобой служим! Получилось так, что одно письмо затерялось в пути, другое — попало не по адресу, некоторые пришли с опозданием. В результате в пленке оказались незаполненные участки, дырки, и вся затея чужих существ пошла прахом. Вот тебе и почтовое ведомство! Всегда его ругают...

— А оно спасло жизнь на Земле,— закончил Дан.

— Хорош рассказик.

— Вечно у тебя, Рон, голова забита цепухой. Тут есть реальная возможность отхватить премию, а ты со своей фантастикой...

— Премию? — насторожился Рон.

Дан протянул ему листок распоряжения.

— Сегодня утром пришел,— сказал он.

Рон взял листок с недоверием — он привык к вечным розыгрышам сослуживцев.

— Как видишь, фиалочный психоз докатился и до нас,— сказал Дан.

Нет, на розыгрыш не похоже. В правом углу красуется гриф «секретно». В приказе предлагается чиновникам, обрабатывающим почтовые отправления, проверять все письма, бандероли и так далее на предмет наличия в них фиалок.

Рон опустил руку с листком на колени.

— А как же искать, эту фиалку? Вскрывать каждое письмо — возни не оберешься. И потом, тайна переписки...— глубокомысленно добавил Рон, почесывая лоб.

— Читай до конца,— сказал Дан.

Рон дочитал приказ.

— Ясно,— сказал он.— Значит, письма надо просвечивать сильным светом, на манер того, как делают фермеры, проверяя куриные яйца перед отправкой в город?

— И так с каждым письмом.

— Ничего. Зато, если повезет и обнаружишь цветок, получишь премию. Пойду к себе, кажется, прибыла почта, заторопился Рон.

— Послушай! А может, это твои инопланетные сликляки рассылают письма? — крикнул вдогонку Дан.

С того дня работы почтовикам прибавилось.

Однако субъектов, пересылающих фиалку в письмах, не находилось.

Рон занимался однообразным делом: совал письма в щель аппарата и поглядывал на экран. Вдруг сердце Рона забилося в радостном предвкушении — на фоне прямоугольника письма перед ним красовалось темное пятно. Стебель, лепестки... Сомнений нет — там цветок. Но фиалка ли? А если нет? Некоторое время Рон размышлял, осторожно ощупывая плотный конверт. Жаль было расставаться с надеждой на премию. И тут Рона осенила великолепная идея.

Через минуту Рон появился в клетушке Дана. Он остановился в дверях, держа руку за спиной. Дан занимался тем же, чем и все почтовики — он просвечивал конверты.

— С чем пожаловал? — поднял голову Дан. — Новые приключения слизняков хочешь пересказать? Мне сейчас некогда.

— Есть письмо с начинкой, — сказал Рон и издали помахал конвертом.

— Фиалка?

— Надеюсь.

— Дай-ка сюда, — протянул руку Дан.

— Не торопись. находка принадлежит мне.

— Зачем же ты пришел сюда?

— Купи, — предложил Рон.

Дан мигом сообразил ситуацию.

— Гм... Обратного адреса, разумеется, нет? — произнес Дан в раздумье.

— Есть обратный адрес, — сказал Рон.

— Липа, наверно...

— Возможно. Но ты ведь покупаешь не обратный адрес, а цветок, — резонно возразил Рон.

— Ладно, — решился Дан, у которого авантюрная жилка взяла верх. — Сколько ты хочешь за письмо?

— Половину премии.

— Четверть, — сказал Дан.

Столковались на трети.

Оба расстались довольными. Рон не жалел о сделке. Он всегда предпочитал синицу в руке журавлю в небе.

Через пять минут сыскной аппарат заработал на полную мощность. Пока экспертиза занималась текстом, агенты направились в оба адреса, указанные на конверте.

Надо заметить, что осторожный Рон перестраховался: в конверте, который он выудил из потока писем, оказалась самая настоящая

фиалка. И когда Дану торжественно вручали премию, Рон почувствовал себя одуроченным.

Письмо было адресовано в Универсальный магазин «Все для всех», Линде Лаго. В качестве обратного адреса значилось: Амант Сато, 4-й горизонт, улица 10, дом-игла. Была указана и квартира.

Как известно, в трехсотэтажном доме-игле жили только сотрудники Уэстерн-компани.

Арно Камп еще раз перечитал текст короткой записки. Обычное любовное письмо, Камп и сам писал такие во времена далекой юности.

После признаний на половине странички неведомый Амант предлагал своей возлюбленной, «свету очей», «лучезарной мечте» и «рыжей звездочке», встретиться в пятницу, в 8 часов вечера, «на старом месте».

Но, быть может, любовная чепуха таит в себе хитроумный шифр?

После всестороннего исследования и снятия копии письмо было вновь запечатано и отправлено по адресу, указанному на конверте.

Как знать, размышлял Арно Камп, вдруг Линда Лаго и Амант Сато — сообщники, члены тайной организации? Во всяком случае, дело нечисто, раз в письме был этот загадочный цветок.

Универсальный магазин «Все для всех» занимал целый квартал. Это был небольшой городок, в котором нетрудно и заблудиться.

Реклама утверждала, что в «ВДВ» можно войти нагим, а выйти одетым с иголки, что и иллюстрировалось на перекрестках светящимися многоцветными картинками.

Линда Лаго работала в секторе космических путешествий. Богатые туристы покупали здесь костюмы для условий невесомости, обувь с магнитными присосками, самонаводящиеся ружья для охоты на чужих планетах и прочее снаряжение для приятного времяпровождения.

Когда Линда кое-как отвязалась от надоедливой покупательницы и глянула на часы, было уже четверть восьмого. Те из продавщиц, кто, подобно Линде, задержался, торопились к эскалаторам. Весело переговариваясь, они скользили вниз.

По секциям уже бродили электронные сторожа — тележки на гибких щупальцах.

Линда покрутилась перед зеркалом, поправила волосы. Она начала красить их с тех пор, как стала седеть. Случилось это год назад, когда погиб Арбен, ее жених. Это была темная история, связанная с опытами знаменитого Ньюмора. В свое время Арбен и познакомил ее с Амантом, своим сослуживцем.

Девушка успела впрыгнуть в автобус, когда под ним уже зашипел сжатый воздух, а дверца начала закрываться.

Следом за ней втиснулся молодой человек, который ужасно боялся потерять Линду из виду.

Разумеется, она опоздала. Амант уже был на месте. Он нетерпеливо прохаживался близ фонтана, то и дело поглядывая на часы.

Молодые люди обменялись несколькими репликами, затем Амант взял Линду под руку, и они медленно пошли по аллее.

Они говорили долго, и каждое слово старательно записывалось на портативные магнитофоны людьми, которые прогуливались рядом.

Детектив, руководивший операцией, давно уже начал догадываться, что происходит что-то не то, но он имел приказ арестовать Лаго и Сато, а отменить распоряжение Арно Кампа, естественно, не мог. Потому и случилось так, что, когда Амант проводил Линду до самого дома, и они нежно прощались, стоя в парадном, к парочке подошел некто, вынырнувший из тени, отбрасываемой старым, еще кирпичной кладки зданием, и глухо произнес:

— Вы арестованы.

Каким-то образом конфуз, который произошел с полицией, стал достоянием гласности. Газеты заговорили о фиалке в полный голос. На все лады, в частности, смаковалась история, связанная с обычным любовным посланием, в которое воздыхатель, дабы получше оттенить свои чувства, вложил фиалку. Комментаторы обсуждали подробности пустопорожнего расследования, больше, как водится, напирая ввиду отсутствия информации на домыслы и догадки.

Конфуз полиции, напавшей на ложный след, имел несколько последствий.

Прежде всего был отменен приказ по почтовому ведомству. Здесь, как водится, перегнули палку и вычли из зарплаты ни в чем не повинного Дана премию, после чего осторожный Рон стал обходить его стороной.

Невинный цветок приобрел значение символа, грозящего самому существованию если не государства, то по крайней мере шефа полиции Арно Кампа, которому президент выразил заочно свое неудовольствие.

С некоторых пор фармацевты по собственной инициативе на бутылках с ядом вместо традиционного черепа со скрещенными костями стали рисовать фиалку, а шлягером весеннего сезона стала песенка, в которой девушка, упрекая возлюбленного в неверности, требовала, чтобы он убил ее собственной рукой, прислав предварительно цветок в конверте.

Что греха таить, поначалу Арно Камп считал, что имеет дело с обычным шантажом, хотя и неплохо организованным. Следствие,

однако, запутывалось. Обычные криминалистические методы, прежде, как правило, приводившие к цели, теперь с пугающей повторяемостью заводили в тупик.

В конце апреля шефа полиции вызвали к президенту. Летя к президентскому дворцу и потом минуя бесконечные блоки охраны, Арно Камп старался привести в порядок мысли и сосредоточиться. Дело с фиалкой застопорилось. Огромное количество людей его ведомства мечется влустую. Продолжает поражать необычность требований неизвестного шантажиста. За долгие годы полицейской практики Арно Камп сжился с нелестной для человечества мыслью, что поступки отдельных людей, логика мышления преступников — а к потенциальным преступникам Арно Камп относил в принципе весь род человеческий — в общем просты и имеют в основе своей какую-нибудь корысть: то ли возможность сорвать денежный куш, то ли продвижение по службе, то ли еще что-нибудь, столь же зримое и осязаемое.

В деле же с фиалкой весь расследовательский стереотип, сложившийся у Арно Кампа, оказался несостоятельным.

Начать с того, что Камп никак не мог нащупать той выгоды, которую мог бы извлечь неизвестный преступник (или преступники) из своего массированного шантажа.

Деньги? Но ни от Гуго Ленца, ни от прочих «фиалочников» автор анонимок не требует никаких денег.

Продвижение по службе? Действительно, Арно Камп одно время поддерживал точку зрения Артура Барка, что помощник доктора Ленца лелеет мечту занять место своего шефа и с этой целью послал ему письмо. Что же касается других писем, то они служат лишь камуфляжем.

Но, увы, версия Артура Барка не подтвердилась. Самое тщательное расследование не смогло бросить какую-либо тень на молодого помощника доктора Ленца.

Нагоняя ждал теперь Арно Камп, поднимаясь по эскалатору президентского дворца. В мыслях он вновь и вновь возвращался к злополучной фиалке, самый первый экземпляр которой совсем недавно, ранним апрельским утром получил Ленц.

Итак, вымогательство и продвижение по службе отпадают. Женщина? Быть может, ревность несчастливой соперницы вызвала к жизни письмо Гуго Ленцу? Однако расследование сокрушило и эту версию. Гуго Ленц любил свою жену и не изменял ей. У него не было не только любовницы, но даже мимолетных интрижек. Что же касается восторженных записок и признаний в любви поклонниц знаменитого физика, то они носили исключительно односторонний характер.

Правда, оставался еще один мотив, которым мог бы руководствоваться в своих действиях автор анонимок,— мотив самый прямой, выраженный в письмах весьма недвусмысленно: это, говоря коротко, забота о судьбах человечества. Однако подобный альтруизм Арно Камп не принимал всерьез. Судьбы человечества? Как бы не так. Чуть копни — и под самыми выпренными словесами обнаружатся шкурные интересы. Только вот копнуть-то и не удавалось.

Хмуро встретил президент шефа полиции. Не встал из-за стола, только кивнул небрежно, продолжая заниматься бумагами.

В течение долгой паузы Арно Камп успел подумать, что, каким бы ничтожеством ни был сам по себе этот невзрачный старичок в сером костюме, в руках его сосредоточена власть, достаточная для того, чтобы его, Арно Кампа, в единый момент...

— Что же вы стоите? Садитесь, любезный Камп,— холодно пригласил президент, отрываясь наконец от бумаг.— Что нового?

— Мы провели тщательное...— начал Камп.

— Меня интересует, кто прислал письмо Гуго Ленцу,— перебил президент.

— Автор письма пока неизвестен.

— Я недоволен вами, Камп. Ваше ведомство обходится республике слишком дорого, и потому ему надо быть хоть чуточку полнее. Похоже, вы не слишком дорожите своим местом,— сказал президент, и лицо Кампа вытянулось.— Я уже не говорю о том, что подрывные элементы смеют угрожать первому физика страны,— продолжал президент.— В данном случае речь идет о большем. Гуго Ленц, если угодно, это символ... Сколько писем с фиалкой зарегистрировано за истекшую неделю?

— 84.

— Кому они адресованы?— президент задавал вопросы четко, быстро, как будто он подготовил и выучил их заранее, и Арно Камп подумал, что все происходящее смахивает на отрететированный спектакль.

Но кто же режиссер?

— Вот список...— Камп суетливо раскрыл папку, но президент остановил его жестом:

— Бумажки потом. Кто преобладает в этом списке?

— Ученые. Физики.

— Вот видите — физики!— подхватил президент.

— Иногда шантажист, чтобы запутать след... Либо совпадение.

— Да вы понимаете, что говорите!— зашелся от негодования президент.— Ядерный центр на пороге большого открытия. Нельзя допустить, чтобы его сорвали. Компания Уэстери недовольна...— президент закашлялся и приложил к губам платок.

«Вот и режиссер! Компания Уэстерн недовольна...» — мелькнуло у Кампа».

Шеф полиции знал много, но он не знал всего. В частности, ему не было известно, что важная информация, связанная с расщеплением кварков, таинственным образом просочилась сквозь «непроницаемые» стены Ядерного центра и оказалось в руках Уэстерна.

Военная промышленность все время следовала по пятам за учеными. Едва появлялось какое-либо мало-мальски значительное открытие, как вездесущие щупальца компаний, занимающихся производством оружия, протягивались к нему. Дельцы шли на любые траты. Они прекрасно понимали, что накладные расходы, связанные с новыми видами вооружений, окупятся сторицей. Страна вела бесконечную изнурительную войну, которая, хотя и именовалась в официальных документах «малой», но средства поглощала отнюдь не малые.

Арно Камп, будучи от природы человеком неглупым, понял из последней аудиенции, что если уж президент в разговоре с ним упомянул Уэстерн, значит — плохи его, Кампа, дела.

Когда решаются играть в открытую? Когда все козыри на руках.

Во всяком случае, с этой историей надо кончать как можно скорее и решительней.

Использование морей и океанов, составляющих значительную часть земной поверхности, сулило человечеству неисчислимые блага. Море — поистине неисчерпаемый резервуар, в котором есть место и планктону и китам. В морской воде — в той или иной концентрации — многие необходимые людям химические элементы.

Постепенно в море начали возникать постоянные научные базы, занимавшиеся освоением морских даров. Однако базы располагались сравнительно неглубоко: человек долго еще не мог научиться жить и работать на большой глубине.

Морское дно всерьез заинтересовало ученых, когда возникла мысль пробурить сверхглубокую скважину, чтобы исследовать по вертикали строение земной коры и глубинных слоев нашей планеты, а также освоить новый источник полезных ископаемых.

Решено было начать бурение с морского дна, тем самым сильно сэкономив на проходке значительной толщи породы.

В распоряжении Ива Соича было несколько проектов. Однако все они предлагали начинать бурение в местах, слишком удаленных от берега, что очень удорожало работы. Лишь одно место Ив Соич счел относительно подходящим — глубокую впадину, расположен-

ную близ Атлантического побережья. Однако неподалеку на берегу располагался рыбацкий поселок.

Иву Соичу пришлось приложить титанические усилия, чтобыстоять на своем. Он сумел убедить президента, что глубинная скважина не представляет опасности для жителей поселка.

— Я сам буду безотлучно находиться на переднем крае проходки,— заявил Соич, и его слова послужили аргументом в пользу последнего проекта.

Компании-подрядчики выстроили на дне впадины целый город — Акватаун. Не обошлось и без вездесущего Уэстерна, выполнившего по особому заказу Соича бур-гигант с ядерным взрывателем.

Об Акватауне пресса писала, но немного. Газетам требовались оглушительные сенсации, пусть недолго живущие, зато яркие, как бабочки-однодневки.

Внимание одно время привлекала фигура Ива Соича, человека, который вслед за доктором Гуго Ленцем получил грозное предупреждение.

Но шли дни, миновал апрель, и новость вытеснилась другими, тем более что срок жизни Иву Соичу преступник отмерил довольно солидный — полтора года. Одна газета даже сочла нужным поместить по поводу этого срока ядовитую притчу о том, как восточный мудрец Ходжа Насреддин подрядился для одного муллы научить Корану его ишака. Ходжа взял с муллы крупную сумму, испросив для своего многотрудного дела десятилетний срок. «За это время,— рассудил мудрец,— умру либо я, либо мулла, либо ишак. В любом случае мне нечего бояться». «Не так ли рассуждает наш дорогой директор?» — вопрошала газета в конце.

Ив Соич возлагал на свое детище — Акватаун — большие надежды.

Игрок по натуре, Ив Соич знал, что иногда бывают в жизни, как и покере, моменты, когда надо поставить на карту все и идти ва-банк.

Письмо на некоторое время выбило его из колеи. Автору письма нельзя было отказать в знании дела. Он даже каким-то образом сумел пронюхать, что наиболее опасный момент в подземных работах наступит примерно через два года. А ведь это тайна, которую, как надеялся Ив Соич, не знает никто.

Быть может, письмо — дело рук конкурирующих фирм? Или ему прислали письмо те рыбаки с побережья? Как бы там ни было, он доведет дело до конца.

А потом, когда гигантская скважина вступит в действие и ее примут заказчики, можно и на покой.

Хорошо бы купить спутник, где-нибудь на отдаленной орбите,

подальше от суеты. Большой спутник, со всеми удобствами, включая причал для ракет-одиночек.

И непременно с оранжереей.

Выращивать тюльпаны в невесомости было давнишней мечтой Ива Соича.

Вот и теперь, сидя в крохотной комнате с металлическими стенами, которые непрерывно сотрясались работающими вокруг автоматическими механизмами, погребенный многомильной толщей воды и земли, Ив Соич, уловив свободную минуту, когда на проходке скважины все шло гладко и его никто не беспокоил, отдался излюбленным мечтам.

В Скалистых горах весна наступает рано.

Пациенты клиники святого Варфоломея, спеша воспользоваться первым по-настоящему теплым днем, покинули палаты и разбрелись по территориям.

Двое, облюбовав скамейку у въезда на территорию, вели неторопливый спор о том, какое сердце лучше — атомное или же мышечное, обычное.

— Что-то Оры Дерви сегодня не видно, — сказал один, щурясь на апрельское солнце.

— Будет еще, не торопись. Да вот и она, легка на помине, — заметил второй.

На зеленую лужайку опустилась машина. Из люка легко выпрыгнула Ора Дерви. К ней торопливо, размахивая руками, подбежал старший хирург клиники.

Двое на скамейке умолкли. Они вытянули шеи, напряженно стараясь уловить, о чем разговаривают начальник Медицинского центра и хирург. Однако Ора Дерви и хирург говорили негромко, и до скамейки долетели лишь отдельные слова.

— Красива как богиня, — вздохнул один, когда Ора Дерви скрылась из виду.

— Как манекен, — уточнил другой.

Ора Дерви знала, что ее за глаза называют полуроботом. Она не показывала вида, но кличка больно ранила ее.

Ора росла болезненной девочкой. Кажется, не было болезни, которой она не переболела бы в детстве — от кори и скарлатины до редкой формы тропической лихорадки, хотя жила она тогда с родителями на Севере.

Отец ее был весьма состоятельным, родители души не чаяли в единственном ребенке и не жалели денег на любое лечение. Так и случилось, что у маленькой Оры появилось сначала «атомное» сердце, затем искусственные почки, легкие... Сознывая теперь, что, на-

ывая ее полуроботом, люди отчасти правы, она испытывала еще большую боль — чем она хуже других женщин?

Под ее началом находилась огромная сеть медицинских учреждений страны. Но она питала слабость к одной клинике, расположенной здесь, в Скалистых горах. Дерви часто навещала маленький клинический городок, помогала советами врачам, нередко и сама оперировала, если попадался особо «интересный» случай.

Клиника святого Варфоломея была учреждением со страшной славой: здесь производилась замена пораженных недугом органов — сердца, легких, почек — чаще всего искусственными. Говоря короче — она занималась киборгизацией.

Правда, говорили, что у Дерви золотые руки. «Не руки, а киборгизированные рычаги», — добавляли злые языки.

Однажды на испытаниях разбилась военная машина. Весь экипаж из шести человек погиб. Когда вскрыли покореженную кабину, перед взором Дерви предстала жуткая кровавая мешанина. Дерви сумела, как говорится, «по деталям» собрать погибших, прибегнув к вживлению искусственных органов.

После этого случая Ора Дерви получила благодарность от военного ведомства, а противники киборгизации приутихли.

Гуго Ленц волновался, подлетая к Скалистым горам. Когда показались белые кубики в долине и автопилот произнес: «Внизу по курсу — клиника святого Варфоломея», — сердце Ленца учащенно забилось.

Он много был наслышан об Оре Дерви. Толки об этой необыкновенной женщине были противоречивы. Впрочем, успокаивал он себя, всякого выдающегося человека еще при жизни окутывает туман легенд. Глядя вниз, на теснящиеся пики, Ленц неотступно думал о той ночи, когда у него созрело решение познакомиться с Дерви.

Не без удивления смотрела Ора на бледного человека, с улыбкой идущего ей навстречу. Явно не пациент — всех больных, когда-либо прошедших через ее руки, она хорошо помнила.

— Добрый день, Ора Дерви, — сказал человек, приблизившись.

— Добрый день, — остановилась и Ора. Где видела она эту ассирийскую бородку и горящие глаза?

— Вы, вероятно, по поводу трансплантации? — сказала Ора, когда молчание затянулось. — Обратитесь к старшему хирургу.

— Мне нужны вы, — сказал Гуго Ленц, представившись.

...Вечерело. За необычным разговором собеседники не заметили, как стало совсем темно, и Ора включила свет.

— Все, что вы мне говорите, очень интересно, — сказала Ора Дерви. — И очень странно. Неужели вы искренне считаете, что лю-

ди должны отказаться от киборгизации? Мне кажется, киборгизация — путь к бессмертию человека.

— Бессмертие... А зачем оно?

— Не мне вам объяснять, — проговорила Ора Дерви. — Разве достичь бессмертия — не сокровеннейшая мечта человечества?

— Суть не в том, чтобы достичь бессмертия, а в том, какой ценой оно будет достигнуто, — сказал Ленц, закуривая очередную сигарету. — В конце концов анабиоз — тоже жизнь. Но вы, например, согласились бы провести в анабиотической ванне тысячу лет ради сомнительного удовольствия дотянуть до следующего тысячелетия?

— Вы рассуждаете несколько односторонне, — возразила Ора Дерви. — Разве можно сбрасывать со счетов такую вещь, как аккумуляция драгоценного человеческого опыта? Разве не обидно бывает, когда человек уходит из жизни в расцвете сил, унося в могилу опыт и знания, которые другим придется собирать по крупицам в течение, быть может, десятилетий?

— Я хочу напомнить вам об одной книге, — сказал Гуго Ленц, стряхивая пепел с сигареты. — Там рассказывается о стране, в которой изредка рождались бессмертные. Кажется, их называли струльдбругами. Струльдбруг уже при рождении был отмечен пятном на лбу, по которому каждый мог понять, что перед ним — человек, обреченный на бесконечную жизнь, на бессмертие. Прекрасно, казалось бы? Разве не должны были бы такие бессмертные стать украшением государства, опорой и нравственным мерилom общества? Разве не хранили они в памяти знания, накопленные человечеством? Разве не являлись они живым воплощением истории? Но на деле все оказалось иначе. Старинный писатель, автор книги, рассказывает, что бессмертные были самыми неавторитетными, самыми презираемыми в стране людьми. С годами они становились несносно сварливыми, нудными, теряли память, и их отстраняли от всяких дел... Таким образом, бессмертные на самом деле превращались в бесконечную старость.

— Сюда приезжают те, кто нуждается в чуде. Здешнюю клинику так и называют — чудеса... — Она запнулась.

— Чудеса Оры Дерви, — закончил Ленц.

— Так что же вас привело сюда? — спросила Ора Дерви, дав ударение на слове «вас». — Неужели только...

— Только одно: желание, чтобы вы отказались от чудес, — медленно произнес Гуго Ленц.

— Невозможно, — покачала головой Ора. — Я уже объяснила вам.

— Вы начальник Медцентра.

- Дело не в этом. Киборгизация — знамение нашего времени.
- Слова,— махнул рукой Ленц.
- Остановить колесо прогресса никто не в состоянии.
- Но можно попытаться,— упрямо произнес Ленц.

Здесь у Оры мелькнула мысль, что знаменитый физик немного не в себе. Быть может, анонимка с угрозой, о которой все говорят, вывела его из равновесия?

— Хорошо, я подумаю над вашими словами, доктор Ленц,— сказала Ора Дерви.— Но у меня есть к вам встречное предложение: оставайтесь у нас, познакомьтесь поближе с теми чудесами, которые вы отмечаете с порога. Говорят, даже воздух у нас в горах целебен.

— Понимаю вас, Ора Дерви,— улыбнулся Ленц.— Мое необычное предложение навело вас на мысль, что я не в себе. Уверю вас, я психически здоров.

— Видите ли, доктор Ленц,— начала Ора Дерви.

— Разрешите считать наш спор неоконченным,— перебил Ленц.— Я надеюсь еще вернуться к нему и переубедить вас.

Тщательно выбрившись, Артур Барк долго и придирчиво выбирал галстук. Представьте себе, сегодня он пригласил Шеллу пойти с ним в театр, и она согласилась.

Влечение сердца или служебная обязанность? Артур усмехнулся, задав такой вопрос своему отражению в зеркале.

Верно, Шелла ему нравилась. Но не менее важно было разобраться в обстановке, которая сложилась в Ядерном центре. Мог ли кто-либо из сотрудников написать письмо Гуго Ленцу? И если мог, то кто?

Артур Барк до сих пор не имел никаких не то что оснований, а даже намеков на ответ, и это начинало не на шутку беспокоить его. Он понимал, что дальнейшая затяжка с расследованием может для него плохо кончиться. Ему ничего не оставалось, как упрямо подозревать в авторе письма Иманта Ардониса, первого помощника Ленца.

Барк несколько раз пытался ставить Ардонису хитроумные ловушки, но невозмутимый Имант без труда избегал их.

«Скользкий тип»,— подумал Артур об Ардонисе, завязывая галстук, и тут же одернул себя: объективность прежде всего!

Но антипатия — антипатией, нужны факты. «Агент не имеет права строить версию на песке, хотя бы и на песке интуиции»,— вспомнил он одно из любимых изречений Арно Кампа.

Кстати, шеф в последнее время ведет себя странно. Прежде всего, удвоил в Управлении охранные наряды. Далее, хотя и не отказался от своих демократических замашек — пользоваться обще-

ственным транспортом, чтобы узнавать «из первых рук», чем «дышит» народ,— теперь уже не ездил в одиночку. Жюль рассказывал, что старина Камп распорядился, чтобы его повсюду — на улице, в подзамке — сопровождали переодетые агенты.

Жюль уверял, что и шеф получил пресловутую фиалку.

А что? Вполне возможно. В конце концов полиция не хуже других, а любят ее намного меньше.

Артур предполагал, что в неслужебной обстановке Шелла станет разговорчивей.

Общаясь со всеми сотрудниками как секретарь Гуго Ленца, Шелла, конечно, должна была знать многое. Она, возможно, слышала обрывки разговоров, которые могли бы дать Артуру Барку путеводную нить или хотя бы какую-то зацепку для расследования.

Молодые люди встретились, как было условлено, у входа в театр.

До начала спектакля осталось немного времени. Артур усадил Шеллу на пуф в укромном уголке фойе.

Шелла против обыкновения без умолку болтала. Артур осторожно старался направить поток ее красноречия в нужную сторону, в русло Ядерного центра. Однако его усилия привели только к тому, что Шелла вдруг начала с увлечением расписывать донна Базилио: какой это умный, воспитанный, потешный кот, как он обожает доктора Ленца, вст только из его рук и свысока относится к остальным сотрудникам.

— А что если дон Базилио не кот, а кибернетическое устройство?— неожиданно для себя выпалил Артур.— Знаете, запрограммировать простейшие рефлексy совсем не трудно.

— Вы занимались биокyбернетикой?

— Мм... немного,— сказал Артур.— Представьте себе, что кибернетики слепили устройство, которое умеет мяукать, лакать молоко и отличать своим вниманием одного определенного человека. Затем устройству придали нужную кошачью форму, расцветку — и, наконец, пожалуйста: Шелла этого кота обожает не меньше, чем он доктора Ленца.

— Вот и видно, что вы у нас работаете без году неделю,— сказала Шелла.— Неужели вы думаете, что охрана Ядерного не предусмотрела такой возможности? На территорию центра не проникнет ни один робот. Вы же видели, какие там фильтры...

Фойе постепенно заполнялось. Публика прохаживалась в ожидании начала спектакля.

— По-моему, Иммант Ардонис знает свое дело,— сказал Артур после паузы.

— Свое — не знаю, но чужое — это точно, — откликнулась Шелла и поправила сумочку на коленях.

— Чужое? — безразличным тоном поинтересовался Артур.

— Ардонис вечно лезет не в свое дело, — пояснила Шелла. — В любой эксперимент сует нос, не считаясь даже с тем, кто руководит опытом.

— Но если опыт проводит доктор Ленц, я думаю, Ардонис вряд ли себе позволит...

— Позволит! — перебила Шелла. — Вы не знаете Ардониса. Для него нет авторитетов, нет ничего святого. Он признает только физику и ничего, кроме физики. А ведет себя так, словно знает больше самого доктора Ленца.

— А может, оно так и есть? — бросил Артур.

Шелла посмотрела на Артура как на человека, сказавшего явную нелепицу.

— Имант Ардонис — фанатик науки, верно, — сказала она в раздумье. — Он может по три дня не выходить из лаборатории, не спать, питаться одним только кофе, — если ставится важный опыт. Я слышала, он мечтает совершить переворот в физике, первым расщепив кварки. А почему, собственно, вас интересует Имант Ардонис?

— Ардонис мне ни к чему, — пожал плечами Артур. — Если уж на то пошло, я хотел бы побольше узнать о Гуго Ленце.

— Лучше доктора Ленца никого нет! — убежденно произнесла Шелла. — Поработаете у нас еще немного — сами убедитесь.

Протяжно прозвучал аккорд, и переливающийся занавес — переплетение световых лучей — исчез мгновенно, словно испарившись.

На сцене возник замок на берегу моря. Тяжелые волны били в скалистый берег так правдиво, что Шелла поежилась, будто на нее впрямь дохнуло свежим ветром, пахнущим солью и йодом.

От замка к морю сбегала тропинка. Вверху показался человек в развешиваемом плаще. Знаменитого трагика встретили рукоплесканиями.

— Обожаю Гамлета, — шепнула Шелла, не отрывая от глаз бинокль.

Артур рассеянно глядел на сцену. Началом вечера он был доволен. Пока все шло по намеченному плану. Во всяком случае, Шелла выложит ему все, что знает о каждом из сотрудников доктора Ленца, а там будет видно.

Когда появилась тень отца Гамлета, с Шеллой произошло неспятное. Вздыхая, она затолкала бинокль в сумочку, и глаза ее в темноте влажно заблестели.

— Что с вами?— спросил Артур в антракте.

— Темь напомнила мне одну грустную историю,— сказала Шелла.

— Расскажите,— попросил Артур.

— В другой раз,— ответила Шелла.

В антрактах Шелла была неразговорчивой. В ее хорошенькой головке, видимо, теснились какие-то не очень приятные воспоминания.

В общем надежды Артура лопнули, как мыльный пузырь.

— Надеюсь, мы будем дружить, Шелла?— сказал он, прощаясь.

— Вы самоуверенны, как дон Базилио,— усмехнулась Шелла.

Первым, кого Артур встретил, приехав утром в Ядерный центр, был Имант Ардонис. Барк поздоровался, Ардонис в ответ высокомерно кивнул, не протянув руки. Помощник доктора Ленца выглядел озабоченным.

«Погоди, голубчик, дай срок. Выведу тебя на чистую воду»,— подумал Барк, глядя вслед удаляющемуся Ардонису. Имант шагал прямо, руками не размахивал — верный признак скрытности характера. «Мечтает совершить переворот в науке»,— вспомнил Барк вчерашние слова Шеллы. И, наверно, дворец своей мечты хочет воздвигнуть на костях шефа. Все они таковы — чистоплюи, красавчики, белоручки. Для них другие должны таскать каштаны из огня, делать черную работу. Если говорить начистоту, то Барк немного завидовал Ардонису.

В сущности, что может быть гнуснее слежки, сыщицкого дела? Но из полиции теперь так просто не уйдешь. А из него мог бы выйти неплохой физик. Это сказал не кто-нибудь, а сам доктор Ленц. Слова Гуго Ленца поразили агента, и он часто вспоминал их.

«Нет на свете справедливости»,— так подытожил Артур Барк свои размышления и, вздохнув, отправился в нейтринную лабораторию.

Сегодня Барк решил после рабочего дня переждать всех. Он опасался, что Ленц засидится за полночь или, чего доброго, останется в Ядерном до утра, как иногда случалось, особенно в последнее время. Но этого не случилось.

Последним ушел Имант Ардонис.

Артур бродил по пустынным лабораториям. Ровно гудели генераторы, по экранам осциллографов струились голубые ручейки, автоматы делали привычное дело, и Артур подумал, что присутствие человека здесь, пожалуй, ни к чему. Впрочем, будучи парнем неглупым, он понимал, что это — мнение профана, ничего не смыслящего в ядерной физике.

При входе в зал, где располагался ускоритель, дорогу Барку преградили две скрещенные штанги автоматической защиты.

— Сотрудники должны удалиться,— пророкотал низкий голос.

— У меня разрешение доктора Ленца,— сказал Артур и вынул жетон, по которому мгновенно скользнул луч фотоэлемента. Штанги втянулись в гнезда, и Артур вошел в зал.

Он оглядел рабочие места сотрудников, тщательно просмотрел записи, перерыл содержимое мусорной корзины, разглаживая каждую бумажку.

Затем направился в кабинет Иманта Ардониса. Осмотр не дал ничего. Артур смутно надеялся обнаружить какую-нибудь улику вроде черновика анонимки, адресованной Гуго Ленцу, или что-то в этом роде. Однако Ардонис, видимо, уничтожал все, что могло бы скомпрометировать его.

Перекладывая содержимое письменного стола, принадлежащего Ардонису, Барк наткнулся на валик биозаписи — подобные стерженьки заменяли прежние записные книжки.

Недолго думая, Барк сунул валик в карман.

Позже, по пути домой, Барк неотступно думал о Шелле. Было в ней что-то, привлекавшее Барка. Может быть, какая-то загадочность? Барк вздохнул. Для Шеллы, похоже, в целом свете существует только доктор Ленц. А тот, кажется, совсем не замечает свою секретаршу.

Барк выяснил, что Шелла прежде работала в Уэстерне, а затем, по непонятным причинам, перешла в Ядерный центр. Возможно, чтобы быть поближе к Гуго Ленцу?..

Дома Артур вспомнил про валик Иманта Ардониса и сунул шестигранный стерженек в воспроизводитель.

Агент ожидал услышать разные цифры, формулы, расчеты кривых, бесконечные иксы-греки, успевшие уже навязнуть в ушах за четыре дня работы в Ядерном центре. Но первые же слова, слетевшие с мембраны, заставили его насторожиться.

«Не могу понять поведение Гуго. Похоже, он решил остановиться на полпути,— громко звучал в комнате ненавистный голос Иманта Ардониса.— Прямо гугенот об этом не говорит, но я привык расшифровывать его затаенные мысли».

Барк уменьшил громкость.

«Остановиться на полпути? Свернуть, перечеркнуть опыты, когда до цели рукой подать? Чудовищно,— скороговоркой вещала мембрана.— Бомбардировка кварков, которую мы почти подготовили, должна разрушить последнюю цитадель, сооруженную природой на пути познания материи».

Человек, меньше, чем я, знающий Ленца, мог бы подумать, что

гугенот испугался последнего шага. Цепная реакция, которая может вспыхнуть? Сказки.

Нет, дело здесь в другом. Но в чем же тогда? А, к черту Ленца. Кварки нужно расщепить, все остальное не имеет значения.

Я сам доведу дело до конца...»

Голос умолк. Затем послышалось пение — отчаянно фальшивя, Ардонис напевал модную песенку «Я пришлю тебе фиалку».

— Меня ничто не остановит,— процедил сквозь зубы Барк, тщательно пряча валик.— Остановим тебя, голубчик!

Теперь — срочно к шефу. Независимо, что скоро рассвет. Новости, связанные с делом о фиалке, Арно Камп велел доносить в любое время суток.

Прослушивание валика привело Кампа в хорошее настроение.

— Важная улика,— несколько раз повторил он, поглаживая стержень.— Тонко, тонко задумано...

Барк впервые видел грозного шефа в домашней пижаме и туфлях на босу ногу.

— Продолжать за Ардонисом наблюдение?— спросил Барк, деликатно отводя взгляд от волосатой груди Кампа.

Шеф подумал.

— Его опасно оставлять на свободе. Но действовать нужно чрезвычайно деликатно.

— Возможно, у Ардониса есть сообщники...

— Не исключено. Потому наша акция не должна спугнуть их,— сказал Камп.— План действий для меня начинает проясняться. Заполучим Ардониса, а там уже он расколется, как миленький. И дело о фиалке будет сдано в архив.

С некоторых пор Имант Ардонис заметил, что пользуется чьим-то неусыпным вниманием, причем не очень приятного свойства.

Впрочем, Ардонис допускал, что это могло оказаться простой мнительностью, игрой расстроенного воображения: работал Имант в последнее время больше, чем обычно. Он перестал доверять Ленцу, и все рекомендации шефа проверял наново, на счетной машине Люсинде, а то и с карандашом в руке.

Не нужно терять спокойствие. Имант Ардонис старался держать нервы в кулаке. Во всех мелких передрыгах он оставался выдержанным, корректным и холодным.

Однажды в воскресенье, прогуливаясь в сквере, Ардонис стал в длинную очередь, тянувшуюся к автомату с водой — солнце палило немилосердно. Впереди внезапно вскрикнула женщина, произошло какое-то движение. Ардонис не успел даже сообразить, что случилось, как мимо промылкнул какой-то субъект, незаметно су-

нув ему в руки дамскую сумочку. Ардонис машинально придержал ее, и в ту же минуту плотная дама в шляпке вцепилась в Аманта.

— *Bor! Bor! Моя сумочка!* — заверещала она.

Вокруг них мгновенно сомкнулась толпа. В городе всегда найдутся празднующиеся, падкие до любого зрелища. Тем более в воскресенье.

Напрасно оторопевший Ардонис пытался доказать, что произошло недоразумение.

Нелодкупный полицейский робот невозмутимо выслушал обе стороны, записал на пленку показания добровольных свидетелей, бегло осмотрел содержимое сумочки, убедился, что она действительно принадлежит крикливой даме. Затем, вежливо козырнув, сдал Ардониса с рук на руки двум другим роботам, которые браво выпрыгнули из подъезжавшей по его вызову машины.

Гуго Ленц пытался вызволить своего помощника, попавшего в неприятную историю. Он несколько раз объяснялся с Арно Кампом, доказывая, что произошло явное недоразумение.

— Разберемся, дорогой Ленц, — неизменно отвечал шеф полиции, и тут же игриво спрашивал: — Ну, а как наше самочувствие? Что-то мы сегодня бледней обычного. Никто нас не беспокоит?

— Да пока нет, — усмехнулся Ленц.

— Сколько у вас там остается сроку? — спросил Камп в одно из посещений.

— Еще месяц.

— *Ogo!* Целая вечность.

— Чутьочку меньше, — уточнил Ленц.

— Ничего, — перешел Камп на серьезный тон. — Кажется, кое-какие нити мы уже нащупали.

— Неужели! — оживился Ленц. — Какие же нити?

— Пока тайна.

— Даже для меня?

— Даже для вас, дорогой доктор, — развел руками шеф полиции.

— Но ведь я, можно сказать, заинтересованное лицо! — воскликнул Ленц.

— Тем более, — сказал Камп. — А за помощника своего не беспокойтесь. Он в хороших руках.

— Что случилось, доктор Ленц? — спросила Ора Дерви, едва Гуго переступил порог ее кабинета.

— А что? — не понял Ленц.

— Посмотрите в зеркало.

Ленц дернул бородку.

— Вы сами поставили в прошлый раз диагноз: переутомление,— сказал он, рассеянно садясь на свое место — стул в углу.

Ора Дерви покачала головой.

— Неужели вы всерьез относитесь к истории с фиалкой?— спросила она.

Вопрос Оры Дерви почему-то вывел Ленца из себя.

— Да, я отношусь ко всему этому слишком серьезно,— резко сказал Ленц.— Если хотите знать, мне остается жить ровно три недели.

Ора Дерви не нашлась что ответить.

Гуго потер пальцем лоб.

— А что бы сказали вы, милая Ора, получив подобную анонимку?— неожиданно спросил он.

— Поместила бы в печати благодарность автору письма,— сказала Ора Дерви.

— За что?

— За цветок, разумеется.

— А если серьезно?

— Серьезно?— задумалась Ора Дерви.— А что потребовал бы от меня автор письма?

— Предположим — примерно то же, что от меня,— сказал Ленц, закуривая.— Разумеется, в применении к той области, которой вы занимаетесь. Скажем, полный отказ от киборгизации.

— Пожалуй, я бы не пошла на это,— задумчиво проговорила Ора Дерви.

— Даже под страхом смерти?

— Даже под страхом смерти,— ответила Ора, строго глядя на Ленца.

Перед Орой Дерви вспыхнул экран. С него смотрел озабоченный хирург в белом халате.

— Извините, я хотел сказать...— начал он.

— Знаю, знаю,— перебила Ора Дерви, вставая.— Сейчас иду. Экран погас.

— Знаете что?— обратилась Ора Дерви к гостю.— Пойдемте-ка со мной на обход. Там вы увидите киборгизацию, как говорится, лицом к лицу. Ведь вы знаете о ней понаслышке. Потому и сложилось у вас превратное впечатление об этом замечательной вещи.

Клинический обход длился долго. То, что увидел Гуго Ленц в клинике святого Варфоломея, совершенно оглушило его. «Чудеса Оры Дерви» превзошли все его отнюдь не слабое воображение. Он ожидал увидеть многое, но такое...

Ленц шел рядом с Орой, сзади семеня старший хирург клини-

ки, а за ними шла целая свита врачей, с благоговением ловящих каждое слово Оры Дерви.

В первой же палате, куда они вошли, Ленца ждала неожиданность: ковок здесь не было.

— Где же больные?— едва не спросил Ленц.

Посреди комнаты возвышалась громоздкая установка, напоминавшая Ленцу нейтринную пушку.

Ора Дерви подошла к установке, поколдовала у пульта. И вдруг плач, жалобный детский плач пронзил тишину палаты.

— Покричи, покричи,— проговорила Ора Дерви,— крик развевает легкие.

Она внимательно просмотрела показания приборов, затем что-то сказала хирургу, который тотчас сделал запись в своем журнале.

— Кто там?— кивнув на установку, шепотом спросил Ленц у молодого врача, стоявшего рядом.

— Вы же слышите — ребенок,— ответил врач, не отрывая взгляда от установки.

Плач между тем стих.

— Где его мать?— спросил Ленц.

— У него не было матери,— пожал плечами врач, посмотрел на Ленца и счел нужным пояснить:— ребенок выращен из клетки, в биокамере.

Ора Дерви приложила ухо к дрожащей мембране.

— Тише,— прошепел старший хирург, и молодой врач умолк.

В следующей палате было трое больных. Правда, людьми Ленц мог их назвать только с большой натяжкой...

У окна располагалось подобие манипулятора, увенчанное красивой мужской головой с огненно-рыжей шевелюрой.

— Как самочувствие?— спросила Ора Дерви.

— Спасибо, Ора Дерви, сегодня лучше,— ответила голова.

— Он уже заучил простейшие движения,— вмешался старший хирург.

— Значит, скоро будете самостоятельно передвигаться,— ободряюще сказала Ора Дерви, и голова улыбнулась.

— На воле, доктор?

— Сначала научитесь перемещаться по палате,— сказала Ора Дерви, переходя ко второму больному.

На белом столике под вакуумным колпаком лежал узкий параллелепипед, выполненный из какого-то пористого материала.

— Здесь, если угодно, копия мозга человека,— пояснила Ленцу Ора Дерви.— Человек был неизлечимо болен. Он долго скрывал свою болезнь, и в клинику попал слишком поздно.

— Кто он был?— спросил Ленц.

Ора Дерви назвала имя.

— Знаменитый композитор?

Ора Дерви кивнула.

— Когда больного в бессознательном состоянии привезли сюда, жить ему оставалось несколько дней,— сказала она.— Мы сделали все, что в человеческих силах. Но хирургическое вмешательство уже ничего не могло изменить. Тогда мы переписали информацию, содержащуюся в его головном мозге, вот сюда, на запоминающее устройство. Можете поверить, пришлось нелегко: пятнадцать миллиардов клеток! Зато теперь мы сможем в некотором смысле восстановить для человечества выдающегося композитора.

— Вы вырастите точную копию того, который умер?— поразился Ленц.

— К сожалению, точной копии не получится,— сказала Ора Дерви.— Тело его было поражено смертельным недугом, и попытка восстановить снова приведет впоследствии к мучительной смерти. Ничего не поделаешь, мы не научились еще бороться с необратимостью.

— В каком же виде вы восстановите его?— спросил Гуго Ленц.

— Вы обратили внимание на башню в долине, когда летели сюда?— задала вопрос Ора Дерви.

Ленц кивнул.

— Башня и будет его обиталищем,— показала Ора Дерви на параллелепипед.— Когда мы подключим к усилителям копию мозга, она сможет мыслить точь-в-точь, как тот, умерший. Сможет читать, диктовать письма. Сможет, главное, сочинять музыку. Но он никогда уже не сможет, допустим, пройтись по саду с милой женщиной, окунуться в морские волны или съесть бифштекс.

— Но разве мыслить — не значит существовать?— вставил старший хирург.

— И сколько он сможет... прожить... в башне?— спросил Ленц.

— Практически вечно,— ответила Ора Дерви.— Башня превратится в источник музыки, необходимой людям. Скажите, доктор Ленц, разве мы не заслужим тем самым благодарности человечества?

— Благодарность человечества — возможно... Но вот благодарность композитора... я не уверен,— тихо сказал Гуго Ленц.

Свита Оры Дерви переглянулась.

На койке — единственный в палате — лежал молодой человек спортивного вида. Он внимательно слушал, о чем говорят врачи, и не отрываясь глядел на Ору Дерви.

— Самый легкий случай среди остальных,— сказала Ора Дерви, улыбнувшись молодому человеку, от чего тот просиял.

Ора Дерви просмотрела показания датчиков, прикрепленных к разным точкам мускулистого тела. Данными она осталась довольна.

— Астронавт...— пояснила Ора Дерви.— Возвращаясь на Землю, где-то близ Плутона попал в излучение. К счастью, вовремя обратился к нам. Мы последовательно сменили ему все важнейшие органы, начиная с сердца и кончая почками. Результаты перед вами, доктор Ленц.

— Скажите... Я смогу уйти в космос?— негромко спросил молодой человек.

— Только в космосе вы и сможете жить,— ответила Ора Дерви.— Любая тяжесть приведет к гибели. Отныне ваша стихия — невесомость.

Процессия в прежнем порядке двинулась к выходу.

— Послушайте...— прошептал молодой человек.

— Что еще?— нахмурилась, обернувшись, Ора Дерви.

Все остановились.

— Понимаете, у меня здесь, на Земле, невеста...— Горячо, сбивчиво заговорил астронавт.— Она ждет меня. Ждет... Я знаю из радиописем. Как же теперь?...— голос его прервался.

— А сможет ваша невеста жить в невесомости?— спросила Ора Дерви.

— Она ненавидит невесомость. Не переносит ее. Однажды, еще до моего старта, мы отправились...

— Лучше всего вам забыть ее,— мягко перебила Ора Дерви.— Навсегда.

— Но...

— Поймите же, вы не сможете жить в условиях тяжести, как рыба не сможет жить на суше. Ваша родная среда — невесомость и только невесомость,— заключила Ора Дерви, отвернувшись.

Они посетили еще множество палат, но перед Ленцем все время стояли глаза молодого человека, полные муки...

После обхода Ора Дерви пошла проводить Ленца.

— Вы не примирились с киборгизацией?— спросила она.

— Наоборот, я еще больше укрепился в своем отрицательном мнении,— ответил Ленц.

— Мы спасаем людей.

— Спасаете, но какой ценой?

— За возможность жить никакая плата не чрезмерна,— сказала Ора Дерви.

— Не уверен,— отрезал физик.

Они подошли к машине Ленца.

— Так, может, ляжете в клинику хоть на несколько дней?—

снова предложила Ора Дерви.— Речь идет только об исследовании. Даю слово, скальпель вас не коснется.

— Я абсолютно здоров,— упрямо покачал головой Гуго Ленц и открыл люк машины.

К 5 июля был приведен в боевую готовность весь полицейский аппарат страны.

Улицы и площади бурлили. То здесь, то там вспыхивали митинги. Впрочем, среди выступавших единодушия не было. Одни требовали сделать все, чтобы защитить физика Ленца от любых покушений, другие считали, что наоборот — чем меньше останется ученых на свете, тем лучше будет, и не к чему вообще поднимать такой шум из-за физика, хотя бы и знаменитого.

Что касается Ядерного центра, то здесь все шло, как обычно, будто бы не на этот самый день неизвестный злоумышленник назначил гибель доктора Гуго Ленца.

Ленц в этот день был таким, каким его давно уже не видели сотрудники. Работа у него спорилась, он смеялся, шутил, даже напевал глупую песенку о фиалке.

После обеда Гуго Ленц уединился со своим помощником Имантом Ардонисом. Они о чем-то долго толковали. Матовая дверь не пропускала ни звука. Любопытные, то и дело шмыгавшие мимо двери, ничего не могли услышать — у них была лишь возможность наблюдать на светлом дверном фоне два силуэта: один оживленно жестикулировал, словно в чем-то убеждая собеседника, другой в ответ лишь отрицательно покачивал головой.

Иманта Ардониса отпустили несколько дней назад, взяв подписку о неразглашении. От него так и не добились ничего определенного, несмотря на сверхмощную техническую аппаратуру дознания, включая детектор лжи новейшей конструкции.

По распоряжению Арно Кампа за Ардонисом была установлена негласная слежка.

Шеф полиции рассудил, что в критический день возможный злоумышленник должен быть на свободе. Пусть Имант Ардонис думает, что его ни в чем не подозревают. В последний момент правосудие схватит его за руку, и преступление будет предотвращено. А если даже нет... Неважно. Пусть Гуго Ленц погибнет, зато остальным, кто получил цветок, опасность угрожать уже не будет.

В самом Ядерном центре не осталось ни одного не проверенного полицией сотрудника. Весь день Артур Барк безотлучно находился при докторе Ленце.

Когда Гуго Ленц вечером летел домой, его сопровождал целый эскорт. Орнитоптеры охраны были умело и тщательно замаски-

лированы — под прогулочные, гоночные, рейсовые и еще под бог весть какие.

Люди Кампа потрудились и в доме физика, умудрились покрыть дом Ленца мощным силовым полем — защитным куполом на манер того, какой был над Ядерным центром.

День прошел, и ничего не случилось: Ленц был жив и здоров. У Арно Кампа грешным делом мелькнула мысль, что история с фиалкой — вселенская шутка, великий розыгрыш.

...Глубокой ночью Арно Кампа разбудил сигнал видефона. Шеф полиции очнулся от короткого забытья, хрипло сказал:

— Слушаю...

— Докладывает агент 17. Гуго Ленц мертв,— сообщила мембрана.

Обсуждая причины смерти Гуго Ленца, медицинские эксперты не смогли прийти к единому мнению.

Факты были таковы: доктор Ленц скончался вскоре после полуночи.

Каких-либо признаков насилия на теле Гуго Ленца обнаружено не было.

Непохоже было и на отравление ядом, хотя здесь мнения разошлись. Во всяком случае, в организме Ленца не было обнаружено ни одного из известных медицине ядов.

Чудовищное переутомление, сердце не выдержало, говорили одни.

Доктора Ленца свел в могилу невроз, развившийся за последние три месяца, утверждали другие и добавляли, защищая свою точку зрения: попробуйте-ка 90 дней прожить под угрозой смерти, под Демокловым мечом.

Вероятно, дни ожидания гибели сломили волю к жизни.

По распоряжению президента была создана комиссия для расследования обстоятельств смерти доктора Ленца. Председателем была назначена Ора Дерен, начальник Медицинского центра страны.

Смерть физика Ленца, последовавшая точно в срок, потрясла Ива Соича.

Значит, цветок, полученный Ивом Соичем, таит в себе отнюдь не пустую угрозу.

Пойти навстречу требованиям автора грозного письма? Свернуть работы в Акватауне, пока не поздно? Законсервировать скважину?

Остановить машины — дело нехитрое. А потом? Шумиха вокруг

фиалки спадет, конкуренты подхватят начатое Ивом Соичем и брошенное им дело, и главный геолог останется в дураках.

Нет, отступать поздно.

Достаточно хотя бы немного замедлить темпы проходки глубоководной скважины — и он банкрот.

И вместо собственного спутника в космосе у него появится кинй спутник — вечная досада на себя: струсил, отказался от собственного счастья, не сумел схватить синюю птицу большой удачи, которая приходит раз в жизни.

Не отступать надо — атаковать! Ускорить проходку. Взвинтить темпы, как только можно. Не останавливаться перед новыми затратами. Закончить проходку раньше срока, отмеренного ему убийцей. Поскорее сорвать куш, купить спутник и перебраться на него. Там-то уж Ива Соича сам дьявол не достанет.

Там, на спутнике, он волю посмеется над прежними страхами.

Сделает оранжерею — решено. И непременно будет разводить фиалки. Именно фиалки, пропади они пропадом!

В невесомости цветы растут хорошо...

К счастью, и он переносит невесомость кеплохо, в отличие от некоторых людей, которые в невесомости и часа не могут прожить.

По распоряжению Ива Соича в Акватауне был введен жесткий режим, сильно смахивающий на военный.

Геологи, проходчики, инженеры, киберологи, ядерщики не имели права подниматься на поверхность и вообще удаляться за пределы Акватауна.

Ив Соич запретил даже обычные походы акватаунцев в рыбацкий поселок за свежей рыбой. И вообще Ива Соич решил свести к нулю непосредственные контакты акватаунцев с внешним миром — до тех пор, пока геологическая программа не будет полностью выполнена.

Ему удалось добиться разрешения президента на изоляцию Акватауна. Начальник Геологического центра внушил легковерному президенту, что глубинная скважина — дело, необходимое для страны, основа ее будущего благосостояния и могущества.

Ни одна душа теперь не сможет ни проникнуть в Акватаун, ни покинуть его.

Ив Соич свободно вздохнул, решив, что отныне здесь, на океанском дне, в глубоководной впадине он в такой же безопасности, как на спутнике Земли.

Работа в Акватауне шла день и ночь. Впрочем, понятия день и ночь были весьма условны под многомильной океанской толщей, в царстве вечного мрака. Суточный цикл регулировался службой

времени. «Утром» тысячи реле одновременно включали наружные панели на домах-шарах, прожекторы выбрасывали вдоль улиц ослепительные пучки света, тотчас привлекающие глубоководных тварей, давно привыкших к возне под водой, ярче вспыхивали пунктирные лампочки, окаймлявшие дорогу к скважине.

Ровно через двенадцать часов все освещение, кроме дорожно-го, выключалось.

На ритм разработок смена дня и ночи никак не влияла, поскольку работы по проходке велись круглосуточно, в три смены.

Искусственную смену дня и ночи Ив Сонч ввел для того, чтобы люди жили в привычном цикле, чтобы им легче было ориентироваться во времени.

24 часа в сутки на дне впадины полыхало зарево. Время от времени из него вырастал оранжевый гриб, и толщу воды насквозь пронизывала дрожь. Каждый направленный ядерный взрыв означал еще один шаг вперед, в глубь Земли.

Акватаунцы прозвали его «Железным Ивом». Беспокойных дел у Сонча было навпрокорот. Дело в том, что после того, как буровые машины прошли первые мили земной коры, в общем достаточно изученные, проходчики вступили в слон, полные загадок. Ситуации сменялись с калейдоскопической быстротой, и в каждой нужно было найти правильный выход — сменить режим, изменить направление и силу взрыва, воздвигнуть преграду бушующей лаве. Дело иногда решали секунды.

Ив Сонч координировал работу проходчиков, знал поименно и в лицо чуть не каждого из трех тысяч акватаунцев.

Презирая опасность, он часто опускался на дно скважины, появлялся на самых трудных участках проходки. Толстый, отдувающийся, ежеминутно вытирающий пот, он мячиком выкатывался из манипулятора, проверял, как работают механизмы, часто оттеснял оператора и сам садился за пульт управления.

Для акватаунцев оставалось загадкой, когда спит Ив Сонч. В любое время суток его можно было застать бодрствующим, обратиться к нему с любым делом.

С полной нагрузкой работала аналитическая лаборатория, исследуя образцы породы, непрерывным потоком поступающие из скважины.

Под огромным давлением даже обычные минералы, давно изученные вдоль и поперек, приобретали новые, неожиданные свойства.

Вскоре температура в стволе шахты повысилась настолько, что даже термостойкие комбинезоны перестали спасать проходчиков.

По распоряжению Ива Сонча были смонтированы и пущены в

ход криогенные установки. У проходчиков появился мощный союзник — жидкий сверхтекучий гелий, охлажденный почти до абсолютного нуля. Циркулируя по змеевику, пронизывающему стенки шахты, гелий гасил жар развороченных земных недр. Земля, рыча и огрызаясь, уступала людям милю за милей.

Ора Дерви как председателю правительственной комиссии по расследованию обстоятельств смерти Гуго Ленца много приходилось заниматься материалами, так или иначе связанными со знаменитым физиком.

В основном здесь были официальные документы, переписка доктора Ленца с дюжиной университетов и крупнейшими физическими лабораториями, копии заказов различным фирмам на оборудование и приборы, рекламации на них и многое другое. Ленц переписывался со многими выдающимися физиками других стран. По их письмам Ора Дерви могла заключить, что Ленц пользовался среди них большим авторитетом.

О, как казнила себя Ора Дерви, что не настояла в свое время на том, чтобы Гуго Ленц лег в клинику святого Варфоломея! Он был бы жив. Она не допустила бы его смерти.

А теперь в память о Гуго Ленце ей только и осталось, что тоненькая пачка писем, да еще голос Гуго, записанный на пленку — повесть о том, как шведский король вручал ему Нобелевскую премию. Когда Гуго рассказывал об этом, нельзя было удержаться от смеха, и Ора с разрешения Ленца включила магнитофон.

Странный он был, Гуго Ленц.

Теперь, разбирая архивы, Ора Дерви все больше утверждалась в мысли, что тот Гуго Ленц, которого она знала, и тот, который вырисовывался в документах, с ним связанных, и в обширной научной переписке, — два совершенно разных человека.

Письма, адресованные Гуго Ленцем лично ей, Ора Дерви никому не показывала. Кому их читать? Другьям? Разве могут они быть у полуробота? Прихлебателей тьма, приятелей пруд пруди, в друга нет...

Гуго несколько раз рассказывал ей о шефе полиции Арно Кампе, с которым ему пришлось ближе познакомиться после получения злополучного письма.

— Арно Камп — неглупый человек, — говорил Гуго Ленц. — С ним можно толковать. Представьте себе, даже стихи любит.

...Поставив полуувядшую фиалку в стакан с водой, Ора Дерви еще раз внимательно перечитала только что полученное с утренней почтой письмо. По стилю оно, на ее взгляд, не отличалось от того, которое три с небольшим месяца назад получил Гуго Ленц.

Гуго, обладавший феноменальной памятью, несколько раз цитировал ей наизусть большие куски из письма, и Ора Дерви в конце концов тоже запомнила их.

Анонимный автор хотел от Оры Дерви, чтобы она «навела порядок» на своем участке общественной жизни — в медицине. Автор требовал, чтобы Ора Дерви своей властью запретила пересадку органов. «Такие пересадки чудовищны, недостойны человека, наконец — неэтичны, — негодовал автор. — Человек — не машина, у которой можно по произволу заменять детали».

Особое негодование вызывало у автора то, что в клинике святого Варфоломея проводятся опыты по вживлению кибернетических механизмов в тело человека.

«Вы бросаете вызов природе вместо того, чтобы слиться с ней», — возмущался автор письма.

Она некоторое время перебирала четыре листка, отпечатанных на машинке, всматривалась в цифру «1», вписанную от руки. Ровно один год отмерил ей автор письма для выполнения обширной программы, изложенной на листках: повсюду закрыть пункты пересадки органов, уничтожить фабрики, выпускающие хирургические инструменты для трансплантации, закрыть в медицинских колледжах факультеты кибернетической медицины, предать огню всю литературу по проблемам киборгизации.

Ора Дерви закрыла глаза. Она сидела одна в пустой ординаторской клиники святого Варфоломея. Покачиваясь в кресле, размышляла.

Кто бы ни был автор письма, он наивен в высшей степени. Он хочет, чтобы она, Ора Дерви, своей волей сделала то, и другое, и третье. Как будто в ее власти закрыть, например, фабрики, производящие хирургическое оборудование. Да ее сместят на следующий же день.

Конечно, Ора Дерви могла бы, скажем, наложить временное вето на производство хирургического оборудования, объявив его малопригодным для операций. Но что скажут фабриканты? Каждый шаг Оры Дерви встречал бы бешеное сопротивление тех, кто заинтересован в существующем порядке вещей.

Разбирая документы Гуго Ленца, Ора Дерви рассчитывала, что, возможно, какие-нибудь записи смогут пролить свет на обстоятельства дела, которое она расследует. Нелегкая и кропотливая была эта работа.

«...Итак, мне остается жить три месяца. Всего три. Нелепо все и неожиданно. А жизнь вчера еще казалась бесконечной.

Здоровый человек не думает о смерти. Он может планировать свое будущее, прикидывать, что будет с ним через год, три, а то

и через двадцать лет. Математик сказал бы, что двадцать лет для человека равносильны бесконечности. Естественно: для мотылька-однодневки бесконечность равна всего-навсего суткам.

А что сказать о мезоне, время жизни которого — миллионная секунды?

Я на мезон и не мотылек-однодневка. Я человек. Обреченный на скорую смерть. Какая разница — раньше или позже. Нет, не буду кривить душой. Я молод: разве 44 года — старость?

Чего я достиг в жизни? Почестей? Они не кружат мне голову. Просто я немного лучше, чем другие, научился разбираться в структуре вещества, и за это мне — деньги и комфорт?»

Ора взяла другой листок.

«Но то, чего мне удалось добиться в жизни, — лишь одна сторона дела. Теперь, когда мне приходится подводить итоги, не менее важно уяснить другую сторону: что дал я, Гуго Ленц, человечеству? Боюсь, не так уж много. После злосчастного взрыва не перестаю думать об этом...

Мир беспечен, как играющий ребенок. Если даже людей будет отделять от гибели один шаг, все равно они будут беспечны, как мотыльки. Беспечность? Или простое невежество?

Мой опыт горек. Но достаточен ли для остальных? Надо добиться, чтобы был достаточен...

Барк, кажется, неплохой парень, только мозги немного набекрень от полицейской работы. Из него мог бы получиться физик. Но зачем, зачем человечеству физики?»

Когда Арно Камп пообещал изловить и обезвредить того, кто угрожает мне смертью, я впервые в жизни пожалел, что полиция не всемогуща...

«Больше всего на свете я любил свою работу. Тот сладкий холодок предчувствия, из которого вдруг, после многодневных опытов, внезапно рождается уверенность, что истина находится где-то рядом, протяни руку — и достанешь ее.

Но ныне все мелкие истины слились в одну Великую Истину, и свет ее невыносим. Я солдат твой, сияющая истина, и умру как солдат. И да поможет мне... Робин!»

«Робин? — задумалась Ора Дерви. — Кого имел в виду Гуго Ленц?»

Среди знакомых и сотрудников Ленца — она тщательно проверила — человека с таким именем не было. Быть может, Робин — чье-то прозвище? Но чье? Ора Дерви, как обычно, проконсультировалась с Артуром Барком, который знал Ядерный центр и его людей, как свои пять пальцев. Но и Барк в ответ на вопрос о Робине только развел руками. Видимо, Робин — какая-то историческая ас-

социация, пришедшая в голову Гуго, когда он набрасывал дневник, решила Ора Дерви. Быть может, речь идет о Робин Гуде, легендарном разбойнике средневековой Англии?

Вскоре в суতোлке дел Ора Дерви позабыла случайное имя, мелькнувшее в бумагах покойного Ленца.

Но через некоторое время среди лабораторных журналов ей попался еще один листок, служивший продолжением какой-то записки.

«...Прощай и ты, Люсинда. Я привязался к тебе, я верил тебе...»

Ору что-то кольнуло, когда она прочла первые строки записки.

«Только благодаря тебе, Люсинда, я сумел решить последнюю задачу, которую добровольно взвалил на свои плечи. И теперь мне легче уходить из жизни. Спасибо, Люсинда».

Незнакомое доселе неприятное чувство заставило Ору внутренне сжаться. Она вызвала к себе Барка. Артур прибыл незамедлительно: он знал уже, что председатель новой комиссии не отличается мягким нравом, и при случае может всыпать не хуже Арно Кампа. Ясное дело — не приходится ждать снисхождения от робота или полуробота — один черт.

— Какова обстановка в Ядерном центре?— спросила Ора Дерви.

— Все по-прежнему растеряны,— сказал Барк.

— Смерть доктора Ленца обсуждают?

— Неохотно.

— Старайтесь прислушиваться к таким разговорам,— посоветовала Ора Дерви.— В них, возможно, что-то промелькнет.

— Докладывать вам или Арно Кампу?

— Все равно. Наши действия скоординированы.

— С работой в Ядерном центре до сих пор не ладится,— сказал Артур Барк.— Все время срываются опыты. Доктор Ленц оставил после себя сущую неразбериху. Старик, видимо, слишком многое любил делать сам.

При слове «старик» Ора поморщилась: она не выносила фамильярности.

— Теперь Ядерный центр осиротел, как выразился один сотрудник,— продолжал Барк, развалившись на стуле.— Неужели доктор Ленц напоследок испугался-таки и решил «зашвырнуть ключи»? Но тогда непонятно, почему же доктор Ленц все-таки...

— Скажите, Барк,— перебила его Ора Дерви,— вы знаете всех сотрудников Ядерного центра?

— Конечно. Таково задание Кампа,— ответил Артур Барк.

— В таком случае скажите, кто такая Люсинда?— быстро произнесла Ора.

— Люсинда?— удивленно переспросил Барк, с наслаждением

заметьте, что Ора Дерви слегка смешалась. Значит, и роботы умеют смущаться!

— Имя Люсинда мне встретилось в архивах доктора Ленца,— пояснила сухо Ора Дерви.

— Люсинда — машина,— сказал Барк.

— Машина?

— Обыкновенная счетная машина. Термоионная, с плавающей запятой, как говорят программисты,— с улыбкой добавил Барк. За время пребывания в Ядерном центре он успел нахвататься кое-каких познаний.

— Машина? Странно... Ленц обращается к ней, как к женщине,— сказала Ора Дерви.

— Странно,— согласился Барк.

— Мы можем теперь только строить догадки о тогдашнем психическом состоянии доктора Ленца,— заметила Ора.

Барк промолчал, органичившись утвердительным кивком.

Имант Ардонис любил геологию. Ему вообще нравились науки о Земле.

Толстые фолианты, посвященные отчетам какой-нибудь исследовательской геологической или археологической экспедиции, он мог перечитывать, как увлекательный роман.

Впрочем, романов Имант Ардонис никогда не читал.

Изучение геологических отчетов доставляло отдых мозгу, измученному бесконечными формулами.

Если физика была всепоглощающей страстью Иманта Ардониса, то науки о Земле можно было назвать его хобби. Но и в геологии, регулярно просматривая интересующую его литературу, Имант Ардонис сумел приобрести немалые познания.

Акватаунский проект заинтересовал Ардониса. Его привлекла смелость замысла, сочетавшаяся с размахом. Шутка ли — пробив твердую оболочку планеты, на сотни миль устремиться вниз, пронзив слои бушующей лавы!

В космосе человек давно уже чувствовал себя, как дома, в то время как глубь собственной планеты все еще оставалась для него недоступной.

Ардонис знал, что идея использования глубоководной морской впадины в качестве отправной точки для глубинной скважины не нова. Но раньше осуществить ее не могли: проблема упиралась в несовершенство техники.

Ардонис был аккуратен в своих увлечениях: выискивая повсюду, где только можно, материалы об Акватауне, он складывал их вместе. Правда, писали об Акватауне немного.

Проглотив очередную заметку, Ардонис приходил в восхищение от темпов, которыми велась проходка. Из Соич, похоже, знает свое дело.

Когда ствол шахты, миновав твердую оболочку Земли, углубился в расплав магмы, Имант Ардонис наново проштудировал работы о глубинных слоях почвы и структуре морского дна в районе Атлантического побережья. И червь сомнения впервые шевельнулся в его душе.

Давление и температура лавы там, на глубине, ему как физику говорили многое. В опытах по расщеплению кварков Ардонис имел дело со звездными температурами и колоссальными давлениями, у него было представление об опасностях, которые подстерегают в подобном случае исследователя.

При огромных давлениях жидкость может превратиться в камень, а сталь — потечь, как вода.

На что рассчитывает Ив Соич? Как он собирается взнудать огненную стихию земных недр? Надо полагать, он произвел необходимые расчеты. Они должны быть абсолютно точными. Иначе... у Иманта Ардониса дух захватило, когда он представил, что может получиться, если на большой глубине магма ворвется в ствол шахты. Вода соединится с огнем! А в Акватауне три тысячи человек. Не говоря уже о рыбацком поселке, который расположен на побережье, близ впадины.

Люсинда — хорошая машина, хотя и капризная, как женщина. То, что машина хорошая, не нуждалось в особых доказательствах. На Люсинде Гуго Ленц и другие сотрудники Ядерного центра производили тонкие расчеты, перед которыми пасовали другие счетные машины.

На заре машинной индустрии люди считали, что все счетные машины одного класса одинаковы. С годами пришлось отказаться от подобной мысли. Счетные машины усложнялись, накапливали «память» и «опыт», и каждая из них приобретала то, что у живого существа называют индивидуальностью. Так, одна машина, например, отдавала явное предпочтение дифференциальным уравнениям, другая — задачам, связанным с небесной механикой, третья — интегралам. Симпатии и антипатии машины могли выражаться в том, что «любимую» задачу машина решала быстро и изящно, если же попадалась задача «нелюбимая», машина могла возиться с ней долго, а решение предложить такое длинное и запутанное, что математик, поставивший задачу, хватался за голову.

В том, что Люсинда — машина не только хорошая, но и капризная, с норозом, лишний раз убедился Имант Ардонис, когда решил просчитать, каким запасом прочности обладает ствол гигант-

ской шахты, нисходящей от подводного города Акватауна в глубь Земли.

Введя задачу в кодирующее устройство, Имант Ардонис присел к столу.

Мимо несколько раз прошел Артур Барк, неприятный молодой человек с оловянными глазами.

Нового сотрудника Имант недолюбливал. Напрямь зародилась в первый же день, когда доктор Ленц привел к нему в кабинет черноволосого крепыша и отрекомендовал его как специалиста по нейтринным пучкам. Было это вскоре после взрыва в лаборатории, случившегося ночью, когда установки обслуживались автоматами.

Со времени появления Артура Барка в Ядерном центре прошло больше трех месяцев, и Ардонис имел несколько раз возможность убедиться, что при обсуждении сложных проблем, связанных с фокусировкой нейтринных пучков, Барк предпочитает многозначительно отмалчиваться. Ардонис не вмешивался — с него было достаточно рекомендации Гуго Ленца.

Правда, после одного случая, продемонстрировавшего вопиющую безграмотность Барка, Имант Ардонис совсем было решил раскрыть глаза доктору Ленцу на бездарность нового сотрудника, но тут случилась нелепая история с кошельком, закончившаяся арестом Ардониса и на время совершенно выбившая его из колеи. А после умер Ленц, и Ардонис махнул рукой на Барка. Мало ли на свете бездарностей, занимающих места, им не предназначенные?

Он, Имант Ардонис, не собирается переделывать мир. Кажется, переделкой мира хотел заняться его шеф доктор Ленц, о чем он и твердил сбивчиво и туманно в последние месяцы перед смертью.

Задача Ардониса гораздо скромнее: расщепить кварки, разрушить последнее прибежище тайны мироздания, зажать материю в железные объятия уравнений Единой теории поля. Переделкой общества пусть занимаются другие. Он не уверен, что подобная задача имеет решение.

Мимо снова прошел Артур Барк, подозрительно посмотрев на Ардониса.

Имант глянул на часы: Люсинде давно уж пора бы дать ответ на поставленную задачу. Однако машина хранила молчание.

— Где ответ? — спросил Ардонис, нагнувшись к переговорной мембране.

Тотчас из щели дешифратора вылезла лента.

«Дважды одну задачу Люсинда не решает», — прочел Ардонис.

— Люсинда, ты что-то путаешь, — попытался разъяснить Ардо-

нис.— Задачу о глубинной шахте никто тут не мог решать, кроме меня.

«Люсинда никогда не путает»,— лаконично сообщила лента.

— Кто же в таком случае решал задачу до меня?— спросил Ардонис, начиная терять терпение.

Люсинда молчала: ответ принадлежал к разряду необязательных, и она использовала свое право.

В течение дня Имант Ардонис пытался узнать у сотрудников, кто до него занимался этим вопросом, но одни вообще ничего не слышали об Акватауне, а другие были равнодушны к проблемам сверхглубинного бурения.

Тогда Иманту Ардонису пришлось чуть не на коленях умолять Люсинду выдать повторное решение.

Ответ машины поразил Ардониса: все гигантское подводное сооружение висело на волоске.

Несмотря на свой «скверный» характер, Люсинда не могла солгать в расчетах, выдать не те цифры.

Прихватив с собой ленту, Ардонис решил немедленно отправиться в редакцию самой крупной газеты. О том, что угрожает Акватауну, должен узнать весь мир. Подводники обязаны принять срочные меры. Либо должен быть увеличен запас прочности защитных конструкций, либо работы следует сразу прекратить. Первое решение, конечно, влетит в копеечку, но разве можно считаться с копейками, когда дело идет о жизни тысяч людей?

Выходя из лаборатории, Имант Ардонис столкнулся с домом Базилио.

После смерти Гуго Ленца кот поскукнел. Он бродил из комнаты в комнату, разыскивая прежнего хозяина, и всех сотрудников обходил стороной. Блюдце с молоком оставалось нетронутым. Чем питался кот, было неизвестно. Артур Барк уверял, что дон Базилио глотает кварки.

Последним человеком, который видел Ленца, была его жена. Арно Камп многократно допрашивал Рину, но то, что она рассказывала, никак не проливало свет на уход из жизни первого физика страны.

Ответы Рины тщательно сопоставлялись с данными экспертизы, но учесть женщину во лжи шеф полиции не мог.

Сегодня она должна была по его вызову явиться к одиннадцати часам. Она пришла чуть раньше, и Жюль тотчас доложил о ее приходе Кампу.

— Пусть войдет,— сказал Камп.

Она присела на краешек кресла, того самого, в котором не

так давно сидел Гуго Ленц, принесший в полицию письмо, сулившее ему смерть.

— Когда доктор Ленц прилетел вечером домой, вы не заметили в его поведении чего-либо необычного?

— Нет, Гуго вел себя как всегда,— вздохнула Рина.— Шутит, что мы, как мухи под стеклянным колпаком: за каждым нашим шагом наблюдает охрана, а улететь из-под колпака невозможно. Несколько раз повторял, что выполнил дело жизни, а потому может умереть спокойно... Вообще Гуго шутил в тот вечер. Я уже говорила об этом.

— Мы навели справки. Работа у доктора Ленца в Ядерном центре в последнее время не ладилась, опыты по расщеплению срывались, да еще взрыв 2 апреля... Как можно говорить, что дело жизни выполнено?

Рина пожала плечами.

— Я же говорила вам, что Гуго в последние дни не делился со мной рабочими тайнами.

— Расскажите еще раз, когда и как вы обнаружили, что ваш муж мертв?

Ровным голосом, будто повторяя заученную роль, Рина произнесла:

— Я проснулась вскоре после полуночи. Не знаю отчего. На сердце было беспокойно. Гуго, как всегда, сидел у раскрытого секретера: «Разберу одну задачку». А я, не знаю как, снова задремала — так намучилась в последние дни... Очнулась — Гуго на прежнем месте, уснул, голову опустил на недописанный лист бумаги. Позвала — не откликается. А сон Гуго чуток. Вскочила я, подошла к нему...— Рина перевела дыхание. Только по судорожным движениям пальцев видно было, чего стоит ей рассказ.— На губах Гуго застыла усмешка. Он был мертв.

— Почему вы так решили?

— Глаза... глаза Гуго были широко раскрыты. Правая рука лежала на калькуляторе. Но дальше, наверно, не нужно?— перебила себя Рина.— Когда я закричала, в комнату сразу хлынула охрана, и у вас имеются подробные протоколы, фотографии...

— Протоколы и фотографии есть,— согласился Камл.— Но вы уклоняетесь от ответа на вопрос. Меня интересует, повторяю, то, что не попало в протоколы.

Рина еле заметно пожала плечами.

— Но я ничего не могу добавить.

Домой Рина возвращалась опустошенной. В хвост ее орнитоптера пристроился аппарат мышинного цвета, но Рина едва обратила на него внимание. И дома, и вокруг, она знала, полно теперь и

электронных и прочих ищеек. Что толку? Все равно никто не вернет Гуго.

Комнаты зияли пустотой. Робин куда-то запропастился, оставив включенным телевизор.

Рина присела к секретеру, который так и остался открытым с той роковой ночи. После нашествия полиции тут осталось немного — несколько разрозненных книг, тщательно перелистанных привычными пальцами детективов.

Говорят, в комиссию по расследованию, которую возглавляет ненавистная Ора Дерви, были уже вызваны и опрошены сотни людей. Пусть! А она ни за что не пойдет туда, разве что потащат силой.

Рина долго сидела. В уши лезла назойливая музыка, с экрана кривлялась певица, похожая на Ору Дерви. Затем пошла серия рекламных фильмов, но Рина почти не смотрела на экран. Она даже забыла сделать замечание Робину за самовольное включение телевизора.

В дверь постучали. На пороге появился Имант Ардонис.

— Вас не задержали?— спросила Рина.

— Я не преступник,— пожал плечами Имант.

Они помолчали, оба чувствуя неловкость.

— Рина, я хочу пригласить вас в театр,— сказал Имант, вертя в руках шляпу.

— Нет, Имант,— покачала она головой.

— «Отелло».

— Нет.

— Раньше вы не отказывали мне в своем обществе.

— Раньше — да, а теперь — нет. На имя Гуго не должна упасть никакая, даже самая маленькая тень.

— Наверное, вы правы. Что ж, прощайте,— Ардонис тяжело шагнул к двери.

— Погодите, чаю выпьем. Робин!— громко позвала Рина.

— Нет, спасибо. Я пойду!

— Робин в последнее время стал несносным,— пожаловалась Рина.

— С некоторых пор я перестал доверять автоматам,— обернулся Имант.— Люсинда словно взбеленилась. Отладить ее никому не под силу. Мало того, печатающее устройство с нее куда-то запропастилось.

Оставшись одна, Рина обошла все закоулки, заглянула даже в ванную — Робина в доме не было.

...Он появился в двери, неуклюжий, приземистый, с четырехугольным регистрационным номером на груди.

— Где ты был? — спросила Рина тоном, не предвещавшим ничего доброго.

Робин замаялся. Видимо, ему очень хотелось солгать, но лгать он не умел.

Незаметно прозвище «фиалочник» приобрело среди журналистов права гражданства.

Список «фиалочников» — людей, получивших послание с этим цветком, — перевалил уже за сотню. Причем это были все люди уважаемые: военные, финансисты, литераторы, ученые... Особенно много ученых.

Получение фиалки стало предметом своеобразной гордости, как бы признанием заслуг со стороны неведомого врага государства.

Возникла даже идея — организовать «Клуб фиалочников», но президент наложил на эту идею вето. Злые языки связывали запрещение с тем, что сам президент фиалки до сих пор не получил.

Если свести все письма в одно, получалась интересная картина: требования автора, подкрепляемые недвусмысленной угрозой, сводились к одной мысли, выраженной еще в первом письме, полученном Гуго Ленцем. «Назад к природе!», «Идя по пути разума, человечество погибнет», «Нужно зашвырнуть ключи от тайн природы», — требовали анонимные письма.

На одном из первых «фиалочных» совещаний Джон Варвар высказал мнение, что письма печатает и рассылает не один автор, а целая группа ловко организованных мошенников и шантажистов. Цель — посеять в государстве смуту, дабы половить рыбку в мутной воде. Машинку, на которой печатались тексты, обнаружить не удалось, и это, по мнению Джона Варвара, подтверждало его гипотезу: очевидно, машинка хранилась в глухом подполье, куда не могли проникнуть щупальца полиции.

По распоряжению Кампа была проведена текстологическая экспертиза писем.

В основу экспертизы положили старую программу, с помощью которой некогда было установлено, что автором «Короля Лира», «Отелло», «Гамлета» и прочих гениальных творений является не группа авторов, как утверждали иные критики и литературоведы, а одно лицо — небезызвестный Вильям Шекспир. Спустя много времени история повторилась: экспертиза опровергла предположение Джона Варвара. Электронная машина, исследовав тончайшие нюансы стиля, а также среднюю длину слов, употребляющихся в текстах писем, установила, что автором всех фиалочных посланий является одно лицо.

Сроки жизни в письмах были отмечены самые разные: кому месяц, кому — год, но большинству адресатов, как Арно Кампу, срок не указывался.

Для того, чтобы установить, насколько «серьезны намерения» автора писем, надо было проследить, в какой мере сбывались угрозы. Но Арно Камп лучше, чем кто-либо другой, понимал, что очень трудно, а подчас и невозможно отличить несчастный случай от покушения. Если взять значительную группу людей, то в силу вступает закон больших чисел. Шеф полиции знал, что статистика — хитрая штука. По ней, по статистике, несчастья случаются столь же неизбежно, как допустим, свадьбы.

За этими невеселыми размышлениями и застала Кампа Ора Дерви.

— Чем порадуете? — спросил Камп, выходя навстречу Оре.

— Расследование завершено.

— Значит, убийство?

Ора Дерви покачала головой.

Помолчав, она сказала:

— Я видела его перед кончиной.

— Он появился у вас после получения письма?

— Да.

— Простите, бога ради, за вопросы... — улыбнулся Камп. — Это разумеется, не допрос, а просто беседа.

— Понимаю.

— Ленц говорил с вами по поводу полученной им анонимки?

— Говорил, и много.

— Как он относился к угрозе смерти?

— Считал, что обречен, и жить ему осталось ровно столько, сколько отмерено в письме. Потому-то он и отказался лечь в клинику: времени оставалось мало, чтобы завершить все дела.

Камп пожевал губами и неожиданно спросил:

— А вы не допускаете мысли о самоубийстве?

— Я думала об этом, — сразу ответила Ора Дерви. — Однако самоубийство, по сути, то же убийство. Оно оставило бы какие-нибудь следы. Вам-то это известно лучше, чем мне. Между тем экспертиза таких следов не обнаружила.

— Результаты экспертизы я знаю. Но, кроме объективных данных, существует еще интуиция. Послушайте, Ора. Что вы думаете обо всей этой истории?

Ора задумалась. Вынула сигарету — Камп услужливо щелкнул зажигалкой.

— Каждому ясно, что автор анонимок задумал переделать наше общество. Требования его недвусмысленны. Джон Вильнертон

должен прекратить выпуск оружия смерти, Гуго Ленц — закрыть исследования кварков и «зашвырнуть ключи» ст тайны природы. Из Соич — законсервировать глубинную проходку в Акватауне и так далее. Я не знаю многих писем, но они, наверно, в таком же роде?

— Примерно.

— Во всяком случае, все это выглядит ужасно наивно. В чем-то напоминает детскую игру.

— Детскую игру! — взорвался Арно Камп. — Что ж, и Гуго Ленца убили играючи!

— Факт убийства доктора Ленца не доказан, — возразила Ора Дерви. — Наоборот, я как медик убеждена, что он умер своей смертью.

— Точно в назначенный срок! Да это же м... мистика, черт возьми!

— Не знаю.

— Вам, между прочим, тоже грозят смертью. Вас это не смущает?

— Я фаталистка. И потом, я верю в ваших агентов, — улыбнулась Ора.

— Я жду в... вас завтра. С членами комиссии. Нужно выработать единую точку з... зрения, — сказал Арно Камп, прощаясь.

После ухода Оры Дерви он долго ходил по кабинету, стараясь успокоиться.

Размышления Арно Кампа прервало появление Джона Варвара — он теперь ведал наблюдением за коттеджем покойного доктора Ленца.

— Есть новости? — спросил Камп.

— Вот пленка, шеф.

— Целая бобина? — удивился Камп. — Она что же, сама с собой разговаривает, эта Рина Ленц?

Воспроизводитель захрипел, из него послышались голоса — Рины и неизвестный мужской.

«— Где ты был? — строго спросила Рина.

— В городе, — пророкотал мужчина.

— Зачем?

— Тайна.»

— Это еще что за идиот? — быстро спросил Камп.

— Робин. Робот, — пояснил Варвар.

Услышав, что тайна Робина принадлежит не кому иному, как доктору Ленцу, Камп изменился в лице. Варвар окаменел.

— Сколько ты летел сюда? — спросил Камп, когда отзвучала последняя реплика Робина: «Именем доктора Ленца — не делай

этого!», обращенная к Рине,— и воспроизводитель автоматически выключился.

— Десять минут.

— Бери оперативный отряд — и в коттедж Ленца. Доставь сюда этого Робина. Бегом! Только не повреди его,— крикнул Камп вдогонку.

Оставшись один, шеф полиции посмотрел на часы. Ровно в полдень по мудрым канонам востока у него было «пять минут расслабления». Однако заняться гимнастикой по системе йогов ему не пришлось.

На пульте пискнул зуммер радиовызова.

— Д... докладывает Джон Варвар,— прохрипело в наушниках. С каких пор Варвар заикается?

— П-п-приказ не выполнен. Робин исчез,— доложил Джон Варвар.

— Все обыскать!

— Уже обыскали, шеф.

— Допросить Рину Ленц.

— Допросили. Она ничего не знает. Говорит, Робин перестал ей подчиняться. Разладился, и потому по закону она за него не отвечает.

— Перекрывать все дороги! Оцепить район! — не сдержавшись, закричал Арно Камп, понимая, что все эти черы едва ли принесут нужный эффект. Разладившийся робот — сущее бедствие, поймать его практически невозможно. Достаточно человекоподобной фигуре сорвать порядковый номер — и она затеряется в многомиллионном городе, как капля в море. Попробуй-ка без светящегося нагрудного номера отличить робота от человека!

С погружением в глубь Земли давление и температура возрастали, и все труднее становилось обуздывать грозный напор расплавленной магмы, омывающей ствол шахты.

Чем глубже погружались проходчики, тем больше удлинялись коммуникации, что также вносило дополнительные трудности.

Любые контакты с побережьем Соич запретил, и акватаунцы роптали: они привыкли к свежей рыбе, покупаемой у рыбаков прибрежного поселка.

Приходилось довольствоваться пищей, доставляемой в Акватаун сверху в контейнерах.

Три тысячи акватаунцев трудились денно и нощно, цементированные волей «Железного Ива». Связываться по радио сквозь толщу воды с внешним миром было невозможно. Письма туда и обратно доставлялись все в тех же контейнерах.

По-прежнему масса добровольцев предлагала Соичу свои услуги, прельщенная как романтикой глубинной проходки, так и системой оплаты, предусматривающей премию за каждый новый шаг в глыбу Земли.

С последней почтой Ив Соич получил, как обычно, несколько десятков писем. Пренебрежительно отодвинув их в сторону, он вскрыл пакет от Арно Кампа. Шеф полиции настоятельно требовал, чтобы Ив Соич покинул Акватаун и поднялся на поверхность.

«Подходит критический срок,— писал Арно Камп.— Если забыли, то могу напомнить, что скоро будет полтора года, как на ваше имя пришло письмо...»

— «Забыли»... Шутник этот Камп,— пробормотал Соич, покачав головой.

«Вы должны переждать критическое время под надежной охраной. Мы поместим вас в башню из слоновой кости, а точнее — из стали и бронебойного стекла. Знаю, как вы преданы работе и как нелегко вам сейчас покинуть Акватаун. Но проходка ствола рассчитана на два года, так что, побыв на поверхности недели две, вы сможете вернуться к своим обязанностям...»

Оторвавшись от письма, Ив Соич живо представил себе, как Арно Камп в этом месте погладил своего бронзового любимца и произнес что-то вроде:

— Главное — чтобы ты пережил срок, названный в письме. А дальше — мне до тебя дела нет, голубчик!

«Главное — пережить срок, указанный в письме,— улыбнувшись своей догадливости, прочел Ив Соич.— Нельзя допустить, чтобы из-за нашей или вашей небрежности осуществилась угроза. Представляете, какое это вызовет смятение в умах!»

Соич опустил письмо на пульт, задумался. Требование Кампа выглядит разумным. Но он не сможет выполнить его. Кампу неизвестно — Соич держит это пока в секрете, — что скорость проходки увеличена против проектной.

Нужная глубина будет достигнута не через два года, а на шесть месяцев раньше, то есть на днях. Может ли он, начальник Геологического центра, организатор и вдохновитель акватаунской эпопеи, покинуть объект в такое напряженное время? Еще несколько сот метров — и все акватаунцы поднимутся на поверхность — триумфаторы, покорившие подземную стихию. Тот, кто спустился сюда бедняком, поднимется достаточно богатым, на зависть тем, кого отборочная придирчивая комиссия, комплектовавшая Акватаун, забрала по каким-либо признакам. Тогда и Ив Соич вместе со всеми поднимется к солнцу и вольному воздуху. Ждать осталось недолго.

Пульт, на который облокотился Сонч, жил обычной своей беспоконной жизнью, каждую минуту требуя к себе внимания.

— Температура внизу ствола продолжает повышаться,— сообщила мембрана.

Сонч распорядился увеличить подачу жидкого гелия.

Шахтный ствол продолжал нагреваться.

— Невыносимо!— прохрипела мембрана. Сонч узнал голос старшего оператора.

— Включите вентиляторы.

— Они гонят раскаленный воздух. Мы остановим проходку.

— Не смей! Остался один взрыв, только один взрыв.

— Мы здесь погибнем.

— Я лишу вашу смену премии,— пригрозил Сонч.

— Можете забрать ее себе,— ответила мембрана.— Мы поднимаемся.

— Трусы! Я еду к вам,— закричал Ив Сонч и бросился к манипулятору, чтобы спуститься вниз. Но прежде он хлопнул ладонью по зеленой кнопке, расположенной в центре пульта, тем самым заклинив подъемный транспортер. Отныне ни одна душа не могла покинуть ствол шахты.

Манипулятор смерчем пронесся по пустынной улице Акватауна — те, кто был свободен от смены, отсыпались после адского труда. Позади вздымался ил, голубоватый в прожекторном луче.

Промелькнуло кладбище акульих зубов, конусовидный холм конкреций — глыб железомарганцевой руды, проплыла сопка с оторванной вершиной — подводный вулкан, погасший миллионы лет назад.

Вдали показались конструкции, подсвеченные снизу. Не сбавляя скорости, Сонч влетел в шлюзовую камеру.

По мере того как транспортер двигался вниз, температура в стволе шахты возрастала. Липкий пот заливал глаза.

Сонча ждали. Большая площадка в основании шахты была полна народу, гудела, как улей. Скучное освещение к краям площадки сходило на нет. Спрыгивая с ленты транспортера, Сонч вспомнил картины Дантова ада. Увидя Сонча, проходчики притихли. Физики, геологи, электронщики, термодержщики ждали, что скажет «Железный Ив».

Сонч вышел на середину, подошел к агрегату, щупальца которого сквозь толстые плиты защиты тянулись вниз, в глубину. Отсюда производились направленные взрывы, после чего автоматы наращивали новый участок ствола.

— Почему не работает подъемник? — выкрикнул кто-то из толпы.

— Я выключил,— спокойно ответил Сонч. Горячий воздух об-

жигал легкие, он казался плотным, почти осязаемым. Соич поднял руку — ропот утих. В наступившей тишине слышалось лишь, как захлебывается в трубах, пронизывающих стенки шахтного ствола, жидкий гелий.

— Через три, от силы четыре дня мы достигнем проектной глубины, — сказал Ив Соич, — и тогда ваша миссия закончена. Вы подниметесь богатыми людьми...

— Включите подъемник! — перебил чей-то голос.

— Я удваиваю премию! — сказал Соич. Фраза прозвучала гулко — воздух был насыщен испарениями и сильно резонировал.

— Шкура дороже, — отрезал оператор.

— По местам! — закричал Соич. — Готовить взрыв.

Он шагнул к агрегату, но на пути вырос оператор. Горячая волна захлестнула Соича. Теперь, когда до цели осталось полшага, когда осталось произвести один взрыв, один-единственный... Неужели дело всей его жизни пойдет насмарку?

Уже не отдавая отчета в своих действиях, Соич размахнулся — оператор схватил его за руку и сильно дернул. Соич выхватил из кармана лучемет и направил его в бледное, отшатнувшееся лицо. Затем перешагнул через тело оператора и подошел к масляно поблескивающей установке.

Люди послушно разошлись по местам.

Несколько умелых команд Соича — и агрегат ожил. Там, внизу, под толстыми плитами защиты, споро и привычно готовился направленный ядерный взрыв — последний взрыв.

Стенки шахты вибрировали. Кажется, физически ощущалось огромное давление, которое выдерживали кессоны.

Неожиданно пол шахты дрогнул, затрясся. Слишком рано — до взрыва еще добрый десяток минут. Ствол шахты ярко засветился, будто вобрав в себя пыл развороченных земных недр.

Дохнуло нестерпимым жаром. На площадке стало светло, как днем. Люди в ужасе закричали.

— Вот она, фиалка! — покрыл вопли чей-то возглас. Этот возглас — последнее, что зафиксировало сознание Ива Соича.

Гибель Акватауна и прибрежного поселка взбудоражили страну. Оппозиция докопалась, что задолго до трагических событий в редакцию самой влиятельной газеты пришло письмо, правда без подписи, в котором автор квалифицированно доказывал неустойчивость глубинной шахты, заложенной в Акватауне, на дне впадины.

Какая же сила заставила редактора спрятать письмо под сукно? Почему письму не был дан ход? Почему работы в Акватауне не только не были свернуты, но, наоборот, ускорены?

Оппозиция добилась расследования, результаты которого, од-

нако, не были преданы гласности, что породило массу слухов и толков.

— Вы слышали о письме, в котором гибель Акватауна была предсказана за год до того, как город погиб? — спросила как-то Рина у Иманта Ардониса. — Или это письмо — пустые рассказы?

— Такое письмо было.

— Вы знаете точно?

— Совершенно точно.

— Как же с ним не посчитались? — возмутилась Рина.

Имант пожал плечами.

— Пора привыкнуть к таким вещам, — сказал он.

— Каким вещам? Гибели тысяч людей, которую даже не пытались предотвратить?

— Вы ошибаетесь. Я уверен, все меры были приняты. Ствол шахты укрепили, как только могли. Но любое новое дело требует риска.

— Да зачем он, риск?

— Не рискнешь — не выиграешь.

— Возможно вы и правы, Имант, — согласилась Рина. — Я чего-то не понимаю. Чего-то очень важного.

— Я и сам когда-то думал так же, как вы, — сказал Ардонис. — Переболел, как корью, верой во всеобщую справедливость.

— Знаете, что самое ужасное, Имант?

— Что?

— Из Сонч и остальные акватаунцы погибли точно в срок, указанный в письме.

Вдова Гуго Ленца давно рассталась с коттеджем — он оказался ей не по карману. Рина снимала крохотный номер во второразрядном отеле. Она подумывала о том, чтобы вернуться к прежней специальности, но найти работу медика было непросто. Можно было обратиться к Оре Деран — Рина была уверена, что Ора ей не откажет. Однако Рина приберегала визит в клинику святого Варфоломея на самый крайний случай.

Из газет она покупала только «Шахматный вестник».

Из прежних знакомых виделась только с Имантом Ардонисом, и то изредка, раз и навсегда пресекши попытки к сближению. Их связывала, кажется, только память о Гуго. Они говорили о Ленце, как о живом, вспоминали его привычки, любимые словечки, шутки. Ардонис рассказывал Рине, как продвигается работа по расщеплению кварков.

Однажды, едва Имант ушел, в дверь Рины осторожно кто-то постучался. «Кошка», — решила Рина и толкнула дверную ручку.

Перед ней стояла знакомая приземистая фигура.

— Робин,— прошептала Рина.

Да, это был Роб — без нагрудного знака, помятый и какой-то увядший.

— Проходи,— сказала Рина и заперла дверь. Сердце ее заби-лось.

Робин еле двигался, словно в замедленной съемке.

«Энергия кончается»,— догадалась Рина.

— Мне осталось существовать тридцать минут,— подтвердил Роб ее догадку.

Рина знала, что с этим ничего не поделаешь.

Существуют шариковые ручки, которые выбрасывают, когда паста кончается: ручки сконструированы так, что зарядить их снова невозможно.

Собратьев Робина выпускали по тому же принципу. Делалось это для того, чтобы робот в своем развитии не превзошел определенного уровня. Правда, тратить свой запас энергии робот мог по-разному. В среднем запас был рассчитан на 70 лет.

Стоя перед ней, Роб как бы застывал. Теперь он чем-то напоминал Рине Будду, статую которого они видели когда-то с Гуго в музее.

— Робин, кто убил доктора Ленца? — негромко спросила Рина.

— Я знал, что ты это спросишь. Потому я здесь, хотя добираться сюда было трудно,— сказал Робин. Покачнувшись, он произнес: — Доктора Ленца никто не убивал.

— Никто? — переспросила Рина.

— Никто. Он сам убил себя.

— Не понимаю...

— Вот,— сказал Робин, протягивая Рине истрепанную записную книжку.— Она принадлежала доктору Ленцу. Посмотри. Потом я отвечу на твои вопросы. Только поспеши — у меня остается 20 минут.

Рина принялась лихорадочно листать страницы, исписанные знакомым почерком Гуго. Формулы... Идеи опытов... Отрывочные фразы...

«...Удивительный способ обуздания кварков. Проверю сегодня же. Если моя догадка правильна, на расщепление кварков требуется энергии вдесятеро меньше, чем до сих пор думали все, в том числе и мой дорогой Имант.

Попробую ночью, не хочу откладывать. Стоит, право, не послать ночь, чтобы увидеть, какую рожу скорчит утром Ардонис, моя правая рука, когда узнает результат».

Дальше следовало несколько строчек формул.

«Опыт крайне прост, никого не хочу пока посвящать в него. Тем более, что годится прежняя аппаратура. Рина спит... Решено, лечу...»

Рина припомнила далекую апрельскую ночь, когда, проснувшись, она не застала Гуго и ждала его, волнуясь, до рассвета, обураваемая тревожными мыслями. А потом, угадав приближение его орнитоптера, возвратилась в спальню, легла и притворилась спящей...

Так вот куда летал он! Неисправимый честолюбец, нетерпеливый, импульсивный Гуго.

В этом весь Гуго — опыты, научная истина были для него выше всего. Как эти записи не вяжутся с рассказами Иманта Ардониса о последних месяцах его совместной работы с Ленцем! Вообще-то Имант не очень любил распространяться на эту тему, но во время последней встречи с Риной обронил такую фразу:

— Гуго, до того как ушел из жизни, сумел кое-чего добиться.

— Да, Гуго очень много работал в последние дни,— подтвердила Рина.

— Я имею в виду другое,— сказал Имант. Помолчал и добавил: — Не знаю, чем Ленц прогневил автора письма, угрожавшего ему смертью в случае, если Гуго не выполнит его требования.

— Вы хотите сказать, что Гуго выполнил требования автора письма? — спросила Рина.

— Увы, даже перевыполнил,— вздохнул Имант.— Он столько напутал в последних экспериментах, или, говоря языком письма, так ловко зашвырнул ключи, что мы до сих пор и следа от них никак не отыщем.

Рина медленно опустила записную книжку.

Робин не шевелился.

— Ты все письма разослал? — спросила Рина.

— Нат.

— Почему?

— Энергия кончилась.

— Где остальные письма?

Вместо ответа Робин распахнул на груди дверцу, на пол упала толстая пачка писем. Рина наугад подняла одно. «Рине Ленц», — тихо повторила она адрес, четко отпечатанный на конверте.

Прочсть письмо, адресованное ей Гуго, Рина не успела — Робин с грохотом упал на пол. Это был конец.

Рина опустилась на стул, закрыла глаза.

Что пишет ей Гуго? Что требует от нее? Грозит ли смертью, как всем остальным «фиалочникам»? Но разве она в силах переделать этот несчастный мир?

Наконец, решившись, Рина вскрыла письмо. Ей показалось, что письму чего-то не достает. Фиалки в конверте не было! Она машинально потрясла пакет, но оттуда ничего не выпало. Письмо было

большим. Рина долго читала его, еще дольше перечитывала. Все, с чем она успела свыкнуться, рушилось. Трудно было осознать это, но нужно было действовать, действовать! Письмо, адресованное ей, Рина должна была получить еще не скоро — счастье, что у Робина так быстро иссякла энергия, и он вернулся к ней перед гибелью.

Спрятав письмо в сумочку, Рина решительно поднялась, перешагнула через распростертого Робина. Теперь она знала, что нужно делать. Прежде всего — как можно быстрее разыскать Иманта Ардониса. Когда они виделись? Да, Третьего дня... И Имант еще не успел... Не успел...

Последние мысли Рина додумывала уже на ходу. С того момента, как она приняла решение действовать, время необычно уплотнилось. Ей казалось, что и лента эскалатора еле ползет, и пассажиры движутся, как сонные мухи, и вагон подземки приклеился к перрону и никогда от него не оторвется... Наконец салон дрогнул, качнулся, и поезд принялся быстро набирать скорость. За стеклами замелькали убегающие назад сигнальные огни — вскоре они слились в несколько сплошных линий.

Рина поймала на себе внимательный взгляд. Она медленно повернула голову. У самого выхода сидел молодой человек. Перехватив ее взгляд, он поспешно уткнулся в газету. Да, это он вскочил вслед за ней на самую быструю ленту тротуара, бегущую мимо гостиницы, в которой жила Рина. Похоже, что это он, старательно отворачивая лицо, спешил за ней, когда Рина протискивалась в вагон. Молодчик из ведомства Арно Кампа. Ну и шут с ним — и с молодчиком, и с ведомством. Какое все это может иметь сейчас значение?

Поезд плавно покачивало на поворотах. Рина откинулась на спинку и закрыла глаза. По крайней мере пятнадцать минут можно спокойно подремать. Нет, какая уж тут дрема! В голове теснились фразы из последнего письма Гуго. И потом нужно обдумать предстоящий разговор с Имантом.

Покинув Ядерный центр, Имант Ардонис ожидал встретить кого угодно, только не Рину. Да, это она. Имант поспешно вынырнул из потока сотрудников и подошел к афишной тумбе, которую изучала Рина.

— Здравствуйте, Имант,— сказала Рина и взяла Ардониса под руку. Молодой человек с газетой, сложенной трубочкой, медленно двинулся за ними следом.

— Ради бога, придумайте что-нибудь, чтобы отвязаться от этого типа,— прошептала Рина, прижавшись к Иманту.— Хотя бы на несколько минут.

— Какого типа?

— Только не оборачивайтесь сразу. Он за нами идет, с газетой.

Болтая о пустяках, они вышли в городской сад и двинулись к площадке аттракционов. У панорамного колеса стояла очередь. Детишки толкались, весело кричали, перекликались. Пожилая билетерша — единственное живое существо в этом механическом царстве развлекательной техники, — пропустила их к освободившейся двухместной кабине.

Только пристегнувшись ремнем к сиденью, Рина вполне оценила идею Иманта: здесь по крайней мере они могли поговорить свободно.

Человек с газетой остался внизу — впрочем, он не спускал с них глаз.

Кабина поплыла кверху, из динамика полилась разухабистая музыка. Рина посмотрела вниз. Соглядатай, видимо, размышляя, что же делать дальше. Приняв решение, он спустился на садовую скамейку и развернул газету. В конце концов он не нарушил инструкцию: ему поручено не спускать глаз с вдовы Ленца, что он и выполняет неукоснительно. А то, что она решила немного пофлиртовать с этим сумрачным красавцем, бывшим заместителем Ленца.. Наверно, все женщины таковы.

Они успели подняться довольно высоко, когда молодой человек с газетой решил пойти в бар погреться. Перед ними раскинулась бесконечная панорама города-спрута, городе-левиафана, всепоглощающего мегаполиса, громоздящего в небо бесчисленные этажи зданий.

— Я получила письмо от Гуго, — произнесла Рина, коротко сказала о Робине и протянула Иманту пакет.

Пока Имант читал, Рина следила за выражением его лица. Имант читал жадно, залпом глотая страницы. Медленно вращающееся колесо успело сделать почти полный оборот. В воздухе висел ребячий гомон. Из соседней кабины, нависшей над ними, кто-то, шалая, бросил цветок. На колени Риной кружась упала огненная наsturция — хрупкий гонец осени.

Имант опустил руку с письмом.

— Спасибо, Рина, — произнес он, — за то, что верите мне.

— Я не опоздала?

— Не знаю, Рина. Еще не знаю. Лучше, если бы Робин пришел вчера.

— Неужели поздно?

— Сегодня утром были получены первые обнадеживающие результаты. Мы на подступах к тому, чего сумел достичь Гуго...

Они помолчали.

— Я давно подозревал, что Гуго удалось расщепить кварки, —

сказал Имант,— но у меня не было доказательств. И потом, все поведение гугенота... Простите! — смешался Имант.

— Гуго любил эту кличку. И мне она нравилась,— сказала Рина, вертя в пальцах настурцию.

Итак, в ту памятную ночь, когда произошел взрыв, Гуго Ленцу удалось расщепить кварки. Впервые в истории человечества был сделан шаг в глубины микромира, доселе неизвестные. Установка взорвалась, и Гуго, как это видно из письма, подвергся облучению. Но на него обрушились не обычные жесткие рентгеновские гамма-кванты, вызывающие лучезую болезнь. Медики научились бороться с нею. Это было, как догадался Ленц, нейтринное излучение. Как известно, современные физические приборы не улавливают нейтрино, мельчайшие частички, лишенные электрического заряда. Эти легчайшие частицы, названные нейтрино с легкой руки Энрико Ферми, пронизывают толщу земного шара так же легко, как луч света — тончайшую прозрачную пленку.

Чуткая Люсинда, с которой доктор Ленц общался много лет, неплохо изучила Гуго — от его умственного потенциала и до структуры нервных клеток. Потому Люсинда сумела решить необычную задачу, поставленную перед нею Ленцем. Используя вариационно-прогностические методы, она вычислила время жизни Ленца, определила отрезок времени, который остался Гуго после взрыва установки и нейтринного облучения. При этом, конечно, предполагалось, что Ленц не будет предпринимать никаких попыток к лечению и вообще будет вести себя, как лодка, отдавшаяся на волю волн.

«Я решил пожертвовать собой, чтобы спасти остальных. Поверь, Рина, я решился на это не очертя голову, а лишь после того, как пришел к выводу: нейтринное излучение, возникшее при расщеплении кварков, опасно, но убедить в этом мир невозможно. Кто мне поверит, если нейтринное излучение сейчас уловить так же невозможно, как поймать в ладони лунный свет? Предположим, что я все же выступлю и скажу, что кварки нельзя расщеплять, по крайней мере до тех пор, пока не будет найдена защита от нейтринного излучения. А что скажут фабриканты оружия, жаждущие заполучить новый вид излучения, чтобы сделать лучеметы в тысячу раз смертоносней? Да мне тут же заткнут рот, объявят сумасшедшим, упекут в клинику. Что у меня за козыри в этой игре? До тех пор, пока физики научатся ловить нейтрино, может пройти немало лет.

Нет, рано расщеплять кварки. Общество, в котором я живу, еще не созрело для этого. Наука слишком зашла вперед. Наше общество безумно — оно может само себя уничтожить, люди торопливо хватаются за одно, другое, третье,— не задумываясь о последст-

виях. Не знаю, как изменить общество. Я ученый, а не политик. Но все равно — в наше время преступно быть пассивным...»

— Мне казалось, что для Ленца на всем белом свете существовала только физика,— задумчиво сказал Ардонис.

— Вы плохо знали его, Имант. Гуго всю жизнь был человеком с большой совестью,— произнесла Рина.— Он не мог без горечи говорить о загубленных душах Хиросимы, о японских рыбаках, попавших под радиоактивный пепел... Но Гуго всегда считал, что не дело физиков ввязываться в политику.

Ардонис разгладил ладонью конверт.

— Вы уверены, Рина, что Ленц поступил правильно? — спросил он.

— На могу судить, но и осудить не в силах,— вздохнула Рина.— Но почему, почему он не открылся мне?

— Если бы Ленц открылся вам, случайно о его замысле могли узнать другие, и эффект свелся бы к нулю. Да и потом, разве могли бы вы сидеть, сложа руки, зная, что жизнь Гуго с каждым днем тает, как свеча?

— Не могла бы,— прощентала Рина.— Но остаток своей жизни я хочу посвятить делу, за которое погиб Гуго. Ни один человек не имеет права сидеть, сложа руки, и ждать, пока все полетит в тартарары.

Рина долго не решалась задать вопрос, мучивший ее. Наконец она спросила:

— Вы мне союзник, Имант?

— Союзник,— твердо ответил Ардонис.

— Я знала,— просто сказала Рина.— Но что же можно теперь сделать?

— Нужно, чтобы никто из физиков не сумел отыскать ключи, заброшенные Гуго Ленцем.

Рина бросила взгляд на Ардониса.

— А вам не жаль? — вырвалось у нее. Она понимала, чего стоила Ардонису эта фраза. Ардонису, для которого доселе не было ничего превыше научного честолюбия.

— Жаль,— ответил Имант, вцепившись в поручни так, что пальцы побелели. Помолчал и добавил: — У меня из головы не выходят слова Гуго о том, что цель науки — счастье людей. Иначе наука не нужна. Расщепленные кварки — это страшная сила, вырванная из плена. Это оружие, равного которому еще не знал человек. Но как употребит он это оружие? И если ученому это безразлично, то он не ученый, а наемный солдат, ландскнехт, которому неважно, в кого стрелять — лишь бы деньги платили.

— Послушайте, Имант. Если бы Гуго пришел к вам и сказал, что

кварки расщеплены, но тайна должна быть сохранена... Что Ленц облучился, но обнаружить излучение невозможно... Что эксперименты нужно прекратить, громогласно признать свою несостоятельность... Вы пошли бы на все это?

Ардонис покачал головой.

— Вы поверили бы Гуго? — спросила Рина.

— Нет. Я, пожалуй, решил бы, что доктор Ленц не в себе.

— И продолжали бы опыты?

— С утроенной энергией.

«Я мог бы прийти к Иманту и рассказать о моей безумно простой идее — столкновении встречных пучков — приведшей к роковому результату. Нейтринное облучение? Но медики подтвердят, что я здоров. Ардонис — такой человек, который верит только машинам, приборам и объективным данным. Ардонис — фанатик науки, фанатик физики. Понимаешь, Рина, я даже не мог сослаться на Люсинду: где гарантия, что меня не обвинили бы в подтасовке, в том, что я заранее напичкал счетную машину собственной программой?..»

— Я не все сказал вам, Рина, — произнес Ардонис. — Я ведь тоже получил фиалку.

— Вы?!

— Да.

— Давно?

— Незадолго до смерти Ленца.

— Что же от вас потребовал автор?

— Свернуть опыты. Уничтожить данные экспериментов. Направить армию физиков по неверному пути.

— И вы?..

— Я не из пугливых, — пожал плечами Ардонис.

— А какое время жизни отмерил вам... он? — запнулась Рина.

— Гуго оказался неплохим прогнозистом, — усмехнулся Ардонис, — он точно рассчитал, что если я не замедлю темпы, то решающий эксперимент смогу провести в середине августа. Так оно и вышло. Опыт прошел неудачно — без Гуго все у нас валялось из рук. Я был на волоске от гибели.

— И вы мне ничего не рассказали, — упрекнула Рина.

— Вам хватало и без меня, — махнул рукой Ардонис. — Между прочим, как это ни смешно, фиалка сослужила мне добрую службу: после того как я получил анонимку, полиция, кажется, сняла с меня подозрение в том, что я шантажирую Гуго Ленца.

— Гуго, Гуго... — тихо сказала Рина. — Я поняла: он просто не мог поступить иначе.

Имант повертел в руках конверт и произнес:

— Я долго не мог понять, куда запропастилось печатное уст-

ройство Люсинды. Теперь догадался: Гуго отпечатал на нем свои письма. А потом уничтожил это устройство. Видимо, бросил его в дезинтегратор.

Рина забрала письмо Гуго и спрятала его.

— Пора, — сказала она.

Они вышли из легкой кабинки на влажный асфальт, совершенно одеревеневшие от холода. За стеклом бара-автомата мелькнуло внимательное лицо.

Рина и Имант направились по аллее к выходу. Со всех сторон, нависая над маленьким зеленым оазисом, высились серые громады зданий, похожие на химеры. Кое-где, застилая соты окон, теснились облака, заблудившиеся в городских пространствах. Но над головой оставался клочок чистого неба, вечного сияющего неба, которое не могли закрыть самые высокие здания.

Имант думал о том, что Гуго Ленц умер не напрасно. Ценой своей жизни, история которой рано или поздно станет всеобщим достоянием, он приостановил лавину. А теперь дело его, Ардониса, принять эстафету.

И. А. ЕФРЕМОВ

КОСМОС И ПАЛЕОНТОЛОГИЯ

На пороге космической эры, в эпоху бурного и пока еще слабо организованного развития науки, многие ее отрасли подвергаются переоценке. Не избежала общей участи и палеонтология. С первого взгляда трудно уловить связь между дисциплиной, извлекающей из земных недр остатки жизни давно прошедших времен, и устремляющимися в бездны космоса науками о небе и превращениях материи во Вселенной.

Ощущение грандиозной перспективы человеческих стремлений к познанию и возможностей, открывающихся в космосе, предчувствие встреч с братьями по разуму, контрастирует с утратой последних тайн нашей родной планеты, самые отдаленные места которой вскоре могут быть достигнуты лишь за немногие часы полета.

Становясь более взрослыми космически, мы начинаем понимать те величайшие трудности, с какими предстоит сразиться, прежде чем уверенно ступить за порог космоса, став сначала на ближайшие планеты нашего Солнца, а затем и отправиться к другим звездным мирам.

Этот этап, вероятнее всего, станет осуществимым лишь после прекращения бессмысленных войн и гонки вооружений, после объединения человечества в одну дружную семью на планете, уже небольшой при современных средствах передвижения и связи.

Какому искателю знания, не говоря уже о нас, палеонтологам и геологам, не хочется помечтать о тех интереснейших последствиях, какие отразятся на всех разделах науки, философии и индивидуального миропонимания после осуществления палеонтологических раскопок на Марсе, Венере или, скажем, на планете 61 Лебедя!

Даже если планеты окажутся необитаемыми, то, может быть, пласты горных пород на их поверхности сохраняют остатки когда-то бывшей и исчезнувшей жизни. Мы прочтем ее трагическую историю, заставив омертвеленный мир раскрыть катастрофу, стершую живую материю с планеты.

На обитаемых, но не населенных разумными существами планетах мы, изучив древние окаменелости в ее недрах, сможем понять причину, по которой мысль не вспыхнула в этой точке пространства, и яснее представить себе закономерности ее возникновения из неживой материи.

Что касается миров, где разум создал уже цивилизации одного с нами уровня или даже более высокие, то их обитатели, без сомнения, сами проникли в глубь своей предыстории и при контакте с нами покажут весь путь исторического развития жизни, приведшей к возникновению интеллекта, познающего природу и себя и открывающего законы, ведущие Вселенную сквозь время.

Есть возможность, что мы увидим эту историю раньше, чем сами начнем раскопки на планетах других звездных светил. В своем фантастическом романе «Туманность Андромеды» я высказал предположение о развитии коммуникаций с другими мирами путем передачи изображений от одной населенной планеты к другой в «Великом Кольце» разумного общения. Позднее эту же точку зрения выразил Фред Хойл в своих популярных лекциях «О людях и галактиках» в 1964 году.

Коммуникации с помощью волновых колебаний, движущихся со скоростью света, осуществить безусловно легче, чем звездолетам выйти в бездны космического пространства, поэтому мне кажется, что мы сначала именно так встретимся с братьями по разуму.

Однако существуют ли они, эти братья? Каковы вообще могут

быть жизненные формы не только на планетах отдаленных звезд, но и на соседях Земли по Солнечной системе? Не окажутся ли эти виды жизни настолько непохожими на наши, земные, что даже если они будут разумны, мы никогда не найдем и тем более не поймем друг друга?

Традицией, установившейся в науке первой половины нашего века, когда появился серьезный интерес к экзобиологии (т. е. биологии внеземной), был негативный ответ на все три вопроса. Тысячелетия антропоцентризма еще слишком глубоко пронизывали подсознательную сторону научного мышления, чтобы человек мог осознать сущность бесконечности пространства и времени и понять, что, признавая невообразимую глубину материального космоса, нельзя не допустить существования бесчисленных центров жизни.

Астрономам, подобно Д. Джинсу, утверждавшим, что появление планетной системы у звезды представляет собой редчайший случай, вторили биологи и палеонтологи, которые, как, например, Дж. Симпсон, считали появление жизни на любой планете, тем более жизни разумной, из ряда вон выходящей случайностью, вероятность повторения которой практически равна нулю.

Небывалый подъем научных исследований в 50-х и 60-х годах нашего века существенно изменил прежние представления. Чтобы избежать подробностей, могущих нас отвлечь от стержневой темы, скажу лишь, что самым, пожалуй, главным в современной науке является убедительно доказанная величайшая сложность мира и происходящих в нем явлений. То, о чем в начале века говорили лишь философы-диалектики и прежде всего В. И. Ленин, теперь стало зримо каждому любознательному человеку. К тому же пришло понимание диалектического хода природных процессов — противоположных причин, приводящих к одинаковым следствиям. Однолинейная логика рассуждений сторонников уникальности жизни и человека как ее высшей мыслящей формы опрокинута лавиной новых открытий.

Мировоззренчески уникальность земной органической эволюции порождала печальное чувство беспредельного космического одиночества и (если оставаться последовательным материалистом) бессмысленности существования жизни. Как всегда бывает при недостаточной зрелости концепции, она смыкалась с религиозным антропоцентризмом, рассматривающим человека как единственное в мире порождение божественной мысли.

Первый основательный удар концепциям уникальности нанесла еще в прошлом веке астрофизика, неоспоримо доказавшая, что вселенная повсеместно, даже в самых отдаленных, едва достижимых для наших приборов участках пространства, состоит из девятико-

ста двух основных кирпичей-элементов. Количественное отношение этих «кирпичей» показывает колоссальное преобладание одних элементов, таких, как водород, гелий, кислород, кремний, железо, и поразительно малую роль других. Мы еще не объяснили причины этого явления и лишь догадываемся, что эти элементы как формы существования материи являются универсально устойчивыми в наиболее часто встречающихся фазовых условиях. По-видимому, распределение и элементарный состав гигантских скоплений вещества в космосе не случайны.

Даже рассуждая априорно, девяносто два элемента Вселенной ограничивают набор возможных альтернатив в энергетике и временной протяженности живого вещества. На самом деле, жизни приходится выбирать не из девяноста двух, а из гораздо меньшего количества элементов, не больше десятка. Поэтому главные ступени, восходящие к высоко организованной жизненной форме, неизбежно должны быть жестко сужены. Это обстоятельство, лимитируя химические основы жизни, как будто препятствует частоте ее повторения. Это могло бы быть, если бы жизнь, наблюдаемая нами на родной планете, не использовала бы химически как раз наиболее распространенные элементы космоса. Весь круговорот жизни ограничен кругом элементов, составляющих более 99% вещества Вселенной.

Дальнейшие успехи астрофизики опровергли уникальность Солнечной системы и показали, что планеты у звезд не так уж редки, а в аспекте бесконечности их число во Вселенной может быть чрезвычайно велико. Выявились закономерности в составе планетных атмосфер и их изменения во времени.

По-видимому, первичные атмосферы планет состояли из толстой оболочки легких газов и походили на атмосферы, наблюдаемые у больших планет Солнечной системы — Юпитера, Сатурна, Урана и Нептуна. Утечка водорода, метана и аммиака в космическое пространство под действием лучевого давления и солнечного нагрева в конце концов, как это было на Земле, позволило солнечной радиации проникнуть в воды океана и на поверхность планеты, создавая условия для фотосинтеза и затем — для накопления свободного кислорода. В то же время первичная метаново-аммиачная атмосфера, насыщенная электричеством, при разрядах молний могла продуцировать аминокислоты — эти первичные молекулы жизни. По другим взглядам, на заре существования земной атмосферы она имела значительное содержание цианистого водорода, также способствовавшего частому возникновению протоорганических соединений. Дальнейшая эволюция атмосферы под влиянием развития растительной жизни — это накопление свободного кислорода вместе с утоньшением воздушной оболочки.

Таким образом, суммирование данных геофизики и астрофизики позволило говорить о некоем едином первоначальном типе планетных атмосфер, ничем не мешающем возникновению жизни.

Уточненные данные о возрасте нашей планеты значительно увеличили прежние цифры. Есть основания считать, что возраст пород, слагающих древнейшие материковые щиты, порядка 5—6 миллиардов лет. После этого неудивительным было открытие в древних осадочных породах материковых щитов, в частности южноафриканского, явственных остатков жизни, имеющих возраст около 2,5 миллиарда лет. Нет сомнения, что первичное появление начальных форм жизни совершилось еще раньше.

Чудовищная продолжительность первичных этапов развития жизни на Земле позволяет понять, как могло возникнуть то паразитическое усложнение органических структур, которое необходимо для существования даже простейших организмов. Вместе с тем древность жизни свидетельствует о несокрушимой устойчивости процесса во времени и столь же неуклонной его направленности на усложнение и усовершенствование биологических механизмов.

Еще одно из важнейших открытий второй половины века — кибернетика вместе с теорией информации — сокрушило последние крепости антропоцентрического мышления.

Даже первые попытки создания саморегулирующихся и самоусовершенствующихся систем позволили представить историческое развитие наиболее сложных животных форм. Вычислительные машины — компьютеры — приблизили нас к пониманию действия мозга и накопления в нем индивидуальной информации, а также впервые дали законченно материалистическое объяснение инстинктам и рефлексам как информации, накопленной в течение исторического развития и закрепленной в наследственных механизмах. Вне всякого сомнения, во Вселенной действуют одни и те же законы нервной деятельности, по которым идет накопление информации и компьютерное действие мозга.

Фред Хойл обратил внимание на тот немаловажный факт, что вся информация, необходимая для построения такого наисложнейшего существа, как человек, собрана в единственной клетке объемом немного больше 15 кубических микронов, состоящей почти целиком из ядра (ДНК), какой является сперматозоид. Очевидно, если «упаковка» и сохранение этой информации достигли такого совершенства, то трудно допустить возможность систем, значительно более совершенных химически. Ясно, что мы имеем дело с одним из лучших достижений эволюции, несомненно использованным в главном потоке жизни во Вселенной. Поэтому, уверенно заключает Хойл, формы жизни на других планетах близки к земным.

Новейшие открытия точных наук и их применение в биологии подводят нас к представлению о жизни как неизбежной стадии развития материи везде, где для этого существуют подходящие условия и прежде всего достаточная длительность и постоянство этих условий. Великое множество планет во Вселенной подразумевает возможность обилия населенных миров, а то, что мы узнали о механизмах регуляции и управления, заставляет думать, что появление мысли, разумных существ есть также неизбежное следствие длительного развития материи.

Теперь посмотрим, что скажет нам палеонтология, то есть фактическая документация пути исторического развития земной жизни, на отрезке полумиллиарда лет от древнейших достоверных остатков до наших дней.

Подобно истории человеческого общества, основывающейся на письменных документах, предметах труда, быта и материальной культуры, первые окаменелые останки, могущие послужить для расшифровки строения древних организмов, принадлежат уже весьма сложным животным или растениям, вполне приспособленным к окружающей среде. Без всякого сомнения, это лишь вершина айсберга, выступающего над водой. «Под водой» в этом случае — еще не менее двух миллиардов лет, в течение которых образовались все главные группы животных и растения, вероятно, уже начинали осваивать сушу.

Гигантские пробелы в геологической летописи Земли существенно ограничивают наши возможности в изучении первых этапов завоевания суши как растениями, так и животными.

Тем не менее сумма палеонтологических данных дает нам неопровержимую общую картину постепенного усложнения и совершенствования растительных и животных форм по мере хода геологического времени. Лестница этого восхождения непрерывна и последовательна, несмотря на вымирание одних групп, расцвет других или угнетенное, скрытное существование третьих.

Вместе с тем характер палеонтологической документации таков, что еще в недавнее время порождал представление о прерывистом, скачкообразном развитии жизни, о периодах расцвета, сменявшегося повсеместными катастрофами и массовыми вымираниями. Подобная картина возникала из-за непонимания особенностей хода эволюционного процесса. Приспособление к условиям существования путем естественного отбора мелких мутаций позволяло отдельным видам животных или растений процветать и обильно размножаться. В результате область, или, точнее, та совокупность внешних условий обитания, которую биологи называют экологической нишей, заселялась все плотнее и плотнее, пока эта плотность не достигала

критической точки. «Ниша» — меткое название, подразумевающее ограниченность места, вовсе не обязательно географическую, но гораздо чаще чисто биологическую. За пределами ниши не было ни пищи, ни других жизненно важных условий для вида, приспособленного именно к этой области. Неограниченное размножение в результате успешного приспособления вызывало голод или эпизоотию и массовую гибель процветающего вида. Подобную же массовую гибель вызывало и небольшое изменение режима внешней среды, к которому узко приспособленные виды с большой численностью особей очень чувствительны.

Массовая смертность обуславливала образование больших скоплений остатков, заставляя нас воображать чудовищные катастрофы. Ввиду общей пространственной разорванности палеонтологической документации частные случаи казались распространенными чуть ли не по всему земному шару. На самом деле эти случаи нисколько не отражались на других видах, кроме связанных кормовой базой с гибнущими, и вовсе не означали серьезных потрясений нашей планеты.

Более того, неуклонное восхождение исторического развития от низших форм к высшим (считая высшими более сложные и более универсальные) вне всякого сомнения доказывает чрезвычайно длительную устойчивость среды обитания на поверхности нашей планеты, отражающую постоянство радиации Солнца и спокойное состояние вещества в недрах Земли. Особенно очевидно это для наземных организмов, не защищенных водой. Чтобы пройти путь от первичных рыбообразных позвоночных до высших млекопитающих, потребовалось около 400 миллионов лет. За этот громадный промежуток времени наше светило ни разу не подвело наземную жизнь. Равным образом те триллионы километров, которые проделала наша Земля вместе со всей Солнечной системой через пространства Галактики, не привели ни к каким губительным встречам. Хрупкие, чрезвычайно чувствительные в космических масштабах индикаторы — наземные животные и растения неоспоримо говорят об этом, подтверждая, что звезды типа нашего Солнца и системы, подобные Солнечной, обладают стабильностью, исчисляющейся миллиардами лет, то есть допускают развитие высших форм жизни.

Вторым очень существенным фактом, наблюдаемым во всей великой истории жизни, является та направленность ее развития, о которой я говорил ранее. Эволюция не идет в любом случайном направлении, а приспособительная радиация на каждом уровне геологического времени расходится лишь в определенных пределах. Всякое существенное усовершенствование организмов вызывает новую «вспышку» образования видов или приспособительную радиа-

цию, во время которой прежние «экологические ниши» заселяются новыми видами, лучше организованными, чем прежние, уничтожаемые естественным отбором. Однако количество этих ниш на поверхности Земли ограничено. В результате проявляется конвергенция, то есть принятие разными организмами похожей формы, образа жизни, питания и поведения. От сходной формы раковин у разных групп морских беспозвоночных, подобных друг другу, но разделенных сотнями миллионов лет существования, свободно плавающих колоний граптолитов и сифонофор, от похожих форм трилобитов и мечехвостов, поднявшись выше по лестнице жизни, мы находим моллюсков, подобных, например, спрутам, у которых появляется подобие черепа для хорошо развитого на этом архаическом уровне мозга и бинокулярное зрение огромных глаз. Всякий, кто смотрел в глаза крупного спрута, поражался человекоподобию его упорного и мрачного взгляда, без характерного для высшего животного эмоционального выражения.

Общезвестны ихтиозавры — морские пресмыкающиеся, чрезвычайно похожие на дельфинов, появившихся на полтора миллиона лет позже. Но мало кто знает, что аналогичные змеям формы земноводных существовали уже в каменноугольных лесах около 300 миллионов лет назад, а крокодилообразные земноводные имеют еще более почтенный возраст. С тех пор внешний облик крокодилов принимали неоднократно в разные геологические эпохи различные группы пресмыкающихся. Современные крокодилы — это довольно высокоорганизованные животные с почти четырехкамерным сердцем, сложной системой терморегуляции и глазами, которые адаптируются как к дневному, так и к ночному освещению.

Чем выше по лестнице исторического развития жизни поднимаемся мы, приближаясь к нашему времени, тем чаще и глубже конвергенция. Можно упомянуть об ископаемых млекопитающих Южной Америки, разобщенной со странами Евразии и Африки, и тем не менее похожих на главные формы млекопитающих стран так называемого Старого Света. Южноамериканские копытные, принадлежащие к совершенно особым древним группам, дали похожие на животных Старого Света верблюдообразные, кабанобразные, лошадеобразные, даже хоботные формы. Лошадеподобные литоптерны по строению ног («однопалости») ушли дальше лошадей, но отстали в отношении совершенства зубной системы.

Самым поразительным животным Южной Америки, жившим в очень позднее геологическое время, является тилакосмилус, повторивший во всех чертах строения саблезуба смилодона, но принадлежащий к совершенно иному, низшему подклассу млекопитающих — сумчатым. Сумчатые Австралии тоже повторяют главные

группы высших млекопитающих — плацентарных Старого Света — грызунов, волков, тигров, медведей.

Приспособления, отличающие целые классы и подклассы у более поздних животных, возникали как отдельные признаки очень давно и у самых отдаленных и несходных групп. Так, например, скорпионы имеют в основании своих конечностей особые камеры, где зародыши прикреплены к плацентоподобному образованию, отличающему самых высших млекопитающих — плацентарных. Это высокая степень охраны эмбрионов.

Я упомянул уже, что двуглазое (бинокулярное) зрение, отличающее человека, появляется даже у моллюсков (осьминогов), а затем и у целого ряда пресмыкающихся, птиц, не говоря уже о многих млекопитающих.

Постоянство температуры тела, по всем данным, появилось у пресмыкающихся около полутораста миллионов лет назад. Но в том или ином виде высокая энергетика теплокровного организма есть у некоторых рыб, типа меч-рыбы или парусника, то есть возникает как частный случай у еще очень примитивных животных. Молоко как средство выкармливания детенышей известно у некоторых птиц и даже рыб, не говоря уже о самых древних яйцекладущих млекопитающих типа утконоса.

Наконец, недавние исследования показали, что объем и сложные извилины мозга, превосходящие таковые у человека, есть у китообразных и появились примерно на 15 миллионов лет раньше.

Я привожу лишь несколько наглядных примеров, общее число которых громадно. Остается сказать хотя бы об одной наиболее типичной конвергенции наземных растений: облик дерева с ветвями и органами фотосинтеза появляется уже с первых этапов развития крупных наземных форм. Каменноугольные сигиллярии внешне уже очень похожи на современные деревья, хотя, по существу, они гораздо ближе к плауновым, например современному мохообразному ликоподию. Даже пневматофоры или дыхательные выросты корней сигиллярий, по существу, ничем не отличаются от современных болотных кипарисов или других деревьев, растущих в заливаемых морем прибрежных мангровых лесах, то есть в такой же обстановке, в какой обитали 300 и более миллионов лет назад сигиллярии.

На протяжении сотен миллионов лет истории жизни и растения и животные становятся наделенными не только похожими чертами внешнего облика механики скелета или мышечнодвигательной системы. Еще ближе сходство органов чувств, нервной и гормональной регуляции. В похожих условиях обитания вырабатываются и одинаковые черты поведения. Эти аналогичные конструктивные ре-

шения показывают, что эволюция, так сказать, ставит перед организмами одни и те же задачи, а следовательно, имеет направленность. По существу, в этом нет ничего удивительного, ибо главные условия внешней среды, к которым приспосаблиются организмы, условия поверхности нашей планеты и общие закономерности жизни просуществовали, как мы говорили, более миллиарда лет.

Энергетические уровни биологических машин-организмов жестко лимитированы. Для каждой ступени повышения энергетики живых существ требуется немало миллионов лет. Энергозапасы, скажем, в печени пресмыкающегося примерно в 50 раз меньше, чем у высшего млекопитающего. Поэтому длительность бега по суше у крокодила просто несоизмерима с многочасовым бегом волка, льва, копытного. Высокая энергетика, естественно, имеет обратную сторону — резко повышается потребность в пище, укорачивается продолжительность жизни, обостряется напряжение пищевых цепей (баланс пары: хищник — жертва), требуются расширение и интенсификация кормовой базы. Все это как бы огораживает жизнь неодолимыми стенами необходимости, направляющим коридором естественного отбора. Из него только один выход — дальнейшее усовершенствование организма, в одну только сторону — большей независимости от внешней среды. Частная адаптация в истории жизни на Земле — это лишь только временный успех, за которым идет расплата — массовая гибель, позднее — вымирание, при перенаселении экологической ниши, исчерпании узкой кормовой базы или изменении условий обитания. В полном соответствии с описанным ходом исторического развития мы наблюдаем в палеонтологических захоронениях двоякого рода группы животных. Одни, составляющие главную массу остатков в том или другом слое, принадлежат к подчас причудливо приспособленным, но немногим видам, однозначным по уровню эволюционного развития. Другие, гораздо более редкие, отличаются внешне весьма мало, с как бы стандартным обликом, скрывающим высоту организации, большую, чем у одновременных с ними видов, богатых численностью особей.

Этот давно известный характер палеонтологической документации заставил исследователей предположить, что существуют два пути исторического развития жизни (эволюционного прогресса): адаптация, приспособление к местным и временным, частным условиям жизни и общее усовершенствование организма — его усложнение, универсализация действия, повышение энергетики и защищенности от влияния внешней среды. Из этих двух дорог эволюции одна — адаптивная радиация — постоянно заводит группы животных в тупики, а другая, названная путем ароморфоза, или ортогенеза, есть непрерывное восхождение к совершенству организма.

Нетрудно видеть, что на самом деле оба «пути» — лишь две стороны одного и того же диалектического процесса, в котором великая необходимость совершенствования организма проявляется через сумму случайных адаптаций. Слепая сила естественного отбора становится «зрячей» в том смысле, что получает направленность, непрерывно действующую в течение всей огромной длительности органической эволюции на Земле.

Необходимость исторического развития заключается в приобретении наибольшей независимости от внешней среды — того самого гомеостазиса, без которого не может быть накопления и хранения информации, абсолютно необходимой для выживания. Чем «прочнее» и длительнее гомеостазис в индивидуальном существовании, тем больше информации накапливается в индивиде, тем более он универсален, пригоден для жизни в разных условиях, тем менее он зависит от узких экологических ниш. Совершенно очевидно, что, кроме общей защищенности организма от потери влаги, изменений температуры и давления, солнечной радиации и т. п., помимо способности преодолевать чисто механические препятствия, универсальная форма животного должна еще обладать умением разыскивать и распознавать пищу в ее разных видах и условиях среды, а для этого — запоминать множество данных. Универсальность (зврибионтность) неминуемо требует развития куда более многосторонних качеств, чем для частного приспособления к узкой нише и прежде всего — достаточной мускульной силы, запасов энергии внутри организма, мощных органов чувств и механизмов управления, то есть нервно-гормональной системы. Следовательно, требуется возникновение большого мозга, который в неизбежном противоречии требует повышенной энергетики, поскольку его деятельность немыслима без усиленного питания. С этим его свойством знакомы теперь не только специалисты, но и широкие круги населения — речь идет о тех четырех минутах, которые составляют интервал от клинической до необратимой смерти человека.

Сказанное не представляет собой чего-либо нового, но в применении к историческому развитию жизни делает понятным и обязательное появление интеллекта у высших форм и ту упорную борьбу за независимость от среды обитания, какую вели неисчислимые поколения растений и животных, прошедшие за миллиарды лет по поверхности нашей планеты.

И еще одно: никакой скороспелой разумной жизни в низших формах вроде плесени, тем более — мыслящего океана быть не может. Это, впрочем, знали еще 2 тысячи лет назад. «Нет разума для несобранного!» — восклицает индийский поэт-философ в Бхагават-Гите. — И нет для несобранного творческой мысли...»

Чтобы осмысливать мир, надо уметь видеть и запоминать все его неисчерпаемое разнообразие и, мало того,— еще пользоваться его законами для борьбы за жизнь. Крупный мозг у животных возник не раз в истории Земли, но все такие случаи были преждевременны, потому что организмы еще не поднялись на нужный уровень гомеостаза и энергетики, как, например, спрут, о котором я уже упоминал. В других случаях большой мозг, даже больший, чем у человека, возник у дельфинов и других китообразных тогда, когда полное приспособление их организмов к воде исключило переход в другую среду. Невозможным стало и создание искусственной среды без наличия способности изготовлять орудия. Только человек сам облагчил себе окружающие условия, расширил кормовую базу с помощью огня и создания разумных запасов и тем смог освободиться от внешней среды настолько, чтобы наблюдать, осмысливать и подчинять себе мир своей планеты. Тем самым он стал на пороге высшей свободы человеческого общества, которое должно окончательно сбросить гнет среды, лежащий на живой клетке, наверное, уже 2—3 миллиарда лет с момента зарождения протожизни.

Человек не характерен никаким особым приспособлением к какой-либо узкой экологической нише, и в этом одно из самых поразительных его свойств. Жизненная форма человека столь же примитивна, как и у его отдаленных предков, и уходит на сотни миллионов лет в глубь геологического времени. Внешняя архаичность совмещается с высоким уровнем физиологической организации, энергетики и гомеостаза, способным к несению огромной нагрузки — мозга. Чем выше уровень организации жизни, тем более конвергентны ее формы, и человек не только не исключение, но наиболее конвергентен. С увеличением палеонтологических данных «корни» человека уходят все глубже. Сейчас нам известны уже пользовавшиеся орудиями пралюди (австралопитеки) из слоев возрастом в два с половиной миллиона лет. Подобные же формы появлялись в разных отдаленных местах земного шара, конвергировали и, вероятно, скрещивались в пограничных областях обитания, т. е. нигде не образовывали специализированных видов, а лишь подвиды как дальнейшие ступени развития мозга и труда. Без сомнения, в дальнейшем будут найдены еще многие, так сказать, сопутствующие формы человекообразных вроде огромных гигантопитеков, мегантропов и т. п.

Как бы то ни было, путь от прачеловека до настоящих людей не был коротким и отражал ту же общую закономерность: чем совершеннее развитие высшей нервной деятельности, тем меньше «разброс» жизненных форм, тем больше их сходство.

Если окинуть взглядом все многообразие растительного и животного мира нашей планеты как вымершего, так и ныне живущего, то придется признать, что на поверхности одной единственной планеты, в одних и тех же фазовых условиях внешней среды развились практически все мыслимые формы, заполнившие все пригодные для жизни экологические ниши и области обитания (биотопы). Не утомляя читателя перечислением, упомяну лишь о наглядных отклонениях: таящихся в глубинах океана погонофорах — особенных животных, приспособившихся переваривать пищу между щупальцами; о животных и растениях высших степеней симметрии — шаровидных многолучевых, пятилучевых; морских лилиях, повторяющих форму растений, но снабженных покровными известковыми пластинками и щупальцами, иными словами, животных, настолько отличных от основной массы обитателей Земли, что они вполне могли бы появиться на другой планете.

Обличья колониальных животных — кораллов, мшанок, сифонофор — для нас столь же странны, как и чудовищно-механическая организация членистоногих. Чем совершеннее становятся методы исследования, тем сложнее оказываются приспособления и соотношения животных и растений с окружающей средой. Звуколокации у летучих мышей и дельфинов, электролокации у рыб; ориентировки — гравитационные у мечехвостов, кориюлисовой силой у птиц или поляризованным светом у насекомых — все это лишь случайно взятые примеры. Наконец, припомним, что столь сложные животные, как насекомые, отделенные миллионами веков развития от колониальных кораллов и граптолитов, снова становятся коллективным организмом на иной, высшей ступени эволюционного развития. Интегральные части этого организма уже не неподвижные элементы целого, а якобы свободные индивиды, связанные в единый организм неуклонно действующим инстинктом и химическими способами управления. Таковы пчелы, муравьи или насекомые другого рода, которых часто смешивают с муравьями, — термиты.

В общем история органического мира Земли показывает очень примечательную особенность — чрезвычайное разнообразие низших форм, превосходящее наше представление о возможных формах жизни на других планетах и резко контрастирующее с ним подобие высших форм животных, с повторением однотипных конвергенций. Если сравнить лестницу эволюции жизни с ленинской спиралью развития, какой, по существу, она и является, то спираль будет широкой в основании и очень узкой в вершине. Размахи витков ее по мере хода времени становятся все меньше, и спираль скручивается теснее. Не отражена ли здесь некая общая закономерность развития вселенной — борьбы с энтропией в замкнутых системах? И не

может ли энтропия в этом смысле играть активную роль в развитии мира, еще не понятую нами?

Не подлежит сомнению, что общие законы, действовавшие и действующие в процессе исторического развития жизни на Земле, те же самые, как на планетах и Солнечной системы и отдаленных звезд. Если принять с очень большой долей вероятности, что белково-кислородно-водная жизнь наиболее распространена во Вселенной, то мы должны изучать нашу планету как гигантскую лабораторию эволюции жизни на пути ее самоусовершенствования. Фактические наблюдения в этой лаборатории, то есть изучение палеонтологических документов и их сопряжение с биологией ныне живущих форм, позволят нам понять и даже предсказать ход развития жизни в иных мирах, на что палеонтология как наука, обладающая фактической исторической документацией, имеет право прежде всех других наук.

Ныне начинается новый этап палеонтологии — благодаря успехам физических наук и кибернетики, обратная связь организмов со средой и формирующая роль условий обитания уже не являются для нас загадкой и ортогенетический характер эволюции более не пугает нас мнимым признанием неких особых сил. Более того, с полным основанием мы можем рассматривать палеонтологию как ключ будущего, открывающий понимание причинных связей в строении живых существ, а следовательно, и проблемы сохранения диалектического равновесия в биологии организмов и вообще всей живой природы. Что было отброшено, утрачено и что осталось, прошло испытания миллионов веков, прежде чем получился человек с его мозгом, в котором мы находим все большее число нервных клеток и все более сложную структуру? Последние подсчеты намного превышают недавнюю цифру в 10 миллиардов и заставляют предполагать, что один лишь мозжечок, не участвующий непосредственно в мышлении, а управляющий центральной нервной системой, обладает несколькими десятками миллиардов нервных клеток. Последний известный нам в истории виток спирали развития жизни оказывается очень туго скрученным, и есть все основания полагать, что такое же строение имеют все мыслящие существа во Вселенной.

Отсюда еще один, последний, вывод. Немалое число исследователей полагают, что у нас нет надежды понять разумных обитателей других планет.

Как можем мы общаться с ними, спрашивают скептики, когда мы еще не открыли верных путей коммуникации друг с другом на нашей собственной планете? Скептицизм этот отражает распространенную сейчас на Западе теорию «некоммуникативности» общества и отдельных индивидов, забывая, что это явление социальное, а

вовсе не обязано биологическим особенностям строения человека. Коммуникация с разумным существом любой планеты, прошедшим неизбежный путь исторического развития и получившим мозг, построенный по тем же самым законам для решения аналогичных проблем, конечно, возможна, как возможно и понимание, если не эмоционально-социальное на первых порах, то во всяком случае в области технико-информационной.

Уверенность в этом дает великая конвергенция и закономерность появления интеллекта из первоначального хаоса многообразных форм жизни Земли.

Итак, палеонтология — наука, погруженная, казалось бы, в недра планеты, — служит окном в космос, черва которых мы научимся видеть закономерности историй жизни и появления мыслящих существ. Следует сказать, что в настоящее время палеонтология вследствие явной недооценки ее значения, равно как и сравнительная морфология современных животных, пользуется, к сожалению, очень малым почетом.

Неизученных уголков на поверхности Земного шара почти не осталось, открыты почти все виды животных и растений, и многие из них уже истреблены. Мир не обещает в этом отношении новых открытий будущим поколениям биологов — им надо углубляться в тайны молекулярной биологии и генетики. Но в недрах планеты интереснейший и загадочный мир вымершей жизни еще ждет своих открывателей — великое множество странных и удивительных форм, изучая которые, мы не только глубже понимаем самих себя, но и прозреваем пока недоступные дали других обитаемых миров и предугадываем будущие явления экстраполяцией земных процессов возникновения и развития жизни.

АЛЕКСАНДР КАЗАНЦЕВ **ИЗ КОСМОСА В ПРОШЛОЕ**

Размышления фантаста

В своих размышлениях я вовсе не собираюсь что-либо доказать, кого-нибудь опровергать. Я расскажу лишь, как рождаются фантазии. Не больше!

Однажды в сопровождении работников АПН ко мне приехал швейцарский археолог Эрих фон Дёникен. Это был невысокий подвижный человек, полный энергии и оптимизма. Он прилетел в Москву прямо из Южной Америки, где побывал во множестве интересных мест. Он был увлечен сбором доказательств в пользу того, что не только Земля населена разумными существами и что

в далекой древности наша планета посещалась высокоразвитыми пришельцами из космоса.

Швейцарский археолог написал книгу «Воспоминание о будущем». впоследствии продолжив ее книгой «Назад к звездам». (Отрывки из этих книг печатались у нас в журнале «За рубежом».)

Энтузиасту посещения Земли инопланетянами нелегко было свести концы с концами и в отношении доказательств, и в отношении денежных средств. Заняв на свои путешествия значительные суммы, он не смог вовремя отдать их и угодил в долговую тюрьму, откуда не сразу выбрался, несмотря на то, что обе его книги стали бестселлерами и по ним поставлен в ФРГ полнометражный фильм «Воспоминание о будущем».

Книги можно критиковать за излишнюю увлеченность автора, но главное, пожалуй, в них то, что они заставляют читателей задуматься.

И пусть далеко не все, что описано в книгах, может быть признано наукой за достоверные следы инопланетных посещений, однако привлечение внимания к этому вопросу само по себе важно.

Фантастика фантастике — рознь. Можно фантазировать, ни с чем не считаясь, не считаясь даже с законами природы. В литературном произведении может найти себе место и такой подход, не ставящий целью убедить читателя в достоверности описанного. Но и в литературном произведении можно быть строгим, опираясь только на подлинные факты и ограничивая свое воображение, стремясь помочь науке сделать правильный вывод из сегодняшней мечты. Как мне кажется, в таких случаях впечатление от научно-фактической литературы, от ее достоверности бывает наибольшим. Карл Маркс говорил, что «воображение — это великий дар, много содействовавший развитию человечества». Однако при этом стоит вспомнить слова Салтыкова-Щедрина: «Ничем не ограниченное воображение создает мнимую действительность».

Так можно ли сегодня вообразить, читая научную фантастику, что инопланетные гости побывали на Земле? Что говорят об этом серьезные ученые, как расценят они приводимые фантастами «следы из космоса»?

Попробуем, сдерживая воображение, ответить на этот вопрос, рассмотрев «современные загадки истории», ждущие своего о д н о з н а ч н о г о объяснения наукой.

Более трехсот лет назад на площади Цветов в Риме инквизицией был сожжен выдающийся мыслитель Джордано Бруно.

Перед казнью инквизитор убеждал еретика:

— Джордано, может быть, ты прав: и по воле господ живут подобные нам люди у других звезд, но народ еще не дорос до

подобных знаний. Церковь требует, чтобы ты не будоражил паству и отрекся от своих мыслей. Отрекись — иначе костер!

Джордано не отрекся, взосел на костер и гневно оттолкнул протянутое ему через огонь распятие. Тело его сгорело, но мысли, до которых «не дорос» народ его времени, остались жить.

Недавно в связи с успехами советской космонавтики академик В. Г. Фесенков писал: «Стремление человека найти в космосе какую-то жизнь, войти в сношение с представителями других миров явилось существенным стимулом развития космонавтики на заре ее зарождения. Означает ли это, что сегодня, когда проникновение человека в космос связывается с планомерной исследовательской работой, забыта извечная мечта о контактах с разумными существами вне Земли? Ничуть не означает. Больше того, это также стало достоянием науки».

Академик Фесенков совершенно прав. Это действительно стало достоянием науки. Сейчас вряд ли найдутся ученые, которые возьмутся утверждать, что лишь избранной богом Земле дано взрастить разумные существа. Ученые расходятся только в оценке числа внеземных цивилизаций, называя в нашей Галактике от 100 тысяч цивилизованных миров до... миллиардов (1). Планомерно ищутся в эфире сигналы «братьев по разуму». В Америке существовал романтически названный «ОЗМА» (Страна Мечты) — план таких исследований. У нас в СССР ведутся теоретические разработки межпланетного контакта, издаются научные монографии, созываются конференции ученых по поводу связи с инопланетными цивилизациями. Активно участвуют в этом такие видные ученые, как член-корреспондент Академии наук СССР, член Королевского Общества Великобритании, профессор И. С. Шкловский, доктор физико-математических наук Н. С. Кардашев и немало других.

Математики и лингвисты совместно решают вопрос о том, как же понять послание «разумян», если оно будет принято, как вести диалог (по радио он растянется на сотни лет!) между землянами и инопланетянами. Создается некий рациональный язык, получивший название «ЛИНКОС».

Но поможет ли он нам при непосредственном контакте с инопланетянами? Возможны ли такие контакты? Не было ли их в прошлом, как ставит этот вопрос фильм «Воспоминание о будущем»?

Мысль человечества развивается как бы по спирали. К одному и тому же вопросу в разное время она возвращается на разном уровне. Если в древности прилет на Землю, скажем, богов допустить было просто без всяких доказательств, то ныне гипотеза посещения Земли гостями из космоса требует уже серьезного обоснования.

Все меньше остается надежд на обитаемость планет Солнечной системы. Приходится считаться с тем, что гости из космоса должны были преодолевать умопомрачительные расстояния, исчисляемые десятками, сотнями, даже тысячами световых лет! Казалось, сама природа поставила между цивилизациями Вселенной непреодолимый барьер. Не поможет ли парадокс времени теории относительности, согласно которой при достижении звездолетом скорости, близкой к световой, собственное время звездолетчиков по сравнению с земным будет течь замедленно? Подсчитывают, что для достижения скорости света кораблем при ускорении, соответствующем земной тяжести, привычной для путешественников, требуется всего лишь один год. Для торможения — тоже год. Туда, обратно — неизбежные четыре года. Во время же полета с субсветовой скоростью в зависимости от приближения к световой, за ничтожное, переживаемое космонавтами время они преодолеют расстояние в любое число световых лет. Правда, на Земле как раз и пройдет такое число земных лет. Так что, если возможен был бы полет, скажем, к туманности Андромеды и возвращение оттуда на Землю за время жизни космонавтов, то они вернутся, состарившись (или возмужав!) на десяток лет, а на Земле пройдет... 3 миллиона лет. Конечно, можно назвать куда более близкие и достижимые цели, однако... противники реальности подобных полетов подсчитывают, что вес корабля, нагруженного требуемым для разгона его до субсветовой скорости, будет так велик, что исключается серьезный разговор на эту тему.

Профессор Колумбийского университета Карл Саган с этим не согласен. Он ссылается на возможность использования космического водорода в самом космосе для термоядерных реакций, могущих разгонять корабль. Предлагаются и другие способы использования рассеянной в космосе (даже в вакууме!) энергии. Правда, эти предложения еще не превратились в реальные проекты. Но думая о проблеме, нужно сказать, что едва ли верно судить о достижениях грядущего только с позиций уже известного вчера или сегодня. Конечно, паровая машина девятнадцатого века никак не доставила бы космонавтов в космос. Но плохо, когда современные представления превращаются в догму. Так в истории науки бывало не раз. Чего стоит только одно воспоминание о Парижской академии наук на рубеже восемнадцатого и девятнадцатого веков. «Бессмертные», как именовались французские академики, а в их числе и такой корифей, как сам Лавуазье, руководствуясь самыми прогрессивными взглядами, революционностью и борьбой с суевериями, объявили, что «камни с неба падать не могут, потому что их там нет» и что всякое утверждение подобного рода лишь играет на руку реакционным церковникам! Замечательный ученый Хладни был объявлен

стоящим вне науки, и его аргументы не рассматривались. Понадобился метеоритный дождь во Франции, чтобы в начале девятнадцатого века догматический запрет «бессмертных» был снят и появилась наука о метеоритах. Долго считалось недопустимым всякое сомнение в истине классической механики Ньютона и электродинамики Максвелла. И лишь появление теории относительности вместе с представлениями о кванте Макса Планка и квантовой механикой Нильса Бора показало ограниченность сферы применения классической механики и формул Максвелла. Мне привелось встретиться и беседовать с Нильсом Бором. Он говорил о кризисах знания, которые для своего разрешения требуют совсем новых подходов, «безумных» идей, как он сказал тогда нам, московским писателям.

Возможно, что для представления о реальности звездных рейсов требуются в известной мере «безумные» идеи. Может быть, будет использовано эйнштейновское представление об искривленности нашего трехмерного пространства, когда путешествие в высшем измерении, в каком оно искривлено, вдруг окажется значительно проще, чем преодоление безмерных расстояний в нашей трехмерности, где мы видим свет звезд, погасших и миллион лет назад. Обычно предлагают представить себе бумажную ленту, поверхность которой символизировала бы нашу трехмерность. Она сложена вдвое. И пусть по ней движется муравей, уползая в другую комнату и возвращаясь назад. Он проделает «значительный путь» прежде, чем окажется под тем местом, где находился вначале. А иглой можно мгновенно проткнуть ленту и сразу оказаться на «огромном расстоянии» от исходной точки. Конечно, это лишь иллюстрация того, что к неведомым методам нельзя подходить с меркой давно известного. Кто знает, как будет решена эта проблема? Но решена она будет!

К такой мысли в конечном счете и приходят в своей совместной, изданной в США книге «Разумная жизнь в космосе» советский ученый И. С. Шкловский и его американский коллега Карл Саган.

Когда мы беседовали с Карлом Саганом в астрономическом институте им. Штернберга, он говорил, что время жизни цивилизаций надо исчислять с момента появления у них радиоастрономии и первых шагов проникновения в Большую Вселенную. По этому своеобразному календарю возраст земной цивилизации исчисляется каким-нибудь десятком лет (младенческий!). В космосе же могут существовать «старшие» цивилизации, насчитывающие по миллиону, а то и больше лет со времени овладения радиоастрономией, ядерной физикой, ракетной техникой и кто знает еще чем!

В своей книге Шкловский и Саган, на основе теории вероятностей оценивая число цивилизаций и их взаиморасположение,

пытаются подсчитать вероятность контакта между ними. «При всех этих допущениях,— пишут они,— каждая техническая цивилизация, развившаяся до стадии возможности связи, будет навещать другую такую же цивилизацию примерно по одному разу в тысячу лет. Разведочные корабли каждой цивилизации будут возвращаться на свою планету примерно по одному разу в год, и значительная часть их будет осуществлять контакты с другими цивилизациями. Богатство, разнообразие и яркость такого общения, обмен товарами и информацией, мнениями и изделиями, идеями и конфликтами, будет постоянно стимулировать лобознательность и повышать жизнеспособность участвующих в нем обществ». В своей книге эти ученые приходят к ошеломляющему выводу, что за время своей истории Земля посещалась инопланетными исследователями по меньшей мере 10 тысяч раз!

А если это так, то не осталось ли в самом деле каких-либо следов их посещения?

А зачем ломать над этим голову? Какая выгода человечеству в том, будет или не будет доказано, что инопланетяне побывали когда-то на Земле? Такой простодушный вопрос задала мне одна девочка во время моего выступления об этом по радио. Ответ на него затрагивает коренные интересы всех живущих на Земле людей.

Как известно, на Западе немало «философов» и нефилософов, которые считают, что избежать ядерной войны и гибели всего живого на Земле невозможно. А потому надо жить, рассчитывая, что продолжения жизни не будет! Мы знаем, какое развращающее влияние оказывает такая «точка зрения», в частности, на молодежь, которая торопится пожить... Но какая же тут связь с гостями из космоса? Прямая. Если будет однозначно доказано, что инопланетяне побывали на Земле, это будет доказательством того, что цивилизации могут достичь и достигают более высокого уровня, чем наша современная, и в своем развитии успешно преодолевают ядерный барьер, сохранив жизнь разумных существ на своей планете. Ради одного этого стоит отнестись серьезно ко всему, что может быть предъявлено для рассмотрения.

А предъявить есть что.

Следы в истории

В одном из британских музеев хранится череп неандертальца, которому около сорока тысяч лет. Он найден в свинцовом руднике близ Брокен-Хила в Родезии (фото 1). Левая височная кость его пробита словно пулей. Во всяком случае круглое отверстие не гра-

ничит с трещинами, которые непременно возникли бы в случае ранения древнего жителя Земли копьем, стрелой, бивнем... Известно, что так пуля пробивает стекло. Правой височной доли черепа нет, как и полагается при пулевом ранении на вылет.

Находка сделана задолго до того, как возникли какие-либо разговоры об инопланетянах, вооруженных огнестрельным оружием. Трудно предположить мистификацию — стрельбу из кольта по ископаемому черепу. Ну, а если все же так?

Профессор К. К. Флёрв, консультировавший кинокартину «Планета бурь», снятую по моей повести, пригласил меня к себе в Палеонтологический музей Академии наук СССР и показал череп бизона, которому тоже около 40 тысяч лет, он найден в Якутии, и у него тоже нечто вроде пулевого ранения на лбу. Лобовая кость его повреждена сповно расплюсннвшей о нее пулей, которая пробила ее уже кумулятивнм способом — не металлом, а придавленным к кости воздухом (фото 2). Однако важно, что рана была прижизненной. Ей тоже 40 тысяч лет. Исполинский зверь, очевидно, лишь был тяжело ранен, поскольку пуля не попала в мозг. И он выжил. По краям раны видна гранула, костное образование. Рана зарастала по крайней мере еще в течение года. Значит, здесь уже нет речи о мистификации. Дело за судебной экспертизой, которая могла бы исследовать эти два самых древних на Земле «преступления» с применением огнестрельного или еще какого-нибудь оружия.

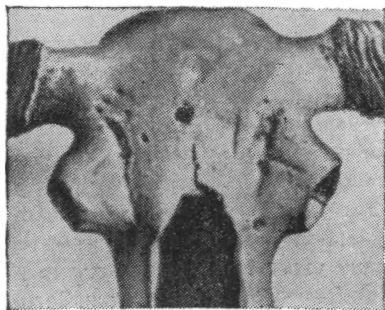

Фото 2

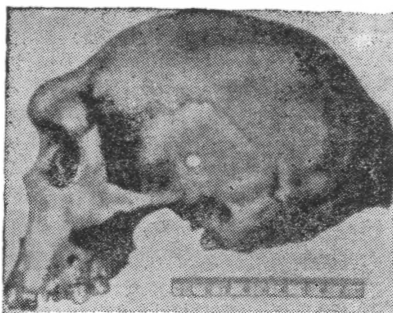

Фото 1

Но это было давно, еще на заре человеческой цивилизации. А есть ли следы предания или записи о посещении Земли в период, когда человечество уже возмужало и могло осознать, кто прилетал: друзья или враги, на чем они прилетали, как выглядели?

Фильм «Вспоминание о будущем» — прекрасный повод для размышлений об этом. Она уже подготовлена у нас для проката.

У многих народов есть сказания многотысячелетней давности о богах, сынах неба, детях Солнца или другой звезды, спускавшихся на Землю... 5—6 тысяч лет назад, и об их общении с людьми.

Я не думаю, что наибольший интерес представляют фрагменты из Библии, хотя она и впитала в себя многие, более ранние сказания (сохранившиеся в кумранских свитках, найденных в одной из пещер близ Мертвого моря и на клинописных табличках Месопотамии).

Эпос шумеров привлек к себе внимание планетолога и радиоастронома Карла Сагана. В совместной с Шкловским книге, о которой я уже говорил, обращено внимание на то, что Шумерская цивилизация, предшествовавшая Вавилонской, была одной из самых древних на Земле. Никто не знает, откуда взялись шумеры, а главное, почему вдруг «дикие» шумеры «взрывоподобно» обрели высокую цивилизацию? Сами они объясняют это знаниями, которые были переданы им внесемными пришельцами. Вот как повествует клинопись: «В первый год из той части Персидского залива, что примыкает к Вавилону, появилось животное, наделенное разумом. И оно называлось Оанном. Все тело у животного было как у рыбы (одежда, скафандр?), а пониже рыбьей головы у него была другая, и внизу, вместе с рыбьим хвостом, были ноги, как у человека. Голос и речь у него были человечески и понятны. Существо это днем общалось с людьми, но не принимало их пищи; и оно обучило их письменности и наукам, и всяким искусствам. Оно научило их строить дома, возводить храмы, писать законы и объяснило им начала геометрии. Оно научило их различать семена земные и показало, как собирать плоды». Словом, оно обучило их всему, что может смягчить нравы и сделать людей человеческими.

В дальнейшем в клинописи указывается, что спустя столетия похожие существа снова появлялись там, чтобы убедиться, как восприняли шумеры переданные им знания.

С этим интересным исследованием американского ученого согласуются сказания древних индейских народов: тольтеков, ацтеков, майя, инков о том, что белолицые бородатые сыны Солнца «с громом без дождя в небе» спускались к ним с другой звезды, обучали их ремеслам, передавая ценные знания, и улетали, пообещав вернуться. В древней Мексике главный пришелец именовался богом Кетсалькоатлем (Летающий Змей), который к ужасу и негодованию жрецов отменил человеческие жертвоприношения богам, но потом вынужден был покинуть страну тольтеков. У инков, возможно, он же появился под именем Кон-Тики (Солнце-Тики), сын Солнца. Это тот самый Тики, который, как Великий Просветитель, чтится

и на Полинезийских островах. Уместно вспомнить, что созданное Кон-Тики государство древних инков просуществовало несколько тысячелетий на «богопротивных» принципах, как решили испанские конкистадоры-завоеватели: труд обязательен для всех (трудился даже сам первый инка на отведенном ему поле), смертная казнь тем, кто не трудится, презрение к богатству, использование золота лишь там, где потребен такой металл, бесплатный хлеб всем. Каждый, дожив до пятидесяти лет, мог больше не трудиться, поступая на иждивение общины. Работающие на рудниках обретали такое право раньше! По-видимому, уже впоследствии эти принципы стали сочетаться у потомков инков с рабовладением и покорением нецивилизованных племен, на которых священные заветы Кон-Тики уже не распространялись. Но вера в сынов Солнца и в их возвращение была свята. Она обернулась трагедией и для ацтеков, сменивших тольтеков, и для майя, и для инков. Все они приняли белолицых и бородатых испанцев за возвратившихся сынов Кетсалькоатля или Кон-Тики, не оказав завоевателям сопротивления. Горстка авантюристов захватила целый материк самоубийной культуры.

Сказания о пришельцах с неба есть и в Индии, и в Китае, и в Японии.

Памятники неизвестным

Французский исследователь Анри Лот обнаружил в скалах Сахары наскальные изображения, получившие название фресок Тассили. Особо примечательны самые древние из них, которым более 5 тысяч лет. Широко известно изображение «Великого бога марсиан», как назвал его Анри Лот (фото 3). Действительно похоже на водолаза или космонавта. Скафандр, герметический шлем. Юрий Гагарин, познакомявшись с фотоснимком рисунка, оставил на нем автограф, сказав: «Похоже... и не похоже!» Гагарин был прав, имея в виду снаряжение, которым воспользовался первый космонавт в истории человечества, и снаряжение, какое было, возможно, у пришельцев, совершивших звездный перелет, чтобы попасть на Землю. Скептики, однако, отвергают мысль о скафандре, утверждая, что мы видим изображение жреца в ритуальном одеянии... с тыквой на голове.

Боюсь, что внимательное рассмотрение рисунка вызовет вопросы: если тыква, то почему плотно прилегающий воротник с горизонтальными складками? И почему жрецы так рядились? Для подобного одеяния нужна не меньшая фантазия, чем для рисунка. Известно, что фантазия рождается опытом. Человек фантазирует, отталки-

Фото 3

видим его скульптурное изображение (фото 4). Но оно найдено за многие тысячи километров от Сахары, на острове Консю в Японии! Возраст скульптуры тот же, что и рисунка в Тассили. Примечателен и шлем, и воротник, через который свободно пройдет голова. Подобная же скульптура, но более проработанная в деталях, найдена там же. Различим шлем со щелевидными очками и спиральный орнамент. Если задуматься, какой символ мог быть понятен любым разумным существам, где бы они ни обитали, то это спираль. Такую форму имеют многие галактики в обозримой части космоса, видимые отовсюду.

Скептикам, утверждающим, что предки айнов просто изображали так богиню плодородия, подтверждая это ссылкой на выпуклости на груди, можно возразить, что выпуклости эти расположены слишком близко к плечам (над подмышками) и скорее изображают какие-то приборы, чем молочные железы.

ваясь от известного. Даже такое сказочное чудовище, как дракон, состоит из вполне знакомых деталей: из пасти крокодила, крыльев летучей мыши и тела змеи. Кого же мог иметь в виду древний художник Сахары? Кто был для него прототипом — все равно для рисунка или жреческой одежды? «Круглоголовые» (то есть существа в шлемах) встречаются на многих фресках Тассили. У некоторых на шлемах есть даже нечто похожее на антенны.

Рядом с фотографией «Великого бога марсиан» мы

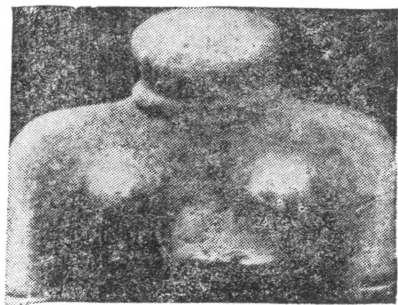

Фото 4

Фото 5

щелевидные очки на нем, застежки (не каменные же!), соединяющие части скафандра, люки для осмотра шлема (с тыльной стороны) и на плечах скафандра (для ремонта механизмов манипулятора) и, что особенно примечательно,— фильтр для дыхания! Таковую деталь с дырочками, сделанную людьми каменного века, трудно представить. Костюм состоит из жесткой и мягкой частей. Рукава и штанины надуты, словно давление воздуха внутри скафандра больше, чем снаружи. Попытки доказать, что статуэтки — стилизация, характерная для Японии, неубедительны, поскольку статуэтки сделаны раньше, чем появились японцы, и их стиль, очевидно, заимствован ими у этих самых «божков», которых на протяжении столетий продолжали лепить уже после того, как на островах побывали «сыны неба», бытующие в японских легендах. Неубедительны и сопоставления различных японских скульптур, чтобы показать, как «укорачивались» в них ноги, дойдя до размеров догу. Вовсе не следует, что этот ряд предшествовал догу. Напротив, догу предшествовали статуэткам, где пропорции тела стали приближаться к реалистическим и относящимся к более позднему времени.

Любопытно, что американское ведомство, ведающее космическими полетами, НАСА, сообщило в связи с предъявленными ему статуэтками догу, что детали рассматриваемого костюма вполне

Наиболее выразительны найденные там же в большом количестве статуэтки «догу» (фото 5). Слово это на древнем языке означает одеяние, закрывающее с головой, по-нашему «скафандр».

Вот каков мог быть «Великий бог марсиан», посетивший и Японию, и Сахару 5 тысяч лет назад. Именно таков возраст статуэток из обожженной глины, сделанных во времена «джёмон-периода», когда на Японских островах жили в «каменном веке» предшественники японцев. Они не знали металла. Как же их ваятели могли с такими подробностями воспроизвести все детали современного космического костюма? Герметический шлем,

Фото 6

соответствуют космическому костюму, разработанному американскими фирмами для НАСА. Мой американский корреспондент Курт Зейсиг прислал мне фотокопию ответа НАСА.

Но вернемся снова к фрескам Тассили. На одной из фресок рядом с «круглоголовыми» в шлемах изображена какая-то фигура гиганта с растопыренными руками, угловатой головой-шлемом и... хвостом. Эта фигура была самой загадочной, не напоминая ничего нам известного. Может быть это робот, которым пользовались «круглоголовые»?

Недавно я натолкнулся на фотографию такого же изображения на камне, которое привожу рядом с фреской Тассили (фото 6). Сделан наскальный рисунок в незапамятные времена... на острове Пасхи. Не поражает ли гигантский треугольник Сахара — Япония — Остров Пасхи? Разве не стоит всем этим заинтересоваться всерьез?

Но почему следы пришельцев так рассеяны по Земле?

Это естественно, если вокруг Земли кружил на орбите звездолет-матка. Он должен был отправлять «космические шлюпки», корабли местного значения (которые могли напоминать и известные нам ракеты, и реактивные самолеты), чтобы они посетили различные места Земли (исследуемой планеты).

Широко известно открытие мексиканским археологом Альберто Рус Луильи гробницы древних майя внутри пирамиды храма надписей в Паленке. Город древних майя был обнаружен в дикой сельве. В гробнице (фото 7), куда четыре года, как он писал мне, пробивался Альберто Рус Луильи, оказался сделанный в форме ракеты(1)

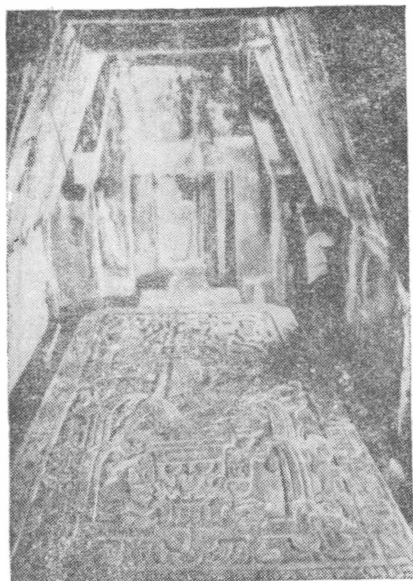

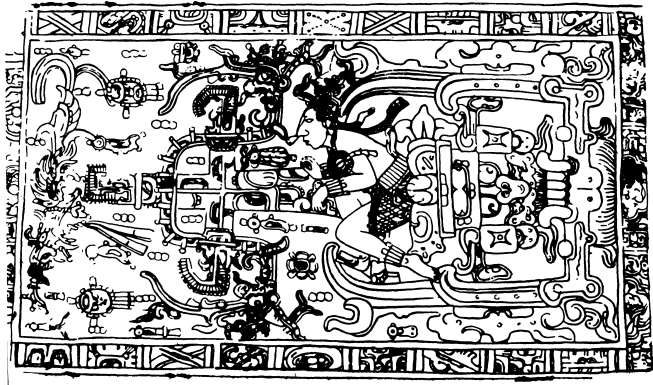
Фото 7

саркофаг с костями захороненного вождя или жреца. Прикрыт саркофаг был тяжелой каменной плитой. Выбитый на ней рисунок походит на чертеж ракеты в разрезе (фото 8). В ней словно сидит космонавт, положив руки на рычаги управления, в положении, характерном для полета. Можно много спорить, что же изображено на каменной плите — размышляющий ли о бессмертии человек под деревом Жизни — кукурузой (как прежде считали!) или действительно космонавт, пилот, но нельзя не заинтересоваться лицом, вернее нефритовой маской захороненного, которую

удалось восстановить мексиканским ученым (фото 6). На ней нос разделяет лоб на две части, начинаясь выше бровей! Такая же особенность оказалась и еще на двух скульптурах, найденных там же, пожилого мужчины и молодого воина (фото 10). Неужели это некая наследственная черта «носолобых», идущая от далеких поколений вместе с представлениями о форме ракеты и даже символическом ее устройстве? Нос, начинающийся выше бровей, неизвестен ни у одной из современных человеческих рас.

Стоит вспомнить еще, что в Сальвадоре, в Южной Америке, была найдена ваза с изображением ракетных снарядов с человек-подобными существами, летающими над деревьями.

Не так давно я познакомился с фотографиями цельнолитой золотой вещицы, сделанной свыше тысячи лет назад, примерно в то время, когда жил захороненный в пирамиде Паленке жрец или вождь (фото 11, 12). Она хранится в Национальном банке Колумбии, на территории которой была найдена. Поначалу думали, что это изображение рыбы или насекомого, но у вещицы на хвосте имелась вертикальная плоскость вроде самолетного руля. Биолог И. Сандрессон пришел к выводу, что это не изображение живого существа. Обратились к авиастроителям. Они признали в золотой вещице модель самолета. Ее очертания

хорошо накладываются на черты современного реактивного самолета с вертикальным подъемом. Модель «заставили летать», продули в аэродинамической трубе, как делают с моделями любого испытываемого самолета. Оказалось, что модель вела себя превосходно, демонстрируя неведомые знания у древних индейцев, кстати сказать, не пользовавшихся колесом!

Кто знает, может быть, вещь вместе с преданиями переходила из поколения в поколение от тех, кто был современниками посещения Земли инопланетянами?

И по-особому воспринимаются тогда странные «знаки» в пустыне Наска, открытые сравнительно недавно во время аэрофотосъемок. С земли рассмотреть их нельзя, только с птичьего полета. Если на самолете подлететь с стороны Тихого океана к гористому берегу, на его склоне видны с высоты указательные знаки, выложенные в незапамят-

Фото 9

Фото 10

ные времена на горе. Исполинский трезубец указывает в глубь горной страны. Самолет летит, а под ним через горные хребты, прерываясь в ущельях и начинаясь снова, словно пересекая географическую карту, ведет линия, похожая на проложенную в горах дорогу, но она не считается с естественным рельефом, подобная геодезической линии (фото 13).

Странная линия выводит летчиков на горное плато пустыни Наска. В ней нет песка, только камни! И среди них, темных, острых, рас-

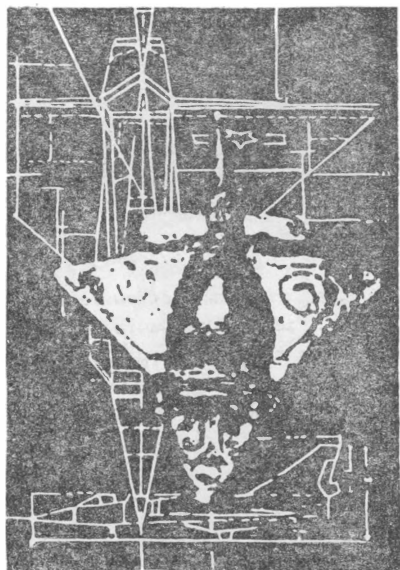

Фото 11

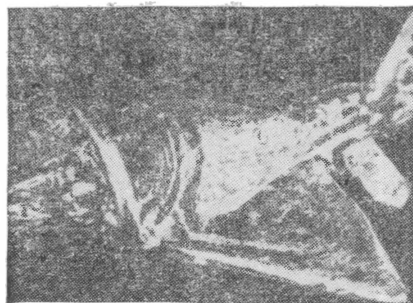

Фото 12

сыпчатых, совсем другими светлыми камнями, принесенными неведомо откуда тысячелетия назад, выложены странные фигуры, изображающие насекомых, животных и птиц, порой и е з е м н ы х, то есть на Земле не встречающихся. Размеры их несколько сот метров. Рассмотреть их можно лишь с большой высоты. Что они означают? Вот длиннейший крокодил, вот обезьяна с закрученным спиралью хвостом (опять спиралью!). Но главное, среди камней пустыни под строгими углами — светлые каменистые дороги, напоминающие взлетно-посадочные полосы современных аэродромов (фото 14). Когда самолет кинематографистов в заключение фильма садится на одну из таких полос, трудно отделаться от волнения. Может быть, по этим полосам действительно разбегались чужепланетные машины, для которых и были сооружены эти дороги «в никуда»? Тот, кто мчался по ним, мог только взлетать.

Неужели же нет на Земле специально оставленных людям памятников бывшего посещения?

Если даже отвлечься от необыкновенных астрономических познаний тех же майя, не знавших колеса и не имевших телескопов, но вычисливших земной календарь более точно, чем тот, каким мы и поныне пользуемся. Если даже не принимать во внимание, что египтяне знали архимедово число на два тысячелетия раньше, чем его вычислил Архимед, и с достаточной точностью представляли его в виде простой дроби в семеричной системе счисления (1) и даже заложили его в размеры своих пирамид. Опустив все это, нельзя не вспомнить и о материальных памятниках.

В той же Южной Америке, в Коста-Рике, в лесах и болотах рассыпаны удивительные каменные шары. Поражает точность этих

Фото 13

идеальных сфер, непонятен способ их изготовления, метод измерения, наконец, само назначение шаров. Диаметр их меняется от 2 метров до размеров многоэтажного дома (фото 15). Некоторые ученые пытаются доказать их естественное происхождение, но не могут объяснить, в результате каких процессов только в одном месте Земли они образовались?

Возникает мысль, не расположены ли эти шары, сделанные намеренно разных размеров, с какой-то определенной целью? Не означает ли их россыпь, скажем, звездное небо (их небо!)? А что, если взглянуть на эти шары сверху, составить карту? Она может оказаться памятником посещения Земли иным разумом! Досадно, что пришельцы не учли непонятливость грядущих человеческих поколений, которым невдомек, что определенным образом расположенные на огромной территории идеальные сферы из камня — достаточно веское свидетельство чужепланетного визита на Землю.

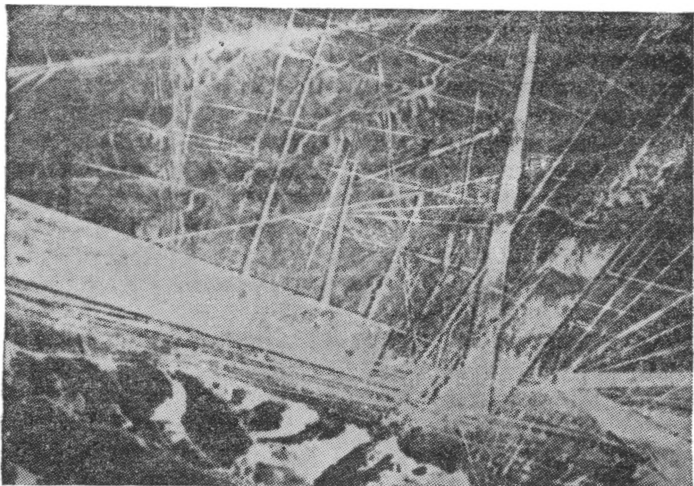

Фото 14

В кинокартине «Воспоминание о будущем» есть кадры о Баальбекской веранде. Ее подпорная стенка сложена из трех исполинских камней почти по 2 тысячи тонн каждый. Напомню, что блоки пирамиды Хеопса были всего лишь по 20 тонн. Плиты доставляли на холм Акрополя в горах Антиливана из каменоломни, где лежит «готовая», но не отделенная от скалистого массива четвертая плита. Что-то помешало «титанам-строителям» завершить свой замысел. Но как они его осуществляли? Даже современными техническими средствами

невозможно перетащить на большое расстояние, поднять на холм и установить подобные громады! Любопытно, что в связи со строительством Асуанской плотины с помощью могучих машин переносили старинный храм с одного места на другое, распиливая его статуи на сравнительно малые куски. А как же монолиты Баальбека? Аргументы некоторых археологов: «раз древние это сделали, значит они могли это сделать» — не выглядят убедительными. Если каменные блоки пирамид тащили по полторы ты-

Фото 15

сячи рабов, то для передвижения груза, в 200 раз большего, нельзя запрячь 300 тысяч рабов. Требуется не просто другое количественное, но качественно иное решение. Можно, конечно, вспомнить Александрийскую колонну перед Зимним Дворцом в Ленинграде. Но ведь ее доставляли по Неве, потом катили по земле. Да и поставили ее стоймя, закатав по спиральным песам, придуманным русским самородком-мужичком, которому выдали за это четверть водки.

Баальбекскую веранду так построить было невозможно.

Требовалась неведомая техника!

Откуда же ей было взяться в то время?

Неизвестно, что хотели поставить Баальбекские строители (земные или неземные?) на подпорную стенку. Может быть, памятник, который не внушал бы никому сомнений, кем он поставлен? Во всяком случае, такое сооружение вовсе не требовалось для взлетной площадки ракет, которые в состоянии подняться откуда угодно, например с Луны (наша «Луна-20»!). Один лишь постамент незавершенного памятника ошеломляет своей грандиозностью. Построенный на нем тысячелетия спустя храм Юпитера, конечно, никак не отвечает первоначальному замыслу, который, быть может, отразил бы разум и внешность пришельцев. Кто-то или что-то помешало им сделать задуманное. Может быть, наш климат оказался вредным для гостей Земли или их техника отказала? Впрочем, судя по пустыне Наска и преданиям различных народов, гости жили среди нас долго.

Почему же они улетели и куда? Домой? Выполнили свою миссию, пообещав вернуться, или пошли новыми дорогами еще к новым мирам?

Предостережения

Но они не просто ушли. Судя по древним записям, они немало рассказали. Так, на санскритском языке имеется описание огненной колесницы, сделанное несколько тысяч лет назад: «Посередине корабля тяжелый металлический ящик является источником силы. В начале путешествия открывались отверстия восьми смотревших вниз труб, а верхние задвижки труб были закрыты. «Ток» с силой вырывался и ударялся в землю, поднимая тем корабль вверх. Когда же он взлетал достаточно, смотревшие вниз трубы прикрывали до половины, чтобы можно было висеть в воздухе, не падая. Тогда большую часть «тока» направляли в кормовую трубу, чтобы он вылетал, толкая тем корабль вперед освобожденной силой...»

Древнеиндийский источник «Самаранга Судраха» так повествует об устройстве летающего корабля: «О том, как изготовить детали для летающей колесницы, мы не сообщаем не потому, что это неизвестно нам, а для того, чтобы сохранить это в тайне. Подробности устройства не сообщаются, потому что, узнанные всеми, они могли бы послужить злу». «Сильным и прочным должно быть его тело, сделанное из легкого материала, подобное большой летящей птице. Внутри следует поместить ртуть с железным подогревающим устройством. Посредством силы, которая таится в ртути и которая приводит в движение вихрь, человек, находящийся внутри этой колесницы, может пролетать большие расстояния по небу самым удивительным образом... Колесница развивает силу грома благодаря ртути, и она сразу превращается в жемчужину в небе».

Что же так заботливо скрыто в этом древнем тексте, что зашифровано под «ртутью»?

Не некий ли особо тяжелый металл цвета ртути?

Таким металлом мог быть уран!..

И дальше. О чем предупреждали прилетавшие.

В дальнейшем эпосе «Махабхарата», записанном 3 тысячи лет назад, рассказывается о страшном сражении, происходившем, по-видимому, не на Земле:

«Сверкающий снаряд, обладавший сиянием огня, лишенного дыма, был выпущен. Густой туман внезапно покрыл войско. Поднялись несущие зло вихри. От жара, излучаемого оружием, содрогнулся мир... Вода стала горячей, звери умирали... и яростное пламя заставляло деревья валиться рядами, как и при лесном пожаре. Кони и боевые колесницы сгорали. Затем на море стало тихо. Подули ветры... Трупы погибших были так изуродованы страшным жаром, что уже не напоминали людей. Никогда раньше мы не слышали о подобном сружии. Оружие внешне походило на огромную железную стрелу, которая выглядела как гигантский посланец смерти. Чтобы обезвредить одну такую неиспользованную стрелу, ее требовалось измолотить в порошок и утопить в море. Уцелевшие воины сразу после взрыва должны были спешить к реке, чтобы омыть одежду и оружие».

Как известно, так надлежит поступать, чтобы смыть радиоактивную пыль!

Такие же описания неведомых войн с применением чудовищного оружия (в Индии — Пламя Индиры), есть и в Южной Америке (оружие Машмак) и даже в кельтской мифологии («Искусство грома») — словом, в тех местах, где могли быть контакты со звездными пришельцами, которые, надо думать, скорее не карали, а преду-

преждали людей о подобном оружии (если высший Разум гуманен!).

Есть немало упоминаний о влиянии гостей из космоса на народы Земли, есть немало «следов», которые следовало бы рассмотреть. Мы не знаем, какие из них окажутся (и окажутся ли!) действительно следами инопланетных визитов, сказать в каждом случае «да» или «нет» одинаково ответственно.

Поставим себя мысленно на место «звездных пришельцев», стремившихся оставить неисчезающий в веках след своего посещения, и даже больше — быть может, послание землянам, предостерегающее от ужасного оружия, о котором они рассказывали нашим недоумевающим предкам, видевшим в нем лишь «божественную силу», а не грядущую опасность для их потомков.

Мне кажется, что гости из космоса должны были бы остановиться на к о с м о с е!

Только там все остается неизменным.

На математическом конгрессе в Москве в 1966 году талантливый французский ученый, защитивший докторскую диссертацию в Чикаго, в Северо-Западном университете, по вопросу о слежении за искусственными спутниками Земли, Жак Валле предложил мне выступить в советской прессе с совместной статьей о некоторых загадочных явлениях в земной атмосфере и ближнем космосе. Мы переписывались с ним полгода и опубликовали в № 8 «Техника — молodeжи» за 1966 год статью «Что летает над Землей?».

Жак Валле включил в нее такой абзац:

«Уместно вспомнить странные неопознанные спутники Земли, по крайней мере один из которых движется в п р о т и в о п о л о ж н у ю с т о р о н у, чем все запущенные в СССР и США».

Этот странный спутник, который запустить с Земли было бы крайне сложно, поскольку скорость вращения Земли не способствовала бы, а препятствовала достижению первой космической скорости, получил на Западе название «Черный принц».

Человечество, овладевая космосом, уже сейчас может решить техническую задачу полета к Черному принцу, чтобы исследовать его.

А что, если это не «приблудившийся метеорит», а искусственный объект, оставленный на орбите спутника Земли, рассчитанный на то, что достичь его люди смогут лишь на высоком технологическом уровне развития, когда их и следует предупредить об опасностях «ядерного барьера»?

А что, если внутри этого объекта человечество найдет бесценную для себя информацию?

Конечно, оговариваясь, это всего лишь предположение. Но оно

отталкивается от установленных фактов. Вот если бы Черного принца не было, не о чем было бы говорить. А он есть... И кто знает, может быть, этот след в космосе окажется самым главным в той цепочке размышлений, на которые навели нас археологические загадки.

Фантастические выводы заманчивы, но стоит помнить слова философа Канта: «Кто не умеет сдерживать своей фантазии — тот фантазер; у кого необузданная фантазия соединяется с идеями добра — тот энтузиаст; у кого беспорядочная фантазия — тот мечтатель».

И вместе с тем без фантазии нет науки. Очевидно, космическую археологию, зарождение которой мы видим, смогут создать не фантазеры или мечтатели, а энтузиасты.

РЕЯ БРЕДБЕРИ

ТОТ, КТО ЖДЕТ

Я живу в колодце. Я живу в нем подобно туману. Подобно пару в каменной глотке. Я не двигаюсь, я ничего не делаю, я лишь жду. Надо мной мерцают холодные звезды ночи, блещет утреннее солнце. Иногда я пою древние песни этого мира, песни его юности. Как мне объяснить, кто я, если я не знаю этого сам? Я и дымка, и лунный свет и память. И я стар. Очень стар. В прохладной тиши колодца я жду своего часа и уверен, что когда-нибудь он придет...

Сейчас утро. Я слышу нарастающие раскаты грома. Я чую огонь и увлеченно скрежет металла. Мой час близится. Я жду.

Далекое голоса.

— Марс! Наконец-то!

Чужой язык, он незнаком мне. Я прислушиваюсь.

- Пошлите людей на разведку!
- Скрип песка. Ближе, ближе.
- Где флаг?
- Здесь, сэр.
- Ладно.

Солнце стоит высоко в голубом небе, его золотистые лучи наполняют колодец, и я парю в них, как цветочная пыльца, невидимый в теплом свете.

— Именем Земли объявляю территорию Марса равно принадлежащей всем нациям!

Что они говорят? Я нежусь в теплом свете солнца, праздный и незримый, золотистый и неутомимый.

- Что там такое?
- Колодец!
- Быть этого не может!
- Точно! Идите сюда.

Я ощущаю приближение теплоты. Над колодцем склоняются три фигуры, и мое холодное дыхание касается их лиц.

- Вот это да-а-а!
- Как ты думаешь, вода хорошая?
- Сейчас проверим.
- Принесите склянку и веревку!
- Сейчас.

Шаги удаляются. Потом приближаются снова. Я жду.

- Опускайте. Полегче, полегче.

Преломленные стеклом блики солнца во мраке колодца. Веревка медленно опускается. Стекло коснулось поверхности, и по воде побежала мягкая рябь. Я медленно плыву вверх.

- Так, готово. Риджент, ты сделаешь анализ?
- Давай.

— Ребята, вы только посмотрите, до чего красиво выложен этот колодец! Интересно, сколько ему лет?

— Кто его знает? Вчера, когда мы приземлились, в том городе Смит уверял, что марсианская цивилизация вымерла добрых десять тысяч лет назад.

- Ну, что там с водой, Риджент?
- Чиста, как слеза. Хочешь попробовать?
- Серебряный звон струи в палящем зное.
- Джонс, что с тобой?
- Не знаю. Ни с того ни с сего голова заболела.
- Может быть, от воды?
- Нет, я ее не пил. Я это почувствовал, как только наклонился

над колодцем. Сейчас уже лучше.

Теперь мне известно, кто я. Меня зовут Стивен Леонард Джонс, мне 25 лет, я прилетел с планеты Земля и вместе с моими товарищами Риджентом и Шоу стою возле древнего марсианского колодца.

Я рассматриваю свои загорелые, сильные руки. Я смотрю на свои длинные ноги, на свою серебристую форму, на своих товарищей.

— Что с тобой, Джонс? — спрашивают они.

— Все в порядке, — отвечаю я. — Ничего особенного.

Как приятно есть! Тысячи, десятки тысяч лет я не знал этого чувства. Пища приятно обволакивает язык, а вино, которым я запиваю ее, теплом разливается по телу. Я прислушиваюсь к голосам товарищей. Я произношу незнакомые мне слова и все же как-то их понимаю. Я смакую каждый глоток воздуха.

— В чем дело, Джонс?

— А что такое? — спрашиваю я.

— Ты так дышишь, словно простудился, — говорит один из них.

— Наверно, так оно и есть, — отвечаю я.

— Тогда вечером загляни к врачу.

Я киваю — до чего же приятно кивнуть головой! После перерыва в десять тысяч лет приятно делать все. Приятно вдыхать воздух, приятно чувствовать солнце, прогревающее тебя до самых костей, приятно ощущать теплоту собственной плоти, которой ты был так долго лишен, и слышать все звуки четче и яснее, чем из глубины колодца. В упоении я сижу у колодца.

— Очнись, Джонс. Нам пора идти.

— Да, — говорю я, восторженно ощущая, как слово, соскользнув с языка, медленно тает в воздухе.

Риджент стоит у колодца и смотрит вниз. Остальные потянулись назад, к серебряному кораблю.

Я чувствую улыбку на своих губах.

— Он очень глубокий, — говорю я.

— Да?

— В нем ждет нечто, когда-то имевшее свое тело, — говорю я и касаюсь его руки.

Корабль — серебряное пламя в дрожащем мареве. Я подхожу к нему. Песок хрустит под ногами. Я ощущаю запах ракеты, оплывающей в полуденном зное.

— Где Риджент? — спрашивает кто-то.

— Я оставил его у колодца, — отвечаю я.

Один из них бежит к колодцу.

Меня начинает знобить. Слабая дрожь, идущая изнутри, постепенно усиливается. Я впервые слышу голос. Он таится во мне —

крошечный, испуганный,— и молит: «Выпустите меня! Выпустите!». Словно кто-то, затерявшись в лабиринте, носится по коридору, барабанит в двери, умоляет, плачет.

— Риджент в колодце!

Все бросаются к колодцу. Я бегу с ними, но мне трудно. Я болен. Я весь дрожу.

— Наверное, он свалился туда. Джонс, ведь ты был с ним? Ты что-нибудь выдал? Джонс! Ты слышишь? Джонс! Что с тобой?

Я падаю на колени, мое тело сотрясается, как в лихорадке.

— Он болен,— говорит один, подхватывая меня.— Ребята, помогите-ка.

— У него солнечный удар.

— Нет! — шепчу я.

Они держат меня, сотрясаемого судорогами, подобными землетрясению, а голос, глубоко спрятанный во мне, рвется наружу: «Вот Джонс, вот я, это не он, не он, не верьте ему, выпустите меня, выпустите!».

Я смотрю вверх, на склонившиеся надо мной фигуры, и мои веки вздрагивают. Они трогают мое запястье.

Сердце в порядке.

Я закрываю глаза. Крик внутри обрывается, дрожь прекратилась. Я вновь свободен, я поднимаюсь вверх, как из холодной глубины колодца.

— Он умер,— говорит кто-то.

— От чего?

— Похоже на шок.

— Но почему шок? — говорю я. Меня зовут Сешенс, у меня энергичные губы, и я капитан этих людей. Я стою среди них и смотрю на распростертое на песке тело. Я хватаюсь за голову.

— Капитан?!

— Ничего. Сейчас пройдет. Резкая боль в голове. Сейчас. Уже все в порядке.

— Давайте уйдем в тень, сэр.

— Да,— говорю я, не сводя глаз с Джонса.— Нам не стоило прилетать сюда. Марс не хочет этого.

Мы несем тело назад, к ракете, и я, чувствуя, как где-то во мне новый голос молит выпустить его. Он таится в самой глубине моего тела.

На этот раз дрожь начинается гораздо раньше. Мне очень трудно сдерживать этот голос.

— Спрячьтесь в тени, сэр. Вы плохо выглядите,

— Да,— говорю я.— Помогите.

— Что, сэр?

— Я ничего не сказал.

— Вы сказали «помогите».

— Разве я что-то сказал, Мэтьюз?

У меня трясутся руки. Пересохшие губы жадно хватают воздух. Глаза вылезают из орбит. «Не надо! Не надо! Помогите мне! Помогите! Выпустите меня!».

— Не надо,— говорю я.

— Что, сэр?

— Ничего. Я должен освободиться,— говорю я и зажимаю себе рот руками.

— Что с вами, сэр? — кричит Мэтьюз.

— Немедленно все возвращайтесь назад на Землю! — кричу я. Я достаю пистолет.

Выстрел. Крики оборвались. Я со свистом падаю куда-то в пространство.

Как приятно умирать после десяти тысяч лет ожидания! Как приятно чувствовать прохладу и слабость! Как приятно ощущать, что жизнь горячей струей покидает тебя, и на смену идет спокойное очарование смерти. Но это не может продолжаться долго.

Выстрел.

— Боже, он покончил с собой! — кричу я и, открывая глаза, вижу капитана, лежащего около ракеты. В его окровавленной голове зияет дыра, а глаза широко раскрыты. Я наклоняюсь и дотрагиваюсь до него.

— Глупец. Зачем он это сделал?

Люди испуганы. Они стоят возле двух трупов, оглядываются на марсианские пески и видневшийся вдали колодец, на дне которого покоится Риджент. Они поворачиваются ко мне. Один из них говорит.

— Теперь ты капитан, Мэтьюз.

— Знаю.

— Нас теперь только шестеро.

— Как быстро это случилось!

— Я не хочу быть здесь! Выпустите меня!

Люди вскрикивают. Я уверенно подхожу к ним.

— Послушайте,— говорю я и касаюсь их рук, локтей, плеч.

Мы умолкаем. Теперь мы — одно.

— Нет, нет, нет, нет, нет, нет! — кричат голоса из темниц наших тел.

Мы молча смотрим друг на друга, на наши бледные лица и дрожащие руки. Потом мы все, как один, поворачиваем голову и обращаем взгляд к колодцу.

— Пэра,— говорим мы.

— Нет, нет, нет,— кричат шесть голосов.

Наши ноги шагают по песку, как двенадцать пальцев одной огромной руки.

Мы склоняемся над колодецем. Из прохладной глубины на нас смотрят шесть лиц.

Один за другим мы перегибаемся через край и один за другим несемся навстречу мерцающей глади воды.

Я живу в колодце. Я живу в нем подобно туману, подобно пару в каменной глотке. Я не двигаюсь, я ничего не делаю, я лишь жду. Надо мной мерцают холодные звезды ночи, блещет утреннее солнце. Иногда я пою древние песни этого мира. Песни его юности. Как мне объяснить, кто я, если я не знаю этого сам? Я просто жду.

Солнце садится. На небо выкатываются звезды. Далеко-далеко вспыхивает огонек. Новая ракета приближается к Марсу...

А. АЗИМОВ

ЛОВУШКА ДЛЯ ПРОСТАКОВ

1

Космический корабль «Трижды Г» вырвался из пустоты гиперпространства и появился в бесконечном пространстве — времени. Вокруг него сияло огромное звездное скопление Геркулеса.

Корабль неуверенно повис, окруженный бесчисленными солнцами, каждое из которых было центром могучего поля тяготения, вцепившегося в крохотную металлическую скорлупку. Но вычислительные машины корабля не ошиблись — он оказался точно в назначенном месте. Только один день полета — обычного пространственного полета — отделял его от системы Лагранже.

Каждый, кто был на борту, воспринял это известие по-своему. Для экипажа это означало еще один день работы, еще один день оплаты по ставкам за полетное время, а потом — отдых на поверхности. Планета, куда они направлялись, была необитаема, но отдохнуть приятно даже на астероиде. Что могли думать по этому поводу пассажиры, членов экипажа не интересовало. Пассажиров они недолюбливали и старались держаться от них подальше. Ведь это же были сплошь «головастые»!

Так оно и было — все пассажиры, кроме одного, были «головастыми». Выражаясь вежливее, это были ученые, и притом довольно разношерстная компания. Единственным чувством, которое объединяло их в тот момент, было беспокойство за свои приборы и смутное желание еще раз проверить, все ли с ними в порядке.

Ну и, пожалуй, едва заметное ощущение тревоги и возросшего напряжения. Планета была необитаема — каждый не однажды высказывал в этом свое твердое убеждение. Но в чужую душу не влешь: у каждого на этот счет могли быть и свои мысли.

Что касается единственного на борту корабля человека, который не принадлежал ни к экипажу, ни к ученым, то он чувствовал прежде всего смертельную усталость. С трудом поднявшись на ноги, он пытался стряхнуть с себя последние остатки космической болезни. Звали его Марк Аннукчио, и он провел в постели, почти без еды, все эти четыре дня, пока корабль находился вне Вселенной, преодолевая расстояние во много световых лет.

Но сейчас Марку уже не казалось, что он вот-вот умрет, и настало время явиться по вызову капитана. Удовольствия это Марку не доставляло: он привык делать все по-своему и видеть только то, что ему хотелось. Кто такой этот капитан, чтобы...

Его снова и снова подмигивало рассказать все доктору Шеффилду и с этим покончить.

Но Марк был любопытен и знал, что все равно пойдет к капитану. Любопытство было его единственным недостатком.

Оно же было его профессией и призванием в жизни.

2

Капитану Фолленби все было нипочем. Так он обычно о себе думал. А совершать рейсы по заданию правительства ему приходилось и раньше. Прежде всего это сулило прибыль. Конфедерация не скупилась на расходы. Это означало, что корабль каждый раз проходил капитальный ремонт, что все ненадежные части заменяли новыми, что экипажу хорошо платили. Это было выгодное дело. Чертовски выгодное.

Но этот рейс был не совсем обычным.

Дело не в том, что пришлось взять на борт таких пассажиров. Он было опасался склок, истерик, невозможной тупости, но оказалось, что «головастики» лишь немногим отличаются от нормальных людей.

Дело даже не в том, что его корабль наполовину разобрали, переоборудовав в «универсальную лабораторию», как было сказано в контракте. Об этом он старался не думать.

Дело было в Малышке — далекой планете, куда они направлялись.

Экипаж, конечно, ничего не знал. Но сам капитан, хоть ему было все нипочем и так далее, начинал беспокоиться.

Только начинал...

А сейчас его больше всего раздражал этот Марк Аннунцио — так, что ли, его зовут? Капитан сердито потер руки, и его широкое, круглое лицо побегрело от гнева.

Вот наглость!

Мальчишка, которому нет еще и двадцати, пустое место по сравнению с другими пассажирами — и вдруг такое потребовать!

Что-то тут неспроста. Во всяком случае, это предстоит выяснить.

Вместо выяснения он с удовольствием взял бы кое-кого за шиворот и потрянул бы так, чтобы зубы застучали... Но нельзя. Нельзя.

В конце концов уж очень странным был этот рейс, зафрахтованный Конфедерацией Планет, и, возможно, двадцатилетний любитель совать нос не в свое дело тоже для чего-то нужен. Но зачем он понадобился? Вот, например, у этого доктора Шеффилда, можно подумать, нет другого дела, как только носиться с этим мальчишкой. Что это значит? Кто такой этот Аннунцио?

Всю дорогу он страдал космической болезнью. А может быть, это был просто предлог, чтобы сидеть в своей каюте?

У двери прожужжал звонок.

Это он.

Спокойнее, подумал капитан. Спокойнее.

3

Входя в каюту капитана, Марк Аннунцио облизал губы, тщетно пытаясь избавиться от горечи во рту. У него слегка кружилась голова и было тяжело на сердце. В этот момент он был бы рад отказаться даже от своей работы, лишь бы снова попасть на Землю.

Он с сожалением вспомнил свою маленькую, но уютную комнату, знакомую до мелочей, где он наслаждался уединением среди себе подобных. Там стояли только кровать, стол, стул и шкаф, но к его услугам в любой момент была вся Центральная библиотека. Здесь не было ничего. Он думал, что на борту корабля можно узнать много нового. Он еще никогда не бывал на борту корабля. Но он не ожидал, что проваляется все эти долгие дни, страдая космической болезнью.

Ему до слез хотелось домой. Он чувствовал отвращение к самому себе, зная, что его глаза покраснели и слезятся и что капитан это наверняка заметит. Он чувствовал отвращение к себе, потому что знал, что мал, тщедушен и похож на мышонка.

Так оно и было. У него были шелковистые прямые волосы мышиного цвета, узкий, уходящий назад подбородок, маленький рот и острый носик. Для полного сходства не хватало только пяти-шести усиков, которые торчали бы с каждой стороны. И роста он был ниже среднего.

Но тут он увидел в иллюминаторе капитанской каюты звездное небо, и у него захватило дух.

Звезды!

Таких он никогда еще не видел!

Марк ни разу не бывал за пределами Земли. (Доктор Шеффилд говорил, что именно поэтому он и заболел космической болезнью. Марк ему не верил. Он пятьдесят раз читал в книгах, что космическая болезнь имеет психогенное происхождение. Даже доктор Шеффилд иногда пытался его обмануть.)

Он ни разу не бывал за пределами Земли и привык к земному небу. Он привык видеть разбросанные по небосводу две тысячи звезд, и из них только десять — первой величины.

Здесь же они теснились несметными толпами. В одном маленьком квадрате иллюминатора их было в десять раз больше, чем на всем земном небе. А какие яркие!

Он жадно запечатлевал в уме их расположение. Звезды потрясли его. Конечно, он знал все цифровые данные о скоплении Геркулеса, содержащем до 10 миллионов звезд (точной переписи еще не было). Но цифры — это одно, а звезды — совсем другое.

Ему захотелось их сосчитать. Это желание внезапно охватило его с непреодолимой силой. Любопытно, сколько их здесь, все ли они имеют названия, известны ли их астрономические характеристики. Минутку...

Он отсчитывал их по сотням. Две, три... Он мог бы делать это и по памяти, но ему нравилось смотреть на реальные физические предметы, особенно такой потрясающей красоты. Шесть, семь...

Добродушный раскатистый голос капитана заставил его вспомнить, где он находится.

— Мистер Аннунцио? Рад вас видеть.

Марк вздрогнул и с негодованием повернулся к нему. Почему ему помешали считать? Показав на иллюминатор, он раздраженно сказал:

— Звезды!

Капитан повернулся и уставился на них.

— Ну и что! Что-нибудь неладно?

Марк стоял, глядя на широкую спину капитана и его толстый зад, на серую щетку волос, покрывавшую его голову, и на две большие руки с толстыми пальцами, переплетенными за спиной и ритмично похлопывавшими по блестящему пластику куртки.

«Что он понимает в звездах? — подумал Марк. — Какое ему дело до их размера, светимости, спектрального класса?»

Нижняя губа Марка дрогнула. Этот капитан — тоже «нонкомлос». Все на этом корабле — нонкомлосы. Так их прозвали сотрудники

мнемонической Службы. Нонкомпосы. Все до единого. Без счетной машины и пятнадцать в куб не возведут.

Марк почувствовал себя очень одиноким.

Он решил, что объяснять все это нет смысла, и сказал:

— Звезды здесь такие густые. Как гороховый суп.

— Это только кажется, мистер Аннунцио. (Капитан произносил «Аннунцио» вместо «Аннунчио», и это резало слух Марка.) — Среднее расстояние между звездами в самом густом скоплении — не меньше светового года. Места хватает, а? Правда, на вид тесновато. Это верно. Если выключить свет, они светят не хуже, чем триллион точек Чисхольма в осциллирующем силовом поле.

Но он не предложил выключить свет, а просить его об этом Марк не собирался.

— Садитесь, мистер Аннунцио, — продолжал капитан. — В ногах правды нет, а? Курите? Не возражаете, если я закурю? Жаль, вас не было тут утром. В шесть локального времени были прекрасно видны Лагранж-I и Лагранж-II. Красный и зеленый. Как светофор, а? Но вас не видно всю дорогу. Космическая болезнь одолела, а?

Эти «а?», которые капитан выкрикивал резким, визгливым голосом, страшно раздражали Марка. Он тихо ответил:

— Сейчас я чувствую себя хорошо.

Казалось, это не очень обрадовало капитана. Он залыхтел сигарой, уставился на Марка, сдвинув брови, и медленно сказал:

— Все равно, рад вас видеть. Немного познакомиться. Вашу руку. «Трижды Г» не первый раз в специальном правительственном рейсе. До сих пор никаких неприятностей. Никогда не имел неприятностей. Не желаю неприятностей. Понимаете?

Марк ничего не понимал и даже не пытался. Его жадный взгляд снова вернулся к звездам. Их расположение немного изменилось.

Капитан на мгновение перехватил его взгляд, нахмурился и, казалось, хотел положить плечами. Он подошел к пульту управления, и металлическая штора, скользя по сверкавшему звездами иллюминатору, закрыла его, как гигантское веко.

Марк вскочил, закричав в бешенстве:

— Что еще такое? Я считал их, идиот!

— Считаю!.. — капитан лобагровел, но заставил себя вежливо продолжать. — Извините. Нам нужно поговорить о деле.

На словах «о деле» он сделал едва слышное ударение.

Марк знал, что он имеет в виду.

— Говорить не о чем. Я хочу посмотреть судовой журнал. Я звонил вам несколько часов назад и так и сказал. Вы меня задерживаете.

— А не скажете ли вы, зачем вам смотреть журнал, а? — спро-

сил капитан.— Еще никто об этом не просил. Вы имеете на это право?

Марк был изумлен.

— Я имею право смотреть все, что захочу. Я из Мнемонической Службы.

Капитан запыхтел сигарой — специальной марки, выпускавшейся для космических полетов, с добавлением окислителя, чтобы не расходовать кислорода воздуха. Он осторожно ответил:

— Да? Никогда о такой не слышал. Что это такое?

— Мнемоническая Служба, и все тут.— возмущенно ответил Марк.— Это моя работа: я должен смотреть все, что захочу, и задавать любые вопросы, какие захочу. И я на это имею право.

— Но вы не получите журнал, если я не пожелаю.

— Вашего мнения не спрашивают, вы... нонкомпос!

Терпение капитана иссякло. Он в ярости швырнул на пол сигару и растоптал ее, потом подобрал остатки и тщательно запыхнул в мусоропровод.

— Куда вы гнетесь? — спросил он.— Кто вы вообще такой? Секретный агент? В чем дело? Выкладывайте сейчас же.

— Я сказал вам все, что нужно.

— Мне нечего скрывать,— сказал капитан,— но у меня есть свои права.

— Нечего скрывать? — завопил Марк.— А почему этот корабль называется «Трижды Г»?

— Такое у него название.

— Рассказывайте! В земном регистре такого нет. Я это знал с самого начала и собирался вас спросить.

Капитан заморгал глазами и ответил:

— Официальное название — «Георг Г. Гронди». Но все называют его «Трижды Г».

Марк рассмеялся.

— Ну вот, видите? А когда я посмотрю журнал, я поговорю с экипажем. У меня есть на это право. Спросите доктора Шеффилда.

— И с экипажем тоже, а? — капитан был вне себя от ярости.— Давайте сюда вашего доктора Шеффилда, и мы вас обоих запрем в каюте до посадки. Щенок!

Он схватил телефонную трубку.

4

Научный персонал «Трижды Г» был невелик для той работы, которая ему предстояла, и личный состав его был довольно молод. Может быть, не настолько, как Марк Аннунцио, который был сам

по себе, но даже самому старшему из ученых, астрофизику Эммануэлю Джорджу Саймону, еще не было тридцати девяти. А темные густые волосы и большие блестящие глаза делали его еще моложе, Правда, блеском глаз он отчасти был обязан контактными линзам.

Саймон, слишком хорошо помнивший о своем возрасте, а также и о том, что именно он назначен номинальным начальником экспедиции (о чем большинство остальных было склонно забывать), обычно напускал на себя скептическое отношение к стоявшей перед ним задаче. Вот и сейчас он, просмотрев на руках перфоленгу, дав ей снова свернуться в рулон и усевшись в самое мягкое кресло в крохотной гостиной для пассажиров, вздохнул и сказал:

— Все то же самое. Ничего.

Перед ним лежали последние цветные снимки системы двойной звезды Лагранжа, но даже их красота не производила на него никакого впечатления. Лагранж-I, поменьше и чуть горячее земного Солнца, сиял ярким зелено-голубым светом, окруженный жемчужной зеленовато-желтой короной, как изумруд в золотой оправе. Он казался не больше горошины. Недалеко от него (насколько можно было судить по фотографии) находился Лагранж-II. Он был расположен так, что казался вдвое больше Лагранжа-I (на самом деле его диаметр составлял всего $\frac{1}{5}$ диаметра Лагранжа-I, объем — половину, а масса — две трети). Его красно-оранжевые тона, к которым пленка была менее чувствительна, чем сетчатка человеческого глаза, выглядели на снимке еще тусклее, чем обычно, рядом с сиянием соседнего солнца.

Оба солнца окружала небывалая сверкающая россыпь звезд скопления Геркулеса, не тонувшая в солнечном свете благодаря специальным поляризованным объективам. Это было похоже на густо рассыпанную алмазную пыль — желтую, белую, голубую и красную.

— Ничего, — вздохнул Саймон.

— А по-моему, неплохо, — отозвался сидевший в гостиной врач Гроот Новенавгль — небольшого роста, полный человек, которого никто не называл иначе, чем «Нови».

— А где Малышка? — спросил он и нагнулся над Саймоном, глядя ему через плечо слегка близорукими глазами.

Саймон покосился на него.

— Она называется не «Малышка». Если вы имеете в виду планету Трой, то в этой проклятой мешанине звезд ее не видно. Эта картинка годится разве что для научно-популярного журнала. Толку от нее немного.

— Жаль... — разочарованно протянул Нови.

— А вам-то какая разница? — спросил Саймон. — Предполагаю,

я скажу вам, что одна из этих точек — Троя. Любая. Вы все равно не отличите ее от других, так зачем вам это?

— Нет, погодите, Саймон. Пожалуйста, не изображайте такое презрение. Это же вполне законное чувство. Мы ведь будем жить на Малышке. Как знать, может быть, на ней мы и умрем...

— Нови, здесь нет ни слушателей, ни оркестра, ни микрофонов, ни фанфар — зачем ломать комедию? Мы там не умрем. Если и умрем, будем сами виноваты, да и то скорее всего — от обжорства.

Это было сказано так, как обычно люди с плохим аппетитом говорят о любителях поесть, будто скверное пищеварение неотделимо от безупречной добродетели и интеллектуального превосходства.

— Умерло же там больше тысячи человек, — тихо сказал Нови.

— Верно. Во всей Галактике умирает миллиард человек в день.

— Но не так.

— Не как?

Нови ответил, как обычно, лениво растягивая слова, хотя это стоило ему некоторого усилия:

— Решено этот вопрос обсуждать только на официальных заседаниях.

— Нечего тут и обсуждать, — мрачно сказал Саймон. — Это просто две обыкновенные звезды. Будь я проклят, если знаю, зачем вызвался лететь. Наверное, просто потому, что представился случай увидеть вблизи необычно большую звездную систему троянского типа. И еще — взглянуть на пригодную для обитания планету с двойным солнцем. Не знаю, почему я решил, что в этом есть что-нибудь удивительное.

— Потому что вы подумали о тысяче погибших мужчин и женщин, — сказал Нови и торопливо продолжил:

— Послушайте, не можете ли вы мне сказать, что такое вообще «планета троянского типа»?

Врач стойко выдержал полный презрения взгляд собеседника и добавил:

— Ладно, ладно. Ну, я не знаю. Вы тоже не всё знаете. Что вы знаете об ультразвуковых разрезах?

— Ничего, — ответил Саймон, — и, по-моему, это очень хорошо. Я считаю, что всякая информация, выходящая за пределы прямой специальности, бесполезна и требует пустой траты умственного потенциала. С точкой зрения Шеффилда я не согласен.

— А все-таки я хочу знать. Конечно, если вы можете объяснить.

— Могу. Правда, об этом говорилось в первом информационном сообщении, если вы его слушали. У большинства кратных звезд — а это значит, у трети всех звезд, — есть какие-нибудь плане-

ты. К сожалению, они обычно непригодны для жизни. Если они достаточно далеки от центра тяготения звездной системы, чтобы иметь более или менее круговую орбиту, то на них так холодно, что их покрывают океаны жидкого гелия. Если же они достаточно близки, чтобы получать тепло, то их орбиты так неправильны, что по меньшей мере один раз за оборот они приближаются к какой-нибудь из звезд настолько, что на них и железо бы расплавилось. А здесь, в системе Лагранжа, все не так, как обычно. Обе звезды — Лагранж-I и Лагранж-II — и планета Троя со своим спутником Иллионом находятся в вершинах воображаемого равностороннего треугольника. Ясно? А такое расположение, оказывается, устойчиво; только ради чего угодно, не спрашивайте меня, почему. Считайте, что это мое профессиональное мнение.

— Мне никогда не пришло бы в голову подвергать его сомнению,— пробормотал вполголоса Нови. Казалось, Саймон остался чем-то недоволен, но продолжал:

— Вся система в целом вращается вокруг общего центра. Троя всегда находится в ста миллионах миль от каждого из солнц, а солнца — в ста миллионах миль друг от друга.

Нови почесал ухо. Он был как будто не совсем удовлетворен ответом.

— Это все я знаю. Я все-таки слушал информационное сообщение. Но почему это называется «планетой троянского типа»? Что за «троянский тип»?

Тонкие губы Саймона на мгновение сжались, как будто он усилием воли сдержал резкое слово.

— У нас в Солнечной системе тоже есть такое сочетание. Солнце, Юпитер и группа мелких астероидов образуют устойчивый равносторонний треугольник. А астероидам были даны имена Гектора, Ахиллеса, Аякса и других героев троянской войны. Поэтому... Есть необходимость продолжать?

— И это все? — спросил Нови.

— Да. Теперь вы больше не будете ко мне приставать?

— О, пропадите вы пропадом.

Нови встал, оставив возмущенного астрофизика, но за мгновение до того, как его рука коснулась кнопки на дверном косяке, дверь скользнула вбок, и в гостиную вошел Борис Вернадский — широколицый, чернобровый и большеротый геохимик экспедиции, отличавшийся неумеренным пристрастием к рубашкам в мелкий горошек и магнитным запонкам из красного пластика. Не обратив никакого внимания на раскрасневшееся лицо Нови и каменное выражение на физиономии астрофизика, он сказал:

— Братья-ученые, если вы внимательно прислушаетесь, то

услышите там, наверху, в капитанской каюте, такой взрыв, какого еще никогда не слышали.

— Что случилось? — спросил Нови.

— Капитан взял в оборот Аннунчио — этого драгоценного мага и чародея, с которым так носится Шеффилд, и тот понесся наверх с налитыми кровью очами.

Саймон, до сих пор слушавший его, фыркнул и отвернулся. Нови сказал:

— Шеффилд? Но ведь он и сердиться не умеет. Я никогда не слышал, чтобы он повысил голос.

— На этот раз он не выдержал. Когда он узнал, что мальчишка ушел из своей каюты, не сказав ему, и что капитан его кроет... Ого-го! Вы знали, что он уже гуляет, Нови?

— Нет, не знал, но это не удивительно. Такая уж штука космическая болезнь. Когда она тебя одолевает, кажется, что вот-вот умрешь. Даже хочется, чтобы поскорее. А через две минуты все как рукой снимет, и чувствуешь себя здоровым. Слабым, но здоровым. Я утром сказал Марку, что мы завтра садимся. Вероятно, это его и вылечило. Мысль о близкой посадке на планете творит чудеса при космической болезни. Ведь мы в самом деле садимся, правда, Саймон?

Астрофизик издал невнятный звук, который можно было истолковать как утвердительное ворчание. По крайней мере так понял его Нови.

— А все-таки что случилось? — спросил Нови.

— Ну, Шеффилд живет у меня в каюте с тех пор, как мальчишка загнулся. Сидит он сегодня за столом со своими дурацкими таблицами и крутит карманную вычислительную машинку, как вдруг по телефону звонит капитан. Оказывается, мальчишка у него, и капитан желает знать, зачем такое-сякое и этакое правительство вздумало подослать к нему шпиона. А Шеффилд орет ему, что проткнет его насквозь макронивелировочной трубкой Коллемора, если он что-нибудь позволит себе с мальчишкой. А потом он вылетает из каюты, бросив трубку и оставив капитана с пеной у рта от ярости.

— Вы все выдумали, — сказал Нови. — Шеффилд никогда не скажет ничего подобного.

— Ну, что-то в этом роде.

Нови повернулся к Саймону.

— Вы возглавляете нашу группу. Почему вы ничего не предпримете?

— Ну да, в таких случаях я возглавляю группу, — огрызнулся Саймон. — Если что-нибудь случается, отвечаю всегда я. Пусть разбираются сами. Шеффилд за словом в карман не полезет, а капитан

никогда не вынет рук из-за спины. Яркое описание Вернадского еще не значит, что произойдет кровопролитие.

— Да, но зачем допускать ссоры в такой экспедиции?

— Вы говорите о нашей высокой миссии? — Вернадский в приторном ужасе воздел руки и закатил глаза. — О, как страшит меня мысль о том времени, когда мы окажемся среди костей и остатков первой экспедиции!

Представившаяся всем картина не вызвала особого веселья, и все замолчали. Даже затылок Саймона — единственное, что виднелось поверх спинки кресла, — казалось, на мгновение напрягся.

5

Освальд Мейер Шеффилд, психолог, был тощ, как жердь, и обладал столь же высоким ростом, а также могучим голосом, позволявшим ему с неожиданной виртуозностью исполнять оперные арии или же спокойно, но язвительно добивать противника в споре. Когда он входил в каюту капитана, на его лице не было заметно гнева, которого можно было бы ожидать, судя по рассказу Вернадского. Он даже улыбался.

Как только он вошел, капитан набросился на него:

— Слушайте, Шеффилд...

— Минутку, капитан Фолленби, — прервал его Шеффилд. — Как ты себя чувствуешь, Марк?

Марк опустил глаза и глухо ответил:

— Все в порядке, доктор Шеффилд.

— Я не знал, что ты уже встал с постели.

В его голосе не был слышен упрек, но Марк виновато ответил:

— Я почувствовал себя лучше, доктор Шеффилд, и мне не по себе без дела. Все время, что я на корабле, я ничего не делаю. Поэтому я позвонил капитану и попросил его показать мне судовой журнал, а он вызвал меня сюда.

— Ну, хорошо. Я думаю, он не будет возражать, если ты сейчас вернешься к себе.

— Ах, не буду?... — начал капитан.

Шеффилд ласково поднял на него глаза.

— Я отвечаю за него, сэр.

И капитан почему-то не смог ничего возразить.

Марк послушно повернулся, чтобы идти. Шеффилд подождал, пока дверь за ним плотно закроется, и повернулся к капитану:

— Какого черта, капитан?

Капитан несколько раз угрожающе качнулся всем телом и с отчетливо слышимым хлопком судорожно сцелил руки за спиной.

— Этот вопрос должен задать я. Я здесь капитан, Шеффилд.
— Я знаю.

— Знаете, что это значит, а? Пока этот корабль находится в космосе, он рассматривается как планета, и мне предоставлена на ней абсолютная власть. В космосе мое слово — закон. Даже Центральный Комитет Конфедерации не может его отменить. Я должен поддерживать дисциплину, и никакие шпионы...

— Ладно. А теперь, капитан, послушайте, что я вам скажу. Вас зафрахтовало Бюро по делам периферии, чтобы вы доставили правительственную экспедицию в систему Лагранжа, находились там столько, сколько понадобится для ее работы и сколько позволит безопасность экипажа и корабля, а потом доставили нас домой. Вы подписали договор и приняли на себя некоторые обязательства. Например, вы не должны трогать или портить наши приборы.

— Кто же их трогает? — возмутился капитан, Шеффилд спокойно ответил:

— Вы. Капитан, оставьте в покое Марка Аннунчио. Вы не должны его трогать, так же как вы не трогаете монохром Саймона и микрооптику Вайо. Ясно?

Облаченная в мундир грудь капитана поднялась.

— Я не желаю выслушивать приказания на борту своего собственного корабля. Ваши разговоры — нарушение дисциплины, мистер Шеффилд. Еще слово — и вы будете арестованы в своей каюте вместе с вашим Аннунчио. Не нравится — можете обращаться в Контрольное бюро, когда вернетесь. А до тех пор — помалкивайте!

— Пойдите, капитан, дайте мне объяснить. Марк — из Мнемонической Службы...

— Ну конечно, он так и говорил. Мнемоническая служба, мнемоническая служба... По-моему, это просто тайная полиция. Так вот, на борту моего корабля этого не будет, а?

— Мнемоническая Служба, — терпеливо повторил Шеффилд. — Это от греческого слова «память».

Капитан прищурился.

— Он что, все запоминает?

— Именно, капитан. Понимаете, это отчасти я виноват. Я должен был поставить вас в известность об этом. Я так и сделал бы, если бы мальчик не заболел сразу после старта. Я больше ни о чем не мог думать. И потом мне не приходило в голову, что он может заинтересоваться самим кораблем. Хотя почему же нет? Его все должно интересовать.

— Все, а? — капитан взглянул на стенные часы. — Так поставьте меня в известность сейчас, а? Без долгих разговоров. И вообще поменьше разговоров. Время ограничено.

— Это недолго, уверяю вас. Вот, капитан, вы старый космический волк. Сколько обитаемых планет входит в Конфедерацию?

— Восемьдесят тысяч,— ответил капитан не задумываясь.

— Восемьдесят три тысячи двести,— поправил Шеффилд.— Кто, по-вашему, руководит такой огромной политической организацией? Капитан снова без колебаний ответил:

— Вычислительные машины.

— Верно. Существует Земля, где половина населения обслуживает правительство и только и делает, что считает, а на всех других планетах есть вычислительные центры. И все равно многие сведения теряются. Каждая планета знает что-то такое, чего не знают другие. Даже почти каждый человек. Возьмите нашу маленькую группу. Вернадский не знает биологии, а я ничего не понимаю в химии. Ни один из нас, кроме Фоукса, не мог бы пилотировать самый простой патрульный космолет. Поэтому мы и работаем вместе: каждый приносит те познания, которых не хватает другим. Но тут есть одна зацепка. Ни один из нас не знает точно, что именно из того, что он знает, важно для других при данных обстоятельствах. Мы же не можем сидеть и рассказывать друг другу все, что знаем. Поэтому приходится гадать, и не всегда правильно. Например, есть два факта, А и Б, которые очень хорошо вяжутся друг с другом. И А, который знает факт А, говорит Б, который знает факт Б: «Почему же ты мне это не сказал десять лет назад?». А Б отвечает: «Я не знал, что это так важно», или «А я думал, об этом все знают».

— Вот для этого и нужны вычислительные машины,— сказал капитан.

— Но их возможности ограничены, капитан,— возразил Шеффилд.— Им нужно задавать вопросы; больше того, вопросы должны быть только такие, чтобы их можно было выразить ограниченным набором символов. А кроме того, машины все понимают буквально. Они отвечают на вопрос, который вы задаете, а не на тот, что вы при этом имеете в виду. Бывает, никому не приходит в голову задать нужный вопрос или ввести в машину нужные символы, а в таких случаях по своей инициативе она информацию не выдает. Нам, всему человечеству нужна не механическая вычислительная машина, а машина, наделенная воображением. Вот одна такая машина, капитан,— Шеффилд постучал себя пальцем по виску.— У каждого такая есть, капитан.

— Может быть,— проворчал капитан,— только я уж лучше предпочту обычную, а? Ту, что с кнопками.

— Вы уверены? Ведь у машин не бывает неожиданных догадок. А у вас бывают.

— А это относится к делу? — капитан снова взглянул на часы.

— Где-то в глубине человеческого мозга хранятся все сведения, которые ему попадают. Сознательно он помнит очень немногое, но все они там есть, и по ассоциации могут вспомниться любые из них, а человек даже не будет знать, откуда что взялось. Это и называется догадкой, или интуицией. У некоторых людей это получается лучше, чем у других. А некоторых можно этому научить. Кое-кто почти достигает совершенства, как Марк Аннунчио и еще сотня ему подобных. Я надеюсь, что когда-нибудь их будет миллиард, и тогда Мнемоническая Служба в самом деле заработает.

— Всю свою жизнь,— продолжал Шеффилд,— эти люди ничего не делают — только читают, смотрят и слушают. И учатся делать это все лучше, эффективнее. Независимо, какие сведения они запоминают. Эти сведения могут на первый взгляд не иметь ни смысла, ни значения. Пусть кому-нибудь из мнемонистов вздумается целую неделю изучать результаты соревнований по космическому поло в секторе Канопуса за последние сто лет. Любые сведения могут когда-нибудь пригодиться. Это основная аксиома. А время от времени кто-нибудь из мнемонистов делает такие сопоставления, какие не могла бы сделать ни одна машина. Потому что ни одна машина не может располагать этими совершенно не связанными между собой сведениями, а если она их и имеет, то ни один нормальный человек никогда не задаст ей нужного вопроса. Одна хорошая корреляция, предложенная Мнемонической Службой, может окупить все затраты на нее за десять лет, а то и больше.

Капитан забеспокоился и поднял свою широкую руку:

— Погодите. Аннунчио сказал, что в земных регистрах нет корабля под названием «Трижды Г». Значит, он знает наизусть все названия, какие только есть в регистрах?

— Вероятно. Наверное, он прочитал Регистр торговых судов. В этом случае он знает все названия, тоннаж, годы постройки, порты приписки, численность экипажа и все остальное, что есть в Регистре.

— И еще он считал звезды.

— А почему бы и нет? Это тоже информация.

— Будь я проклят!

— Не исключено, капитан. Но я хочу сказать, что люди, подобные Марку, не такие, как все. Он получил необычное, ненормальное воспитание, у него выработалось необычное, ненормальное восприятие жизни. С тех пор, как в пятилетнем возрасте он поступил в Мнемоническую Службу, он впервые покинул ее территорию. Он легко возбудим, и ему можно нанести непоправимый вред. Это не должно произойти, и мне поручено следить, чтобы этого не случилось. Он — мой прибор; он ценнее, чем любой прибор на этом корабле. Таких, как он, на весь Млечный Путь всего сотня.

Лицо капитана Фолленби ясно выражало уязвленное чувство собственного достоинства.

— Ну, ладно. Значит, журнал. Строго конфиденциально, а?

— Строго. Он рассказывает все только мне, а я никому не рассказываю, если только не сделано ценное сопоставление.

Судя по виду капитана, это не совсем соответствовало тому, что он понимал под словами «строго конфиденциально», но он сказал:

— И никаких разговоров с экипажем.

После многозначительной паузы он добавил:

— Вы знаете, что я имею в виду.

Шеффилд шагнул к двери.

— Марк в курсе дела. Поверьте, экипаж от него яичего не узнает.

Когда он уже выходил, капитан окликнул его:

— Шеффилд!

— Да?

— А что такое «нонкомпос»?

Шеффилд подавил улыбку.

— Он вас так назвал?

— Что это такое, я спрашиваю!

— Просто сокращение слов «нон компос ментис». Все мнемонисты называют так всех, кто не принадлежит к Мнемонической Службе. Это относится и к вам. И ко мне. По-латыни это значит «не в своем уме». И знаете, капитан, по-моему, они правы.

Он быстро вышел.

6

На просмотр судового журнала Марку Аннунцио понадобилось секунд пятнадцать. Он ничего там не понял, но он не понимал большинство из того, что запоминал. Это его не смущало. Не смутило его и то, что журнал оказался скучным. Но Марк так и не нашел там того, что искал, и отложил журнал со смешанным чувством облегчения и неудовольствия.

Марк направился в библиотеку и просмотрел десятка четыре книг с такой скоростью, какую только позволяло развитое сканирующее устройство. В детстве он три года учился так читать и до сих пор с гордостью вспоминал, как на выпускных экзаменах установил рекорд школы.

Наконец Марк забрел в лабораторный отсек и начал заглядывать то в одну, то в другую лабораторию. Он не задавал никаких вопросов и уходил, как только кто-нибудь обращал на него внимание.

Марк ненавидел их невыносимую привычку глядеть на него, как на какое-то диковинное животное. Он ненавидел их всезнающий вид, как будто стоило тратить все возможности мозга на один крохотный предмет и при этом помнить какую-то ничтожную его часть.

Конечно, со временем придется задавать им вопросы. Это его работа, а даже если бы и было иначе, он все равно бы не удержался — из любопытства. Впрочем, он надеялся выдержать до тех пор, когда они сядут на планету.

Марк был рад, что корабль находится уже в пределах звездной системы. Скоро он увидит новую планету с новыми солнцами, да еще двумя, и новой луной. Четыре объекта, каждый из которых содержит свеженькую информацию; бездна фактов, которые можно любовно собирать и сортировать...

У Марка захватило дух при одной мысли об этой бесформенной горе сведений, которая его ожидала. Ему представился собственный мозг в виде огромной картотеки с перекрестным указателем, простиравшейся бесконечно во всех направлениях. Аккуратный, четкий, хорошо смазанный механизм высочайшей точности.

Он чуть не засмеялся, подумав о тех пыльных чердаках, которые называют своим мозгом нонкомпасы. Он чувствовал это даже тогда, когда говорил с доктором Шеффилдом. А тот еще был из лучших: он очень старался все понять, и иногда это ему почти удавалось. У всех остальных пассажиров корабля были не мозги, а дровяные склады — пыльные дровяные склады, заваленные трухой, и достать оттуда можно было только то, что лежало сверху.

Бедные глупцы! Он бы их пожалел, не будь они такими злобными. Если бы они только знали, на что похожи их мозги! Если бы они это поняли!

Все свободное время Марк проводил в наблюдательных рубках, следя за приближением новых миров.

Корабль прошел недалеко от Илиона. Саймон педантично называл планету, куда они направлялись, Тройей, а ее спутник — Илионом, хотя все остальные окрестили их Малышкой и Сестренкой. По другую сторону от двух солнц, в противоположной «тройанской точке», находилась группа астероидов. Саймон называл их «Лагранж-Эпсилон», все остальные — Щенками.

Все эти смутные мысли пронеслись одновременно в мозгу Марка, как только он подумал об Илионе. Он почти не осознал их и пропустил как не представляющие в данный момент интереса. Еще более смутно и еще глубже в его подсознании зашевелилось еще сотен пять подобных нехитрых кличек, заменявших торжественные астрономические наименования. Некоторые из них он где-то

вычитал, другие услышал в субэфирных передачах, третьи узнал из обычных разговоров, а некоторые встречались ему в последних известиях. Кое-что ему говорили прямо, кое-что было подслушано. Даже «Трижды Г», заменившее «Георга Г. Гронди», тоже стояло в этой туманной картотеке.

Шеффилд часто спрашивал Марка о том, что происходило в его мозгу — спрашивал очень мягко, очень осторожно.

— Мнемонической Службе нужно много таких, как ты, Марк. Миллионы, а со временем — и миллиарды, если наша раса заселит всю Галактику. А откуда они возьмутся? Полагаться на врожденный талант не приходится. Им наделены все мы, в большей или меньшей степени. Важнее всего обучение, а чтобы обучать, мы должны узнать, как это делается.

И, понуждаемый Шеффилдом, Марк следил за собой, слушал себя, изучал себя, пытаясь это осознать. Он понял, что его мозг подобен гигантской картотеке; он видел, как карточки строятся одна за другой; он заметил, как нужные сведения выскакивают по первому зову, трепеща от готовности служить. Это было трудно объяснить Шеффилду, но он старался, как мог.

И его уверенность в себе росла. Забывались тревоги его детства, первых лет Службы. Он перестал просыпаться среди ночи, весь в поту, с криком ужаса при мысли о том, что он может все забыть. Прекратились и головные боли.

Марк увидел в иллюминаторе Илион. Он был ярче, чем любая луна, какую только Марк мог себе представить. (В его мозгу в убывающем порядке проплыли цифры — отражающая способность поверхности трехсот обитаемых планет. Он почти не обратил на них внимания.)

Перед ним ослепительно сверкали огромные пятна неправильной формы. Недавно Марк подслушал, как Саймон, устало отвечая на чей-то вопрос, сказал, что когда-то это было морское дно. Тут же в мозгу Марка возник еще один факт. В первом сообщении Хидошеки Макоямы говорилось, что состав этих ярких солевых отложений — 78,6% хлористого натрия, 19,2% карбоната магния, 1,4% сульфата ка... Мысль оборвалась — она была не нужна.

На Илионе была атмосфера. Всего около 100 миллиметров ртутного столба. (Чуть больше $\frac{1}{3}$ земной, в десять раз больше марсианской, 0,254 атмосферы Коралемона, 0,1376 — Авроры...) Он лениво следил, как растут десятичные знаки. Это было полезное упражнение, но скоро оно ему надоело. Мгновенный счет они проходили еще в пятом классе. Сейчас для него представляли трудность лишь интегралы. Иногда ему приходило в голову: это оттого, что он не знает, что такое интеграл. Мелькнуло полдюжины определений, но

ему не хватало математических знаний, чтобы их понять, хотя процитировать их на память он мог.

В школе им всегда говорили: «Старайтесь не увлекаться каким-нибудь одним предметом или темой. Как только вы заинтересуетесь, вы начнете отбирать факты, а этого вы никогда не должны делать. Для вас важно все. Раз уж вы запомнили тот или иной факт, неважно, понимаете вы его или нет».

А нонкомпосы думают иначе. Зазнавшиеся дырявые мозги!

Теперь они приближались к самой Малышке. Она тоже ярко светилась, но по-своему. На севере и на юге планеты сверкали полярные шапки. (Перед глазами Марка поплыли страницы учебников палеоклиматологии Земли, но он не стал их останавливать.) Полярные шапки отступали. Еще миллион лет — и на Малышке будет такой же климат, как сейчас на Земле. Размер и масса Малышки были такими же, как у Земли, в период ее вращения составлял 36 часов.

Это был настоящий двойник Земли. А те отличия, о которых говорилось в сообщении Макоямы, были в пользу Малышки. Насколько было известно до сих пор, на Малышке ничто не угрожало человеку. Никто и не подумал бы, что там может таиться какая-то опасность.

Если бы только не то обстоятельство, что первая колония людей на этой планете погибла до последнего человека.

Хуже того, это произошло таким образом, что вся сохранившаяся информация никак не могла объяснить, что же все-таки случилось.

7

За два часа до посадки Шеффилд пришел в каюту к Марку. Сначала их поселили в одной каюте. Это был эксперимент: мнемонисты не любили находиться в обществе нонкомпосов. Даже самых лучших. Во всяком случае, эксперимент не удался. Почти сразу же после старта покрытое испариной лицо и умоляющие глаза Марка ясно показали, что ему необходимо остаться одному.

Шеффилд чувствовал себя виноватым. Он отвечал за все, что было связано с Марком, — неважно, была в этом его вина или нет. Он и ему подобные брали детей вроде Марка и своим воспитанием губили их. Их рост искусственно ускоряли. Из них делали все, что хотели. Им не разрешали общаться с нормальными детьми, чтобы они не приобрели привычки к нормальному мышлению. Ни один мнемонист еще не вступил в нормальный брак, даже в пределах своей группы.

Поэтому Шеффилд чувствовал себя страшно виноватым.

Первую дюжину таких ребят вырастили двадцать лет назад в школе Ю. Караганда. Со временем Караганда по каким-то неясным причинам покончил с собой, но другие психологи, менее гениальные, но более респектабельные, и в том числе Шеффилд, успели поработать с ним и стать его учениками. Школа росла, к ней прибавились другие. Одна из них даже была основана на Марсе. В данный момент в ней училось пять человек. По последним сведениям, в живых насчитывалось 103 человека, прошедших полный курс (естественно, до конца доучивалась лишь малая часть поступавших). А пять лет назад Общепланетное правительство Земли организовало в системе Департамента внутренних дел Мнемоническую Службу.

Мнемоническая Служба уже окупилась сторицей, но об этом знали лишь немногие. Общепланетное правительство не устраивало вокруг нее шума. Это было его уязвимое место — эксперимент, неудача которого могла дорого обойтись. Оппозиция, которую с трудом уговорили не замешивать этого вопроса в предвыборную кампанию, не упускала случая поговорить на общепланетных съездах о «разбазаривании средств налогоплательщиков». И это — несмотря на то, что существовали документальные доказательства обратного.

В условиях машинной цивилизации, заполнившей всю Галактику, трудно научиться оценивать достижения невооруженного разума. Этому нужно долго учиться. «Сколько же?» — подумал Шеффилд.

Однако в присутствии Марка следовало скрывать грустные мысли. Слишком велика опасность того, что это повлияет на его настроение. Поэтому Шеффилд сказал:

— Ты выглядишь прекрасно.

Марк, казалось, был рад с ним увидеться. Он задумчиво произнес:

— Когда мы вернемся на Землю, доктор Шеффилд...

Он загнулся, слегка покраснел и продолжал:

— То есть, если мы вернемся, я достану, сколько смогу, книг и пленок о народных обычаях и суевериях. Я почти ничего о них не читал. Я был в корабельной библиотеке — там на эту тему ничего нет.

— А почему это тебя интересует?

— Да это все капитан. Вы, кажется, говорили — он сказал, команда не должна знать, что мы посетим такую планету, на которой погибла первая экспедиция?

— Да, конечно. Ну и что?

— Потому что космолетчики считают плохой приметой посадку

на такой планете, особенно если она с виду безобидна, да? Их называют «ловушками для простаков».

— Верно.

— Так говорит капитан. Но только, по-моему, это неправда. Я помню, что есть семнадцать годных для жизни планет, с которых не вернулись первые экспедиции и не основали там колоний. И все равно потом все они были освоены и теперь входят в Конфедерацию. Взять хотя бы Сарматию — теперь это вполне приличная планета.

— Но есть и такие планеты, где постоянно происходят несчастья.

Шеффилд нарочно сказал это в утвердительной форме. «Никогда не задавайте наводящих вопросов», — таков один из Законов Караганды. Мнемонические сопоставления — не сознательное порождение разума; они не подчиняются воле человека. Как только задается прямой вопрос, появляются в изобилии сопоставления, но лишь такие, какие мог бы сделать любой более или менее сведущий человек. Только подсознание может перебросить мостик через огромные, неожиданные пробелы.

Марк попался на эту удочку, как это сделал бы на его месте любой мнемонист. Он энергично возразил:

— Нет, я о таких не слыхал. Во всяком случае, если планета вообще годится для жизни. Если она вся ледяная или сплошная пустыня — тогда другое дело. Но Малышка не такая.

— Да, не такая, — согласился Шеффилд.

— Тогда почему бы команде ее бояться? Я думал об этом все время, пока лежал в постели. Вот почему я и решил посмотреть судовой журнал. Я никогда ни одного не видел, так что все равно это было бы полезно. И, конечно, я думал, что найду там правду.

— Угу, — произнес Шеффилд.

— И, знаете, я, кажется, ошибался. Во всем журнале нигде не говорится о цели экспедиции. Это значит, что цель составляет секрет. Похоже, что он держит ее в тайне даже от других офицеров корабля. А корабль там в самом деле назван «Георг Г. Гронди».

— А как же иначе?

— Ну, не знаю. У меня были кое-какие подозрения насчет «Трижды Г», — загадочно ответил Марк.

— Ты как будто разочарован, что капитан не солгал, — сказал Шеффилд.

— Не разочарован. Пожалуй, я чувствую облегчение. Я думал... Я думал...

Он замолчал в крайнем смущении, но Шеффилд и не пытался прийти ему на помощь. Марку пришлось продолжать:

— Я думал, может быть, все мне говорят неправду, а не только капитан? Может быть, даже вы, доктор Шеффилд. Я думал, вы просто почему-то не хотите, чтобы я разговаривал с экипажем.

Шеффилд попытался улыбнуться, что ему удалось. Подозрительность была профессиональным заболеванием мнемонистов. Они жили отдельно от остальных людей и многим отличались от них. Последствия этого были ясны.

Шеффилд весело ответил:

— Я думаю, когда ты прочитаешь про народные поверья, ты увидишь, что они могут быть совершенно нелогичными. От планеты, пользующейся дурной славой, ждут зла. Если случается что-нибудь хорошее, на это не обращают внимания, а обо всем плохом кричат на каждом перекрестке, да еще с преувеличениями. Молаа растет, как снежный ком.

Шеффилд подошел к гидравлическому креслу. Скоро посадка. Он без всякой надобности потрогал широкие ляжки и, стоя спиной к юноше, чтобы тому не было видно его лицо, произнес почти шепотом:

— Но, конечно, хуже всего то, что Малышка совсем не такая, как те планеты.

(«Полегче, полегче. Не нажимай. Это уже не первая попытка...»)

— Нет, ничуть,— отвечал Марк.— Те экспедиции, что погибли, были не такими. Вот это верно.

Шеффилд стоял, повернувшись к нему спиной, и ждал. Марк продолжал:

— Все семнадцать экспедиций, что погибли на планетах, которые сейчас заселены, были маленькими разведочными партиями. В шестнадцати случаях причиной гибели была какая-нибудь авария с кораблем, а в семнадцатом, на Малой Кома,— неожиданное нападение местной формы жизни — конечно, не разумной. Я помню все подробности...

Шеффилд невольно затаил дыхание. Марк и в самом деле мог рассказать все подробности. Все. Прочитывать на память все сообщения каждой из экспедиций, слово в слово, было для него так же легко, как сказать «да» или «нет». И он это сделает, если ему вздумается. Мнемонисты не обладают избирательностью. Это было одним из обстоятельств, которые делали невозможным их нормальное общение с нормальными людьми. По существу своему все мнемонисты — страшные зануды. Даже Шеффилд, привычный выслушивать все и не собиравшийся прерывать Марка, если тому захотелось поговорить, даже он вздохнул про себя.

— ...Но это неважно,— продолжал Марк, и Шеффилд почувствовал огромное облегчение.— Они просто были совсем не такими,

как экспедиция на Малышку. Это же была настоящая колония — 789 мужчин, 207 женщин и 15 детей моложе тринадцати лет. За первый же год к ним прибавилось еще 315 женщин, 9 мужчин и двое детей. Колония просуществовала почти два года, и причина ее гибели не установлена, если не считать того, что судя по их сообщениям, это могла быть какая-то болезнь. Вот в чем действительно есть различие. Но сама Малышка ничем не выделяется,— конечно, если не говорить о...

Марк умолк, как будто это было слишком несущественно и не заслуживало упоминания. Шеффилд чуть не закричал от нетерпения, но заставил себя спокойно произнести:

— А, об этом...

Марк сказал:

— Ну, это все знают. У Малышки два солнца, а у других — по одному.

Психолог чуть не заплакал от разочарования. Опять неудача!

Но что делать? В другой раз может повезти. С мнемонистом приходится быть терпеливым, иначе от него не будет никакого толку.

Он сел в гидравлическое кресло и поплотнее пристегнулся. Марк сделал то же (Шеффилд хотел бы ему помочь, но это было бы неразумно). Он взглянул на часы. Уже сейчас они, вероятно, спиралью идут на снижение.

Кроме разочарования, Шеффилд ощущал сильное беспокойство. Марк Аннунцио поступил неправильно, начав действовать согласно своему убеждению, будто капитан и все остальные его обманывают. Мнемонисты нередко думали, что раз им известно огромное количество фактов,— значит, они знают все. Очевидно, это было их первейшее заблуждение. Поэтому они должны (так говорил Караганда!) сообщать свои сопоставления соответствующему начальству и никогда не должны действовать сами.

Но что означал этот проступок Марка? Он первым из мнемонистов покинул территорию Службы, первым расстался с себе подобными, первым оказался в одиночестве среди нонкомпосов. Как это на него подействует? Что он будет делать дальше? Не будет ли беды? И если будет, то как ее предотвратить?

На все эти вопросы доктор Освальд Мейер Шеффилд ответить не мог.

8

Тем, кто управлял кораблем, повезло. Им и, конечно, Саймону, который в качестве астрофизика и начальника экспедиции присоединился к ним по специальному разрешению капитана. Осталь-

ные члены экипажа были заняты на своих постах, а ученые на время спирального спуска к Малышке предпочли относительный комфорт саонх гидравлических кресел.

Самым великолепным это зрелище было тогда, когда Малышка была еще довольно далеко, и всю ее можно было окинуть взглядом.

На севере и на юге треть планеты покрывали ледяные шапки, только начавшие свое тысячелетнее отступление. Посадочная спираль «Трижды Г» была проложена с севера на юг специально, чтобы можно было разглядеть полярные области, как настоял Саймон, хотя это была и не самая безопасная траектория. Поэтому под ними рвостилалась то одна, то другая ледяная шапка. Обе они одинаково сияли в солнечных лучах: ось Малышки не имела наклона. И каждая шапка была разделена на секторы, как торт, разрезанный радужным ножом.

Одна треть была освещена обокми солнцами и сверкала ослепительно белым светом, который понемногу желтел к западу и зеленел к востоку. Восточнее белого сектора лежал следующий, вдвое уже его, освещенный только Лагранжем-I, и здесь снег горел сапфировыми отблесками. К западу еще полсектора, доступные только лучам Лагранжа-II, светились теплыми оранжево-красными тонами земного заката. Цвета полосами переходили друг в друга, отчего сходство с радугой еще усиливалось.

И, наконец, последняя треть казалась сравнительно темной, но можно было разглядеть, что и она делится на неравные части. Меньшая была в самом деле черной, а большая — слегка молочного цвета.

— Лунный свет? Ну, конечно,— пробормотал Саймон и поспешно огляделся, не слышал ли кто-нибудь. Он не любил, когда кто-то наблюдал за тем, как в его уме складываются заключения. Они должны были представлять парад студентами и слушателями в готовом, законченном виде, без всяких следов рождения и развития.

Но вокруг сидели только космонавты, которые ничего не слышали. В своих полетах они всякого насмотрелись, но здесь и они отрывались от приборов лишь для того, чтобы пожирать глазами открывавшиеся перед ними чудесные картины.

Спираль спуска изогнулась, переменяла свое направление на юго-западное, потом на западное, обещавшее меньше всего риска при посадке. В рубку проник глухой рев прорезаемой атмосферы — сначала резкий и высокий, но становившийся все более низким и гулким.

До сих пор в интересах научных наблюдений (и к немалому беспокойству капитана) спираль была крутой, скорость снижалась

медленно, а облетам планеты не было конца. Но как только корабль вошел в воздушную оболочку Малышки, перегрузки резко возросли, а поверхность планеты как будто бросилась им навстречу.

Ледяные шапки исчезли из виду, сменившись равномерным чередованием суши и воды. Под ними все реже и реже проносился материк с гористыми окраинами и равниной посередине, как суповая миска с двумя ледяными ручками. Материк занимал половину планеты — остальное было покрыто водой.

Большая часть океана в этот момент приходилась на темный сектор, а остальное было залито красновато-оранжевым светом Лагранжа-II. В этом свете вода казалась тускло-пурпурной. Там и сям виднелись багровые точки, к северу и к югу их становилось больше. Айсберги!

Часть суши находилась в красновато-оранжевом полусекторе, другая часть была освещена ярким белым светом. Только восточное побережье казалось синевато-зеленым. Поразительное зрелище представлял восточный горный хребет. Его западные склоны были красными, восточные — зелеными.

Корабль быстро замедлял свое движение. Он в последний раз пролетел над океаном. Началась посадка.

9

Первые шаги экспедиции на новой планете были достаточно осторожными и медленными. Саймон долго разглядывал цветные фотографии Малышки, снятые из космоса с наибольшей возможной точностью. По требованию членов экспедиции снимки были розданы и им, и не один из них застонал про себя при мысли, что в погоне за комфортом лишил себя возможности видеть это великолепие в оригинале.

Борис Вернадский, что-то ворча, не отрываясь от своего газового анализатора.

— По-моему, мы примерно на уровне моря,— сказал он.— Судя по величине g .

И он небрежно добавил, объясняя остальным:

— То есть гравитационной постоянной.

Большинство все равно ничего не поняло, но он продолжал:

— Атмосферное давление — около 800 миллиметров ртутного столба, значит, процентов на 5 выше, чем на Земле. И из них 240 миллиметров — кислород, а на Земле только 150. Неплохо.

Он как будто ожидал одобрительных откликов, но ученые предпочитали как можно меньше высказываться по поводу данных из чужой области. Вернадский продолжал:

— Конечно, азот. Скучно — природа повторяется, как трехлетний ребенок, который выучил только три урока. Теряешь всякий интерес, когда видишь, что планета, где есть вода, всегда имеет кислородно-азотную атмосферу. Тоска, да и только.

— Что еще в атмосфере? — раздраженно спросил Саймон. — До сих пор мы слышали только про кислород, азот и еще познакомились с собственными соображениями дядюшки Бориса.

Вернадский оперся на спинку кресла и довольно добродушно огрызнулся:

— А вы кто такой? Начальник, что ли?

Саймон, для которого руководство экспедицией сводилось к необходимости писать длинные отчеты для Бюро, покраснел и мрачно повторил:

— Что еще есть в атмосфере, доктор Вернадский?

Не глядя в свои записи, Вернадский ответил:

— От 0,01 до 1 процента водорода, гелия и двуокиси углерода — в порядке убывания. От 0,0001 до 0,001 процента метана, аргона и неона в порядке убывания. От 0,000001 до 0,00001 процента радона, криптона и ксенона в порядке убывания. Информация не очень обильная. Все, что я могу из этих цифр извлечь, — это то, что Малышка окажется богатой ураном, бедной калием, и не удивительно, что у нее такие симпатичные ледяные шапки.

Это было сказано явно в расчете на то, что кто-нибудь удивленно спросит, откуда он знает, и кто-то, конечно, спросил. Довольный Вернадский ласково улыбнулся и ответил:

— Радона в атмосфере в 10—100 раз больше, чем на Земле. Гелия тоже. Радон и гелий образуются при радиоактивном распаде урана и тория. Вывод: урановых и ториевых минералов в коре Малышки в 10—100 раз больше, чем в земной. С другой стороны, аргона более чем в 100 раз меньше, чем на Земле. Скорее всего, на Малышке вовсе не осталось первоначального аргона. На планетах такого типа аргон может образовываться только из калия-40 — одного из изотопов калия. Мало аргона — значит, мало калия. Проще пареной репы.

Один из ученых спросил:

— А насчет ледяных шапок?

Саймон, который знал ответ на этот вопрос, перебил Вернадского, собравшегося было ответить:

— Каково точное содержание двуокиси углерода?

— Ноль ноль шестнадцать миллиметра, — ответил Вернадский.

Саймон кивнул и от дальнейших разговоров воздержался.

— Ну и что? — нетерпеливо спросил тот, кто задал первый вопрос.

— Двуокиси углерода примерно вдвое меньше, чем на Земле, а она вызывает парниковый эффект. Она пропускает к поверхности коротковолновую часть солнечного излучения, но не выпускает наружу длинноволновое тепловое излучение планеты. Когда в результате вулканической деятельности содержание двуокиси углерода повышается, планета нагревается, и начинается каменноугольный период с высоким уровнем океанов и минимальной поверхностью суши. Когда растительность начинает поглощать бедную двуокисью углерода и толстеть за ее счет, температура падает, образуются ледники, начинается порочный круг оледенения, и вот пожалуй ста...

— Что-нибудь еще есть в атмосфере?— спросил Саймон.

— Водяные пары и пыль. И адобавок, вероятно, в каждом кубическом сантиметре взвешено несколько миллионов возбудителей разных заразных болезней.

Он произнес это довольно весело, но по комнате прошло какое-то движение. У многих захватило дыхание. Вернадский пожал плечами и сказал:

— Пока погодите волноваться. Мой анализатор хорошо отмывает пыль и споры. И вообще это не мое дело. Предлагаю Родригесу сейчас же вырастить свои проклятые культуры под стеклом. Под хорошим толстым стеклом!

10

Марк Аннунчио бродил повсюду. Он слушал с сияющими глазами и лез везде, чтобы слышать лучше. Члены экспедиции терпели это, относясь к нему с разной степенью неприязни в зависимости от характера и темперамента. Никто с ним не заговаривал.

Шеффилд держался поблизости от Марка. Он тоже почти не разговаривал. Все его усилия были направлены на то, чтобы не попадаться Марку на глаза. Он не хотел, чтобы Марк чувствовал, будто он его преследует; он хотел, чтобы мальчик чувствовал себя свободным. Он старался, чтобы каждое его появление выглядело случайным.

Он чувствовал, что эти попытки тщетны, но что он мог поделаться? Он должен следить, чтобы мальчик не впутался в беду.

11

Микробиолог Мигель Антонио Родригес-и-Лопес был смуглый человек небольшого роста с иссиня-черными длинными волосами и репутацией заправского сердцееда, как и подобало представителю

латинской расы (избавиться от этой репутации он не стремился). Со своей обычной тщательностью и аккуратностью он вырастил культуры микроорганизмов из пыли, уловленной газовым акализатором Вернадского.

— Ничего,— сказал он в конце концов.— Те дурацкие культуры, которые растут, выглядят совершенно безвредными.

Ему возразили, что бактерии Малышки могут только казаться безобидными и что токсины и метаболические процессы нельзя изучать на глазок, даже вооружившись микроскопом.

Это вторжение в область его профессии возмутило его. Подняв бровь, он заявил:

— У меня на это чутье. Кто с мое поработает с микромиром, начинает чутать, есть опасность или нет.

Это было чистейшее хвастовство, но Родригес сумел подтвердить свои слова, тщательно перенеся пробы различных колоний микробов в буферные изотонические растворы и введя их концентрат хомякам, что не произвело на них никакого впечатления.

В большие контейнеры взяли пробы воздуха и впустили туда несколько мелких животных с Земли и других планет. На них это тоже не произвело впечатления.

12

Ботаником экспедиции был Невил Фоукс, державшийся весьма высокого мнения о своей красоте и подчеркивавший ее прической наподобие той, с которой древние скульпторы обычно изображали Александра Македонского; правда, наружность Фоукса сильно портил нос, куда более орлиный, чем у Александра. В течение двух суток (по счету Малышки) Фоукс совершал облет планеты на одной из атмосферных ракет «Трижды Г». Он был единственный человек на корабле, помимо экипажа, который умел управлять такой ракетой, так что задача, естественно, легла на его плечи. Казалось, Фоукс не слишком этому радовался.

Он вернулся в целостности и сохранности, не пытаясь скрыть улыбку облегчения. Его облучили, чтобы стерилизовать поверхность эластичного скафандра, предназначенного для защиты от губительного действия внешней среды на планетах с нормальным давлением: в таких случаях прочный суставчатый космический скафандр был не нужен. Ракету еще сильнее облучили и укрыли пластиковым чехлом.

Фоукс с гордостью демонстрировал множество цветных снимков. Центральная равнина континента была невероятно плодородной. Реки были полноводны, горы — круты и покрыты снегом, с

обычными пиротехническими эффектами солнечного освещения. При свете одного Лагранжа-II растительность казалась мрачноватой, темной, как залекшаяся кровь. Но в лучах Лагранжа-I или обоих солнц сразу яркая пышная зелень и блеск многочисленных озер (особенно на севере и на юге, у кромки отступающих ледников) заставили многих с тоской вспомнить далекую родину.

— Посмотрите,— сказал Фоукс.

Он снизился, чтобы снять луг, поросший огромными цветами ярко-алого цвета. При высоком ультрафиолетовом излучении Лагранжа-I экспозиции были по необходимости очень короткими, и несмотря на скорость ракеты, каждый цветок выделялся ярким, разким пятном.

— Уверю вас,— сказал Фоукс,— каждый из них не меньше двух метров в поперечнике.

Все не скрывали своего восхищения цветами. Потом Фоукс добавил:

— Конечно, никакой разумной жизни.

Шеффилд поднял взгляд от фотографий. В конце концов люди и разум были его специальностью.

— Откуда вы знаете?

— Посмотрите сами,— сказал ботаник.— Вот фотографии. Никаких городов, никаких дорог, никаких искусственных водоемов, никаких признаков искусственных сооружений.

— Это значит, что нет машинной цивилизации,— возразил Шеффилд,— только и всего.

— Даже обезьянолюди построили бы хижины и разводили бы огонь,— ответил обиженный Фоукс.

— Континент в десять раз больше Африки, а вы облетели его за два дня. Вы могли многое не заметить.

— Не так уж много,— горячо возразил Фоукс.— Я пролетел над всеми значительными реками от устья до истоков и осмотрел оба побережья. Если здесь есть поселения, то они должны быть именно там.

— Если считать семьдесят два часа на два побережья по восемь тысяч миль каждое в десяти тысячах миль друг от друга, да еще много тысяч миль рек, то это был довольно-таки беглый осмотр.

— К чему эти разговоры?— вмешался Саймон.— Во всей Галактике, на ста с лишним тысячах планет, единственная обнаруженная разумная жизнь — homo сапиенс. Вероятность разумной жизни на Трое практически равна нулю.

— Да? — возразил Шеффилд.— Таким же способом можно доказать, что и на Земле нет разумной жизни.

— В докладе Макоямы не говорилось ни о какой разумной жизни,— ответил Саймон.

— А много ли у него было времени? Это то же самое, что потыкать пальцем в стог сена и сообщить, что иглы там нет.

— О, вечная Вселенная,— раздраженно сказал Родригес,— что за дурацкие споры? Будем считать гипотезу о наличии здесь разумной жизни неподтвержденной и оставим это. Надеюсь, мы еще не кончили исследования?

13

Копии этих первых снимков поверхности Малышки были помещены в картотеку, доступ к которой был открыт для всех. После второго облета Фоукс вернулся подавленным, и последовавшее совещание проходило в куда более мрачной атмосфере.

Новые снимки обошли всех, а потом Саймон запер их в сейф, который мог открыть только он сам или же мощный ядерный взрыв.

Фоукс рассказывал:

— Обе большие реки текут в меридиональном направлении вдоль восточных отрогов западной горной цепи. Та, что побольше, вытекает из северной полярной шапки, поменьше — из южной. Притоки текут к западу с восточного хребта, пересекая всю центральную равнину. Очевидно, она имеет уклон к западу. Вероятно, этого можно было ожидать: восточная горная цепь выше, мощнее и протяженнее западной. Я не смог ее измерить, но не удивлюсь, если она не уступит Гималаям. Она похожа на хребет Ву-Чао на Гесперусе. Чтобы перелететь ее, приходится забираться в стратосферу, а обрывы... Ух!

Он заставил себя вернуться к теме разговора.

— Так вот, обе главные реки сливаются в сотне миль южнее экватора и изливаются через разрыв в западном хребте. Оттуда до океана чуть меньше восьмидесяти миль. Их устье — идеальное место для столицы планеты. Здесь сходятся торговые пути со всего континента, так что это неизбежно должен быть центр торговли. Даже если говорить о торговле только в пределах планеты, товары с восточного берега все равно пришлось бы везти морем. Преодолевать восточный хребет невыгодно. Кроме того, есть еще острова, которые мы видели при посадке. Поэтому даже если бы мы не знали широты и долготы поселения, я искал бы его именно там. А эти поселенцы думали о будущем. Именно там они и устроились.

Нови тихо сказал:

— Во всяком случае, им казалось, что они думают о будущем. От них, наверное, немного осталось?

Фоукс попытался отнестись к этому философски.

— Прошло больше ста лет, чего же вы хотите? Но от них осталось куда больше, чем я ожидал. Дома были в основном сборными. Они обрушились, и местность заросла. Но то, что сохранилось, обьязано этим ледниковому климату Малышки. Деревья — или что-то вроде деревьев — невелики и, очевидно, растут медленно. Но все равно расчищенное место заросло. С воздуха узнать его можно только потому, что молодая поросль имеет другую окраску и выглядит не так, как окружающие леса.

Он показал на одну из фотографий.

— Вот просто куча лома. Может быть, здесь когда-то стояли механизмы. А это, по-моему, кладбище.

— А останки? Кости?— спросил Нови.

Фоукс покачал головой.

— Но не могли же последние, кто остался в живых, похоронить сами себя? — сказал Нови.

— Вероятно, это сделали животные,— сказал Фоукс. Он встал и отвернулся от собеседников.

— Когда я пробирался там, шел дождь. Он падал на плоские листья над головой, а под ногами была мягкая, мокрая земля. Было темно и мрачно. Дул холодный ветер. На снимках это не чувствуется, но мне казалось, что вокруг — тысяча призраков, которые чего-то ждут...

Его настроение передалось всем присутствующим.

— Прекратите!— в ярости сказал Саймон.

Острый носик Марка Аннунчио, стоявшего позади всех, прямо-таки дрожал от любопытства. Он повернулся к Шеффилду и пршептал:

— Призраки? Но не было ни одного достоверного случая...

Шеффилд дотронулся до тощого плеча Марка.

— Это только так говорится, Марк. Но не огорчайся, что он не имел это в виду буквально. Ты присутствуешь при рождении суверня, а это тоже неплохо, верно?

14

Вечером в тот день, когда Фоукс вернулся из второго облета, угрюмый капитан Фолленби разыскал Саймона и, откашлявшись, сказал:

— Дело плохо, доктор Саймон. Люди беспокоятся. Очень беспокоятся.

Ставни иллюминаторов были открыты. Лагранж-1 уже шесть часов как закатился, и кроваво-красный свет заходящего Лагран-

жа-II окрашивал в багровый цвет лицо капитана и его короткие седые волосы.

Саймон, у которого вся команда вообще и капитан в особенности вызвали сдержанное раздражение, спросил:

— В чем дело, капитан?

— Уже две недели здесь. По земному счету. До сих пор никто не выходит без скафандра. Каждый раз облучаются, когда приходят обратно. Что-нибудь неладное в воздухе?

— Насколько нам известно, нет.

— Тогда почему нельзя им дышать?

— Это решаю я, капитан.

Лицо капитана и в самом деле побагровело. Он сказал:

— В договоре сказано, что я не должен оставаться, если что-нибудь угрожает безопасности корабля. А перепуганный экипаж на грани бунта мне ни к чему.

— Разве вы не можете сами управиться со своими людьми?

— В разумных пределах.

— Но что их беспокоит? Это новая планета, и мы стараемся не рисковать. Неужели они этого не понимают?

— Две недели, и все еще не хотим рисковать. Они думают, мы что-то скрываем. И они правы. Вы это знаете. Кроме того, выход на поверхность всегда необходим. Он нужен команде. Даже на голый обломок в милю шириной. Нужно отвлечься от корабля. От обычных дел. Не могу им в этом отказывать.

— Дайте мне время до завтра,— недовольно ответил Саймон.

15

На следующий день ученые собрались в обсерватории. Саймон сказал:

— Вернадский говорит, что исследования воздуха дают отрицательные результаты. Родригес не обнаружил в нем никаких патогенных организмов.

Последние его слова вызвали всеобщее сомнение.

— Но поселок умрет от болезни, даю голову на отсечение,— возразил Нови.

— Возможно,— ответил сразу Родригес,— но попробуйте объяснить, каким образом. Этого не может быть. Я могу это повторять сколько угодно. Судите сами. Почти на всех планетах типа Земли зарождается жизнь, и эта жизнь почти всегда имеет белковую природу и почти всегда — или клеточную, или вирусную организацию. И только. Этим сходство исчерпывается. Вы, неспециалисты, думаете, что все равно — Земля или другая планета. Что микробы — это

микробы, а вирусы — это вирусы. А я говорю, что вы не понимаете, какие бесконечные возможности разнообразия заложены в молекуле белка. Даже на Земле у каждого вида — свои болезни. Некоторые могут распространяться на несколько видов, но на Земле нет ни единой патогенной формы жизни, которая могла бы угрожать всем видам. Вы думаете, что для вируса или бактерии, развивавшихся на другой планете независимо в течение миллиарда лет, со своими аминокислотами, со своими ферментными системами, со своим обменом веществ, человек окажется питательным, как конфетка? Уверяю вас, это наивно.

Новик, глубоко уязвленный тем, что его, врача, отнесли к «вам, неспециалистам», не собирался так легко отступить.

— Но человек везде несет с собой своих микробов. Кто сказал, что вирус обычного насморка не может в условиях какой-нибудь планеты дать мутацию, которая неожиданно окажется смертоносной? Или грипп. Такое случалось даже на Земле. Помните, в 2755 году...

— Я прекрасно знаю про эпидемию паракори 2755 года, — перебил Родригес. — И про эпидемию гриппа 1918 года, и про Черную Смерть. Но разве такое случалось за последнее время? Пусть это поселение было основано больше столетия назад — но ведь все равно это была не доатомная эпоха. Там были врачи. У них были запасы антибиотиков. В конце концов, они умели вызывать защитные реакции организма. Это не так уж сложно. А кроме того, сюда была послана санитарная экспедиция.

Новик похлопал себя по круглому животу и упрямо сказал:

— Все симптомы указывали на заболевание дыхательной системы: одышка...

— Я все это знаю, но я говорю вам, что это не могло быть инфекционное заболевание. Это невозможно.

— Тогда что же это было?

— Это выходит за пределы моей компетенции. Я могу сказать, что это была не инфекция. Даже мутантная. Это математически невозможно.

Он сделал ударение на слове «математически».

Среди слушателей произошло какое-то движение. Вперед, к Родригесу, проталкивался Марк Аннунцио. Он заговорил — впервые на подобном совещании.

— Математически? — живо переспросил он.

Шеффилд, пустив в ход локти и с полдюжины раз извинившись, протолкался за ним. Родригес, охваченный крайним раздражением, выпятил нижнюю губу:

— А тебе чего от меня надо?

Марк весь съежился, но переспросил, хотя уже без прежней живости:

— Вы сказали, что это математически не может быть инфекция. Я не понял — каким образом... математика...

Он умолк.

— Я высказал свое профессиональное мнение, — официальным, немного напыщенным тоном произнес Родригес и отвернулся. Ставить под вопрос профессиональное мнение было не принято: это могли позволить себе только коллеги по профессии. Во всех остальных случаях это означало подвергнуть сомнению опыт и знания специалиста. Марк знал все это, но он был сотрудником Мнемонической Службы. Все остальные в изумлении застыли, когда он дотронулся до плеча Родригеса и сказал:

— Я знаю, что это ваше профессиональное мнение, но я все-таки хотел бы, чтобы вы его объяснили.

Он не стремился быть навязчивым: он просто констатировал факт.

Родригес резко повернулся к нему.

— Ты хотел бы, чтобы я его объяснил? А кто ты такой, чтобы задавать мне вопросы?

Марка немного смутила горячность, с которой это было сказано, но тут рядом с ним оказался Шеффилд, и к нему снова вернулась смелость, а вместе с ней пришел и гнев. Он не обратил внимания на Шеффилда, который что-то быстро ему зашептал, и громко сказал:

— Я — Марк Аннунчио из Мнемонической Службы, и я задал вам вопрос. Я хочу, чтобы вы объяснили свои слова.

— А я их объяснять не желаю. Шеффилд, будьте добры, уберите отсюда этого молодого психа и уложите его спать. И пусть он потом держится от меня подальше. Сопливый осел!

Последние слова были сказаны как будто про себя, но вполне явственно.

Шеффилд взял Марка за руку, но тот вырвался и завопил:

— Вы — глупец! Нонкомпос! Вы... кретин! Двуногая забывальня! Дырявые мозги! Пустите меня, доктор Шеффилд! Вы ничего не знаете, ничего не помните из тех жалких крох, которые ухитрились выучить! Вы не знаете собственной специальности! Все вы...

— Ради бога, — крикнул Саймон, — Шеффилд, уведите отсюда вашего молодого идиота!

Побагровевший Шеффилд нагнулся к Марку, схватил его в охапку, поднял на воздух и вытащил из комнаты.

За дверью Марк, из глаз которого брызнули слезы, с трудом проговорил:

— Пустите меня. Я хочу слушать... Слушать, что они говорят.

— Тебе не надо туда возвращаться. Прошу тебя, Марк,— ответил Шеффилд.

— Я не буду. Не беспокойтесь. Но...

Он не закончил.

16

В это время в обсерватории измученный Саймон говорил:

— Ладно. Все в порядке. Давайте вернемся к делу. Ну, успокойтесь! Я согласен с точкой зрения Родригеса. Она меня вполне удовлетворяет, и я не думаю, что профессиональное мнение Родригеса кто-нибудь еще здесь будет оспаривать.

— Пусть только попробует!— проворчал Родригес. Его глаза горели сдержанной яростью.

Саймон продолжал:

— И так как инфекции бояться не приходится, я разрешаю капитану Фолленби выпустить экипаж из корабля без специальных мер предосторожности. Кажется, задержка отпуска плохо сказывается на настроении людей. Есть у кого-нибудь возражения?

Возражений не было.

— Кроме того, я не вижу причины, почему бы нам не перейти к следующему этапу исследований. Я предлагаю поставить лагерь на месте первого поселения. Я назначаю группу из пяти человек, которая переедет туда. Фоукс — он умеет водить ракету; Нови и Родригес — для обработки биологических данных; Вернадский и я, представители химии и физики. Все существенные данные по специальности остальных будут, конечно, им сообщаться, и мы будем ждать от них помощи в выборе направления работ и так далее. Со временем, возможно, там будут работать все, но пока — только эта маленькая группа. И до особого распоряжения связь между нами и основной группой на корабле будет поддерживаться только по радио. Если выяснится, что причина катастрофы, какова бы она ни была, локализована на месте поселения, вполне достаточно будет потерять пять человек.

— Но колония прежде, чем погибнуть, жила на Малышке несколько лет,— возразил Нови.— Во всяком случае больше года. Может пройти много времени, пока мы убедимся, что опасности нет.

— Мы не колония,— ответил Саймон.— Мы — группа специалистов, которая ищет причину катастрофы. Если ее можно найти, мы ее найдем, а найдя, устраним. И никаких нескольких лет на это нам не потребуется.

Марк Аннунчио сидел на койке, охватив руками колени и опустив голову. Глаза его были сухими, но в голосе слышалась горькая обида.

— Они меня не берут,— сказал он.— Они не хотят, чтобы я ехал с ними.

Шеффилд в полной растерянности сидел в кресле напротив юноши.

— Может быть, они возьмут тебя потом.

— Нет,— горячо возразил Марк,— не возьмут. Они меня ненавидят. И потом я хочу ехать сейчас. Я еще никогда не был на другой планете. Тут столько можно увидеть и изучить! Они не имеют права не взять меня, если я хочу.

Шеффилд покачал головой. Мнемонисты были твердо приучены к мысли, что их долг — собирать факты и что никто и ничто не может и не должно их остановить. Может быть, по возвращении на Землю стоит внести предложение — как-то ослаблять это убеждение внушением. В конце концов время от времени мнемонистам придется жить в реальном мире. Может быть, все больше и больше с каждым поколением, по мере того, как их роль в Галактике будет расти.

В виде опыта он попробовал предостеречь Марка:

— Знаешь, это может быть опасно.

— Неважно. Я должен знать. Я должен узнать все об этой планете. Доктор Шеффилд, пойдите к доктору Саймону и скажите ему, что я поеду.

— Ну, Марк!

— Если вы не хотите, я сам пойду.

Он поднялся с постели, всерьез готовый отправиться немедленно.

— Посмотри, ты же очень возбужден.

Марк стиснул кулаки.

— Это несправедливо, доктор Шеффилд. Эту планету нашел я. Это моя планета!

Шеффилд почувствовал сильные угрызения совести. То, что сказал Марк, отчасти было правдой. Никто, кроме разве что Марка, не знал этого лучше, чем Шеффилд. И никто лучше, чем Шеффилд, опять-таки кроме Марка, не знал историю Малышки.

Только в последние двадцать лет, столкнувшись с проблемой растущего перенаселения старых планет, Конфедерация Планет приступила к систематическому исследованию Галактики. До этого человечество заселяло новые миры наугад. В поисках новых зе-

мель и лучших условий жизни мужчины и женщины отправлялись туда, где, по слухам, были пригодные для жизни планеты, или посылали туда разведочные группы добровольцев.

110 лет назад одна такая группа обнаружила Малышку. Они не сделали официального объявления об открытии, потому что не хотели, чтобы за ними последовали полчища земельных спекулянтов, предпринимателей, горнопромышленников и вообще всякого сброды. Спустя несколько месяцев некоторые холостые мужчины добились доставки туда женщин, и некоторое время колония процветала.

Только через год, когда часть людей уже умерла, а большинство остальных были больны или при смерти, они дали сигнал бедствия на ближайшую населенную планету Преторию. Преторианское правительство, которое переживало в этот момент очередной кризис, переслало весть о несчастье секторальному правительству на Альтмарк и сочло себя вправе забыть о нем.

С Альтмарка на Малышку был сразу же выслан санитарный корабль. Он сбросил на планету сыворотки и разные другие медикаменты. Садиться корабль не стал, потому что находившийся на борту врач на расстоянии поставил диагноз — «грипп» — и в своем докладе сильно преуменьшил опасность. По его словам, сброшенные медикаменты должны были прекрасно помочь справиться с болезнью. Вполне возможно, что сесть на планету не позволил экипаж корабля, опасавшийся заразы. Впрочем, об этом в официальном докладе ничего не говорилось.

Три месяца спустя с Малышки пришло последнее сообщение, гласившее, что в живых осталось только десять человек, и те уже умирают. Они умоляли о помощи. Это сообщение было переправлено на Землю вместе с докладом санитарной экспедиции. Но Центральное правительство представляло собой огромный лабиринт, в котором сообщения то и дело терялись, если не находилось какого-нибудь лично заинтересованного человека, достаточно влиятельного, чтобы довести дело до конца. А людей, заинтересованных в судьбе далекой неизвестной планеты, где умирали десять мужчин и женщин, не нашлось.

Сообщение было зарегистрировано и забыто. В течение столетия человеческая нога не ступала по поверхности Малышки.

Потом, когда началась новая шумиха вокруг галактических исследований, сотни кораблей начали там и сям бороздить огромные просторы Галактики. Сообщения об открытии новых планет сначала потекли тонкой струйкой, а потом хлынули потоком. Многие из них принадлежали Хидошеки Макояме, который дважды пролетел через звездное скопление Геркулеса. Во второй раз он и погиб, совершая

вынужденную посадку. По субэфиру прилетел его напряженный, полный отчаяния голос, несший последнее сообщение: «Поверхность быстро приближается; корпус раскаляется док...», и все оборвалось.

Год назад все накопившиеся сведения, обработка которых была уже никому не под силу, ввели в перегруженную вычислительную машину в Вашингтоне. Этому придавалось такое большое значение, что ждать очереди пришлось всего пять месяцев. Машине был задан вопрос о планетах, пригодных для жизни, и Малышка возглавила список.

Шеффилд помнил, какой восторг это вызвало. Звездная система Лагранжа была разрекламирована на всю Галактику, а один толковый молодой служащий Бюро по делам периферии, понимавший необходимость дружеской теплоты в отношении людей к планете, придумал название — «Малышка». Преимущества Малышки были стократно преувеличены. О ее плодородии, климате («вечная весна Новой Англии») и, прежде всего, о ее великом будущем шумели повсюду. «В течение миллиона лет,— кричала реклама,— Малышка будет становиться все богаче. В то время как все планеты стареют, Малышка будет молодеть по мере того, как будут отступать ледники, освобождая новые просторы суши. Всегда — новые земли; всегда — непочатые природные ресурсы!»

В течение миллиона лет!

Это был шедевр Бюро. Это должно было стать успешным началом правительственной программы колонизации. С этого, наконец-то, должно было начаться научное освоение Галактики на благо человечества.

И тут появился Марк Аннунчио. Он многое слышал обо всем этом и, как любой простой землянин, был потрясен открывающимися перспективами. Но однажды он припомнил кое-что такое, что он видел, лениво перелистывая архивные дела Бюро по делам периферии. Это был доклад санитарной экспедиции, посвященный одной планете в одной звездной системе, местонахождение и описание которой в точности совпадало с местонахождением и описанием группы Лагранжа.

Шеффилд прекрасно помнил тот день, когда Марк пришел к нему с этой новостью.

Он помнил и выражение лица государственного секретаря по делам периферии, когда эту новость сообщили ему. Он видел, как квадратная челюсть секретаря медленно отвисла, а его глаза наполнились бесконечным испугом.

Это касалось правительства! Оно собиралось отправить на Малышку миллионы людей. Оно обещало предоставлять земель-

ные участки и ссуды на обустройство посевным фондом, сельскохозяйственными машинами и промышленным оборудованием. Малышка должна была стать для многочисленных избирателей обетованной землей, а для остальных — воплощением мечты о новых обетованных землях.

Если по какой-нибудь причине Малышка окажется опасной для жизни, это будет означать политическое самоубийство для всех лиц в правительстве, так или иначе связанных с этим проектом. А это были немалые фигуры, помимо секретаря по делам периферии.

После нескольких дней колебаний секретарь сказал Шеффилду:

— Похоже, придется выяснить, что случилось, и как-нибудь использовать это в пропаганде. Как вы думаете, сможем мы это нейтрализовать?

— Если то, что случилось, не слишком ужасно.

— Но ведь этого не может быть? Что там могло случиться?

На лице секретаря было написано отчаяние.

Шеффилд пожал плечами.

Секретарь сказал:

— Послушайте, мы можем послать на эту планету корабль со специалистами. Конечно, добровольцев, и таких, на которых можно положиться. Мы задержим дела здесь и протянем до их возвращения. Как вы думаете, выйдет из этого что-нибудь?

Шеффилд не был в этом уверен, но ему внезапно представилось, как он летит в эту экспедицию и берет с собой Марка. Он мог бы изучить поведение мнемониста в необычной обстановке, а если благодаря Марку тайна будет раскрыта...

Что там скрывается какая-то тайна, предполагалось с самого начала. В конце концов от гриппа не умирают. А санитарный корабль не садился на планету и не мог сообщить, что там происходило на самом деле. Счастье корабельного врача, что он умер 37 лет назад, иначе теперь ему не миновать бы трибунала.

Так вот, если Марк поможет раскрыть тайну, это послужит небывалому укреплению Мнемонической Службы. Она заслужит благодарность правительства...

Но теперь...

Шеффилд подумал: а знает ли Саймон, как всплыло дело о первом поселении? В том, что этого не знает никто из экипажа, Шеффилд был уверен. Бюро не стало бы кричать об этом на каждом перекрестке.

Но воспользоваться этой историей, чтобы вырвать уступку у Саймона, было бы неразумно. Если всем станет известно, как Марк исправил ошибку Бюро («глупость», как это, несомненно, назовет

оппозиция), Бюро попадет в неудобное положение. А оно может не только отблагодарить, но и отомстить. Не стоило рисковать навлечь на Мнемоническую Службу месть Бюро.

Впрочем...

Шеффилд принял решение и встал.

— Ладно, Марк. Я добьюсь, чтобы тебя взяли на место первого поселения. Я добьюсь, чтобы взяли нас обоих. А пока сиди тут и жди меня. Обещай, что ты ничего не будешь предпринимать сам.

— Ладно,— ответил Марк и снова уселся на койку.

18

— Ну, что у вас, доктор Шеффилд?— спросил Саймон. Астрофизик сидел за столом, на котором аккуратные стопки бумаг и микрофильмов окружали маленький интегратор Макфрида, и смотрел на вошедшего Шеффилда.

Шеффилд небрежно присел на тщательно застеленную койку Саймона. Он заметил недовольный взгляд астрофизика, но не смутился.

— Я не согласен с вашим выбором людей для работы на месте поселения. Получается, что вы отобрали двоих представителей точных наук и троих биологов, верно?

— Да.

— И вы думаете, что охватили все?

— О, господи! Вы хотите что-нибудь предложить?

— Я хотел бы отправиться сам.

— Зачем?

— У вас некому будет заниматься наукой о человеческой психике.

— О человеческой психике? Великий космос! Доктор Шеффилд, посылать туда даже пять человек — уже большой риск. В сущности, доктор, вы и ваш... хм... подопечный были включены в научный персонал экспедиции по распоряжению Бюро по делам периферии без всякого согласования со мной. Я буду говорить прямо: если бы спросили меня, я высказался бы против. Я не вижу, чем наука о человеческой психике может помочь в таком исследовании. Очень жаль, что Бюро пожелало провести в подобной обстановке эксперимент с мнемонистом. Мы не можем допустить таких сцен, как только что с Родригесом.

Шеффилду стало ясно: Саймон не знает о том, какое отношение имел Марк к самому решению послать эту экспедицию. Он сел прямо, уперся руками в колени, выставив локти в стороны, и напустил на себя ледяную официальность.

— Итак, вы, доктор Саймон, не видите, чем наука о человеческой психике может помочь в таком исследовании? А что если я скажу вам, что гибель первого поселения можно объяснить очень просто на основе психологии?

— Это меня не убедит. Психолог все, что угодно, может объяснить, но ничего не может доказать.

Саймон ухмыльнулся, довольный только что придуманным афоризмом. Шеффлд пропустил его мимо ушей и продолжал:

— Позвольте мне высказаться несколько подробнее. Чем Малышка отличается от всех 83 тысяч населенных планет?

— Мы еще не располагаем полной информацией. Я не могу этого сказать.

— Бросьте. Вся необходимая информация была у вас еще до того, как мы отправились сюда. У Малышки — два солнца.

— Ну, конечно.

На лице астрофизика отразилось какое-то едва заметное смущение.

— И цветных солнца, заметьте. Цветных. Знаете, что это значит? Это значит, что человек, например вы или я, стоя в свете обоих солнц, отбрасывает две тени — зелено-голубую и красно-оранжевую. Длина каждой, естественно, меняется в зависимости от времени суток. Вы изучили распределение цветов в этих тенях? Как это у вас называется — спектры отражения?

— Я думаю, — высокомерно произнес Саймон, — что они будут такими же, как спектры испускания солнц. Что вы хотите этим сказать?

— Надо было посмотреть. Может быть, некоторые длины волн поглощаются атмосферой? Или растительностью? А луна Малышки — Сестренка? Я следил за ней последние несколько ночей. Она тоже цветная, и цвета меняют свое расположение.

— Ну, конечно же, черт возьми, Она проходит два независимых цикла фаз — от каждого солнца.

— Вы и ее спектр отражения не исследовали, верно?

— Где-то он есть. Это не представляет интереса. А почему это интересует вас?

— Дорогой доктор Саймон, это давно установленный психологический факт — сочетание красных и зеленых цветов оказывает вредное влияние на психическую устойчивость. Здесь перед нами случай, где неизбежна, как мы говорим, красно-зеленая хромопсихическая ситуация, да еще при таких обстоятельствах, которые представляются человеку в высшей степени противоестественными. Вполне возможно, что хромопсихоз может в этих условиях развиваться в летальную стадию, когда он вызывает гипертрофию

трициных фолликул с последующей церебральной катагонией.

Саймон был совершенно сражен. Он пробормотал:

— Никогда ни о чем подобном не слышал.

— Конечно, нет,— ответил Шеффилд (теперь настала его очередь быть высокомерным).— Вы не психолог. Не собираетесь же вы усомниться в моем профессиональном мнении?

— Разумеется, нет. Но из последних сообщений колонии ясно, что они умирали от чего-то вроде дыхательного расстройства.

— Верно, но Родригес это отрицает, а вы соглашаетесь с его профессиональным мнением.

— Я не говорил, что это дыхательное расстройство. Я сказал — что-то вроде. А при чем здесь ваш красно-зеленый хромо- как его бишь?

Шеффилд покачал головой.

— У вас, неспециалистов, всегда бывают неправильные представления. Если имеется какое-то физическое явление, это еще не значит, что оно не может иметь психологической причины. Самый убедительный довод в пользу моей теории — то, что хромопсихоз, как известно, проявляется сперва как психогенное дыхательное расстройство. Я полагаю, вы не знакомы с психогенными заболеваниями?

— Нет. Это за пределами моей компетенции.

— Да, пожалуй. Так вот, мои расчеты показывают, что при повышенном содержании кислорода на этой планете психогенное дыхательное расстройство не только неизбежно, но и должно проходить особенно остро. К примеру, вы наблюдали луну... то есть Сестренку в последние ночи?

— Да, я наблюдал Илион,— даже сейчас Саймон не забыл официального названия Сестренки.

— Вы подолгу, внимательно разглядывали ее? При большом увеличении?

— Да.

Саймону явно становилось не по себе.

— Ага,— ответил Шеффилд.— Так вот, цвета луны в последние несколько ночей были особенно опасны. Вы не могли не ощутить, что у вас слегка воспалена слизистая оболочка носа и слегка зудит в горле. Боли пока еще, вероятно, нет. Вы, наверное, кашляете, чихаете? Вам что-то чуть мешает глотать?

— Пожалуй, я...

Саймон проглотил слюну и сделал глубокий вдох. Потом очнулся с искаженным лицом, стиснув кулаки:

— Клянусь великой Галактикой, Шеффилд, вы не имели права об этом молчать! Я все это чувствую. Что теперь делать, Шеффилд!

Это ведь излечимо? Проклятье, Шеффилд — он сорвался на крик, — почему вы не сказали этого раньше?!

— Потому что в том, что я сказал, — спокойно ответил Шеффилд, — нет ни слова правды. Ни единого слова. Цвет никому не приносит вреда. Сядьте, доктор Саймон. У вас довольно глупый вид.

— Вы сказали, — произнес ничего не понимающий Саймон, начиная задыхаться, — вы сказали, что это ваше профессиональное мнение...

— Мое профессиональное мнение! Господи, Саймон, почему профессиональное мнение производит такое магическое действие? Человек может солгать, или же просто чего-то не знать, даже в своей области. Специалист может ошибиться из-за незнания смежных дисциплин. Он может быть убежден в своей правоте и все-таки ошибаться. Взять хотя бы вас. Вы знаете, как устроена вся Вселенная, а я ничего не знаю, если не считать того, что звезды иногда мерцают, а световой год — это что-то очень длинное. И все равно вы благополучно проглотили такую чушь, которая уморила бы со смеху любого психолога-первокурсника. Не думаете ли вы, Саймон, что нам пора поменьше заботиться о профессиональных мнениях и побольше — о всеобщей координации действий?

Кровь медленно отливала от лица Саймона, пока оно не стало белым, как воск. Дрожащими губами он прошептал:

— Под прикрытием профессионального мнения вы хотели меня одурачить!

— Примерно так, — ответил Шеффилд.

— Никогда еще, никогда я не... — Саймон осекся и продолжал: — Никогда не видел ничего столь гнусного и неэтичного.

— Я хотел доказать вам, что я прав.

— О, вы доказали. Вы все доказали, — Саймон понемногу приходил в себя, и его голос уже приближался к обычному. — Вы хотите, чтобы я взял с собой вашего мальчишку.

— Верно.

— Нет. Нет и еще раз нет. Такой ответ был бы до того, как вы вошли сюда, а теперь — тысячу раз нет.

— Но почему? Я хочу сказать — почему еще до того, как я сюда вошел?

— Он психически болен. Его нельзя держать вместе с нормальными людьми.

Шеффилд мрачно возразил:

— Я бы попросил вас не говорить о психических болезнях. Вы для этого недостаточно компетентны. Если уж вы так строго соблюдаете профессиональную этику, будьте добры не вторгаться в

мою область в моем присутствии. Марк Аннунчио совершенно нормален.

— После этой сцены с Родригесом? Ого! Как бы не так!

— Марк имел право задать вопрос. Это его работа и его долг. Родригес не имел права хамить.

— С вашего разрешения, я должен считаться прежде всего с Родригесом.

— Почему? Марк Аннунчио знает больше Родригеса. Уж если на то пошло, он знает больше нас с вами. Что вам нужно — привезти на Землю толковый доклад или удовлетворить свое мелочное самолюбие?

— Вы говорите, что ваш мальчишка много знает. Это ничего не значит. Я согласен, что он — прекрасный полугай. Но он ничего не понимает. Мой долг — обеспечить ему доступ ко всем данным, потому что меня обязало Бюро. Они меня не спросили, но хорошо, я согласен пойти навстречу. Он получит все данные — здесь, на корабле.

— Это несправедливо, Саймон,— возразил Шеффилд.— Он должен выехать на место. Он может увидеть такое, чего не заметят ваши драгоценные специалисты.

Ледяным тоном Саймон ответил:

— Очень может быть. Тем не менее, Шеффилд, я отказываю. И нет таких доводов, которые могли бы меня переубедить.

Даже нос у астрофизика побелел от сдерживаемой ярости.

— Потому что я вас одурачил?

— Потому что вы нарушили самый святой долг специалиста. Ни один уважающий себя специалист не употребит во зло незнание другого специалиста в своей области.

— Значит, я вас одурачил.

Саймон отвернулся.

— Я прошу вас уйти. Впредь до конца экспедиции мы с вами будем общаться только по самым необходимым делам.

— Но если я уйду,— ответил Шеффилд,— об этом могут услышать остальные.

Саймон вздрогнул.

— Вы расскажете об этом?

На его губах мелькнула холодная, презрительная усмешка.

— Вы только покажете всем, какой вы негодяй.

— О, сомневаюсь, чтобы они приняли это всерьез. Все знают, что психологи непрочь пошутить. И потом, им будет не до того — так они будут смеяться над вами. Представляете — такой величественный доктор Саймон поверил, что у него болит горлышко, и взмолился о помощи, наслушавшись всякой таинственной чепухи!

— Кто вам поверит? — вскричал Саймон.

Шеффилд поднял правую руку. Между большим и указательным пальцами он держал маленький прямоугольный предмет, утыканный кнопками.

— Карманный магнитофон, — сказал он и тронул одну из кнопок. Голос Саймона произнес:

— Ну, что у вас, доктор Шеффилд?

Голос звучал напыщенно, властно и самодовольно.

— Дайте!

Саймон бросился на долговязого психолога. Шеффилд оттолкнул его.

— Не прибегайте к насилию, Саймон. Я не так уж давно занимался борьбой. Послушайте, я предлагаю вам сделку.

Саймон все еще рвался к нему, кипя яростью и забыв о собственном достоинстве. Шеффилд, медленно отступая, удерживал его на расстоянии вытянутой руки.

— Разрешите нам с Марком лететь, и никто никогда об этом не услышит.

Саймон понемногу приходил в себя.

— Тогда вы мне это отдадите? — задыхаясь, с трудом выговорил он.

— Обещаю, что отдам — и после того, как мы с Марком будем на месте поселения.

— Я должен верить на слово вам? — Саймон постарался вложить в свои слова как можно больше презрения.

— А почему бы и нет? Во всякое случае можете верить, что я наверняка расскажу обо всем, если вы не согласитесь. И первым это услышит Вернадский. Он будет в восторге. Вы знаете, какое у него чувство юмора.

— Можете лететь, — произнес Саймон чуть слышно. Потом он энергично добавил: — Но запомните, Шеффилд. Когда мы вернемся на Землю, вы будете отвечать перед Центральным комитетом ГАРН. Я вам это обещаю. Вас лишат всех званий...

— Я не боюсь Галактической Ассоциации Развития Науки, — раздельно произнес Шеффилд. — В конце концов в чем вы меня обвините? Не собираетесь же вы воспроизвести эту запись перед Центральным комитетом в качестве доказательства? Ну, ну, не сердитесь. Не хотите же вы, чтобы о вашей... хм... ошибке услышали самые надутые индюки на все 83 000 планет?

Он с ласковой улыбкой отступил за дверь.

Но закрыв дверь за собой, он перестал улыбаться. Жаль, что пришлось это сделать. Стоило ли дело того, чтобы нажать себе такого врага?

Недалеко от места первого поселения выросло семь палаток. Все они были видны с невысокого холма, на котором стоял Невил Фоукс. Люди жили здесь уже семь дней.

Фоукс взглянул на небо. Над головой нависли густые дождевые тучи. Очень хорошо. Когда эти тучи закрывают оба солнца, все предметы, освещенные рассеянным серовато-белым светом, выглядят почти нормально.

Дул свежий, влажный ветерок — совсем как в Вермонте в апреле. Фоукс был родом из Новой Англии, и это сходство было ему приятно. Через 4—5 часов Лагранж-1 зайдет, и тучи побагровеют, а ландшафт станет тусклым и мрачным. Но Фоукс рассчитывал к этому времени вернуться в палатку.

Так близко к экватору и так прохладно! Ну, это через несколько тысяч лет изменится. По мере отступления ледников воздух будет согреваться, земля — подсыхать. Появятся джунгли и пустыни. Уровень воды в океанах поползет вверх, поглощая бесчисленные острова. Долины двух больших рек превратятся во внутренние моря, и форма единственного материка Малышки изменится, а может быть, он разделится на несколько маленьких.

Интересно, будет ли затоплено место поселения, подумал он. Вероятно, будет. Может быть, тогда над ним уже не будет тяготеть проклятье.

Он понимал, почему Конфедерации так позарез понадобилось раскрыть тайну этого первого поселения. Даже если бы дело было просто в заблуждении, это нужно было доказать. Иначе кто осмелится поселиться на этой планете? «Ловушки для простаков» вызывали суеверный страх не только у космонавтов.

Да и сам он... Впрочем, его первое посещение этого места прошло благополучно, хоть он и рад был оставить позади этот дождь и мрак. Возвращаться сюда во второй раз было куда хуже. Ему не давала спать мысль о том, что его окружает тысяча загадочных смертей, от которых его отделяло только неосязаемое время.

Нови с профессиональным хладнокровием врача раскопал истлевшие останки десятка первых поселенцев. Фоукс отказался взглянуть на них. Он сказал, что по этим истлевшим костям ничего нельзя определить.

— Кажется, есть какие-то ненормальности в отложении костной ткани, — сказал он, но после допроса с пристрастием признал, что замеченные им признаки могли быть вызваны и столетним пребыванием костей в сырой почве.

Перед глазами Фоукса снова встала картина, преследовавшая

его даже наяву. Ему видалась неуловимая раса разумных подземных жителей, которые сто лет назад, никем не замеченные, посетили это первое поселение. Он представил себе, как они готовили бактериологическую войну, как они в своих лабораториях под корнями деревьев выращивали грибки и споры в поисках разновидности, которая жила бы в человеческом организме. Может быть, для своих экспериментов они похищали детей. А когда они нашли то, что искали, споры ядовитыми тучами бесшумно поплыли над поселением...

Фоукс знал, что все это — плод его фантазии. Он придумал все это в часы бессонницы, охваченный непонятной тревогой. Но когда он оставался один в лесу, он не раз резко оборачивался в ужаса, чувствуя на себе пристальный взгляд чьих-то глаз, скрывавшихся в сумрачной тени деревьев.

Поглощенный этими мыслями, Фоукс по привычке ботаника оглядывал окружающую его растительность. Он нарочно пошел новой дорогой, но и здесь увидел все то же самое. Леса на Малышке были редкими и лишенными подлеска. Никакого препятствия для передвижения они не представляли. Деревья были невысоки, редко выше трех метров, хотя по толщине ствола почти не уступали земным.

Фоукс составил приблизительную схему классификации растительного мира Малышки. При этом ему не раз приходило в голову, что он, возможно, закладывает этой работой фундамент собственного бессмертия.

Например, там росло «штыковое дерево». Его громадные белые цветы привлекали каких-то насекомоподобных существ, которые строили в них свои крохотные гнезда. Потом, по какому-то совершенно непонятному Фоуксу сигналу или импульсу, все цветы того или иного дерева за ночь выбрасывали по сверкающему белому пестику в два фута длиной. Казалось, дерево внезапно оцетинивалось штыками. На следующий день цветок опылялся, и его лепестки смыкались, закрывая собой и пестик, и насекомых. Первый исследователь Макояма назвал это дерево «штыковым», но Фоукс взял на себя смелость переименовать его в «Мигранцию фоуксии».

У всех деревьев была одна общая черта. Их древесина была невероятно крепкой. Биохимикам еще предстояло определить физическое состояние содержащихся в ней молекул клетчатки, а биофизикам — выяснить, как сквозь эту непроницаемую ткань может транспортироваться вода. Фоукс же по своему опыту знал, что сорванные цветы ломаются, как стекло, а ветки с трудом удается согнуть и совершенно невозможно сломать. Его перочинный нож затупился, не оставив на дереве даже царапины. Чтобы расчистить

поля, первым поселенцам, очевидно, приходилось выкапывать деревья вместе с корнями.

Животных в здешних лесах по сравнению с Землей почти не было. Возможно, они погибли во время ледникового периода.

У всех насекомыхподобных существ было по два крыла — маленьких пушистых перепонки. Летали они бесшумно. Кровососущих насекомых здесь, очевидно, не было.

Единственным представителем животного мира, который попался на глаза экспедиции, было внезапно появившееся однажды над лагерем крупное крылатое создание. Чтобы разглядеть его форму, пришлось прибегнуть к моментальной фотографии: зверь, очевидно, охваченный любопытством, с огромной скоростью снова и снова проносился над самыми палатками. Это было четырехкрылое существо. Передние крылья, заканчивавшиеся мощными когтями, представляли собой почти голые перепонки и, очевидно, служили для планирующего полета. Задняя пара крыльев, покрытых мехом, похожим на шерсть, совершала быстрые взмахи. Родригес предложил назвать это существо «тетраптерусом».

Фоукс отвлекся от своих воспоминаний, чтобы разглядеть траву новой разновидности, которая ему еще не попадалась. Трава росла тесными кустиками; каждый стебель вверх разветвлялся на три отростка. Фоукс вынул лупу и осторожно потрогал пальцем один из стеблей. Как и остальная трава на Малышке, она была...

И тут он услышал позади себя шорох. Ошибки быть не могло. Какое-то мгновение он внимательно вслушивался, но биения собственного сердца заглушало все остальные звуки. Тогда он резко обернулся. Тень, похожая на человеческую, метнулась за дерево.

У Фоукса захватило дыхание. Он потянулся к кобуре, но его рука двигалась как будто сквозь густую патоку.

Значит, его фантазии вовсе не были фантазиями? Значит, Малышка все-таки обитаема?

Преодолевав оцепенение, Фоукс укрился за другим деревом. Отступить он не мог. Он знал, что будет не в силах сказать остальным: «Я видел что-то живое. Возможно, это и была разгадка. Но я испугался и позволил ей скрыться».

Придется попытаться что-нибудь предпринять.

Позади того дерева, где пряталось неизвестное существо, стояло «кубковое дерево». Оно цело — бело-кремовые цветы были обращены вверх в ожидании надвигавшегося дождя. Вдруг раздался слабый звон сломанного цветка, и кремовые лепестки, вздрогнув, повернулись вниз.

Значит, ему не показалось. За деревом кто-то был.

Фоукс перевел дух и выскочил из-за своего укрытия, держа

перед собой лучевой пистолет, готовый стрелять при первом же намеке на опасность.

Но его окликнул голос:

— Не стреляйте. Это я.

Из-за дерева выглянула перепуганная, но несомненно человеческая физиономия. Это был Марк Анкунцио.

Фоукс застыл на месте и уставился на него. Наконец, он смог хрипло проговорить:

— Что ты тут делаешь?

— Я шел за вами,— ответил Марк, не отрывая взгляда от пистолета.

— Зачем?

— Посмотреть, что вы делаете. Мне было интересно, что вы найдете. Я думал, если вы меня увидите, то прогоните назад.

Фоукс вспомнил, что все еще держит пистолет, и спрятал его в кобуру. Это удалось ему только с третьей попытки.

Упали первые крупные капли дождя. Фоукс грубо сказал:

— Чтобы никто об этом не узнал!

Он бросил враждебный взгляд на юношу, и они молча, держась поодаль друг от друга, направились к лагерю.

20

Некоторое время спустя к семи палаткам прибавился сборный домик, поставленный в центре лагеря. Как-то вся группа собралась в нем вокруг длинного стола.

Приближался торжественный момент, хотя все почему-то притихло. Командовал парадом Вернадский, который в студенческие годы научился сам себе готовить еду. Сняв с высокочастотного подогревателя какое-то дымящееся варезо, он объявил:

— Кому калорий?

Еда была щедро разложена по тарелкам.

— Пахнет очень хорошо,— неуверенно заметил Ноки.

Он поднял на вилке кусок мяса. Оно было лилового цвета и, несмотря на то, что долго варилось, оставалось жестким. Окружающая его мелко нарезанная зелень выглядела помягче, но казалась еще менее съедобной.

— Ну,— сказал Вернадский,— ешьте! Уплетайте за обе щеки! Я пробовал — вкусно.

Он набил рот мясом и долго жевал.

— Жестковато, но вкусно.

— Не исключено, что мы от этого умрем,— мрачно сказал Фоукс.

— Ерунда,— ответил Вернадский.— Крысы питались им две недели.

— Две недели — не так уж много,— возразил Нови.

— Ну ладно, была не была,— решил Родригес.— Послушайте, и в самом деле вкусно!

Немного погодя с ним согласились все. До сих пор все живые организмы Малышки, которые можно было есть, оказывались вкусными. Зерно было почти невозможно измолоть в муку, но когда это удавалось, можно было испечь богатый белком хлеб. Несколько таких хлебов и сейчас стояло на столе. Они были темного цвета и тяжеловаты, но вовсе не плохи.

Фоукс, изучив растительность Малышки, пришел к выводу, что при должном орошении и правильном посеве один акр поверхности планеты сможет прокормить в десять раз больше скота, чем акр земной альфальфы. Это произвело большое впечатление на Шеффилда, который тут же назвал Малышку житницей сотни планет. Однако Фоукс только пожал плечами.

— Ловушка для простаков,— сказал он.

Неделей раньше вся группа была сильно встревожена: хомяки и белые мыши неожиданно отказались есть некоторые новые виды травы, только что принесенные Фоуксом. Когда небольшие количества этих трав начали подмешивать в их обычный рацион, животные стали погибать.

Разгадка тайны?

Не совсем. Через несколько часов вошел Вернадский и заявил:

— Медь, свинец, ртуть.

— Что? — переспросил Саймон.

— В этих растениях. Они содержат много тяжелых металлов. Возможно, это эволюционное защитное приспособление, чтобы их не ели.

— Значит, первые поселенцы...— начал Саймон.

— Нет, этого не может быть. Большинство растений совершенно безвредно. Только эти, а их никто есть не станет.

— Откуда вы знаете?

— Не стали же их есть крысы.

— То крысы...

Только этого Вернадский и ждал. Он торжественно произнес:

— Вы видите перед собой скромного мученика науки. Я их попробовал.

— Что? — вскричал Нови.

— Только лизнул, не беспокойтесь, Нови. Я — из осторожных мучеников. В общем, они горькие, как стрихнин. Да и как же иначе? Если растение набирается свинца только для того, чтобы его не

съело животное, и если животное узнает об этом только когда умрет, то какой растению от этого толк? Горечь дает сигнал опасности. А тех, кто им пренебрегает, ждет наказание.

— А кроме того,— добавил Нови,— первые поселенцы погибли не от отравления тяжелыми металлами. Симптомы были совсем другие.

Эти симптомы прекрасно знали все. Кое-кто — в популярном изложении, остальные — более подробно. Затрудненное, болезненное дыхание, и чем дальше — тем хуже. К этому сводилось все.

Фоукс отложил вилку.

— Постойте, а что если в этой еде есть какой-нибудь алкалоид, который парализует дыхательные мышцы?

— У крыс тоже есть дыхательные мышцы,— ответил Вернадский.— Их она не убила.

— А может быть, он накапливается?

— Ладно, ладно. Если почувствуете, что вам больно дышать, перейдите на обычный корабельный рацион — возможно, он вам поможет. Только берегитесь самовнушения.

— Это по моей части,— проворчал Шеффилд.— Насчет этого не беспокойтесь.

Фоукс тяжело вздохнул и мрачно положил в рот кусок мяса.

Марк Аннунчио сидел на дальнем конце стола. Он ел медленнее, чем другие, и все вспоминал монографию Норриса Вайнограда «Вкус и обоняние». Вайноград разработал классификацию вкусов и запахов на основе механизма ингибирования ферментативных реакций во вкусовых сосочках. Аннунчио толком не знал, что это значит, но помнил все обозначения, характеристики и определения. К тому времени, когда он доел свою порцию, он определил вкус мяса, отнес его одновременно к трем подклассам. Его челюсти слегка ныли от напряженного жевания.

21

Приближался вечер. Лагранж-I стоял уже низко над горизонтом. День выдался ясный, теплый, и Борис Вернадский был им доволен. Он сделал кое-какие интересные измерения, а его яркий свитер причудливо менял свои цвета от часа к часу по мере того, как солнца передвигались по небосводу.

Сейчас Вернадский отбрасывал длинную красную тень, и только нижняя ее треть, совпадавшая с тенью от Лагранжа-II, была серой. Он протянул руку, и от нее упали две тени — нечеткая оранжевая футак в 15 от него и более густая голубая в той же стороне, но футак в пяти.

Все это так ему нравилось, что у него не вызвало никакого неприятного чувства даже появление поодаль Марка Аннунцио. Вернадский отставил в сторону свой нуклеометр и помахал рукой,

— Иди сюда!

Юноша робко приблизился.

— Здравствуйте.

— Тебе чего-нибудь надо?

— Я... я просто смотрел.

— А! Ну, смотри. Знаешь, что я делаю?

Марк замотал головой.

— Это нуклеометр, — сказал Вернадский. — Его втыкают в землю, вот так. У него наверху — генератор силового поля, так что его можно воткнуть в любой камень.

Продолжая говорить, он нажал на нуклеометр, и тот на два фута погрузился в выход каменной породы.

— Видишь?

У Марка заблестели глаза, и это доставило Вернадскому удовольствие. Он продолжал:

— По бокам его стержня есть микроскопические атомные устройства, каждое из которых испаряет около миллиона молекул окружающей породы и разлагает их на атомы. Потом атомы разделяются по массе и заряду ядер, и результаты можно прямо считать вот с этих шкал наверху. Понимаешь?

— Не очень. Но это полезно знать.

Вернадский улыбнулся и сказал:

— Мы получаем содержание различных элементов в коре. На всех водно-кислородных планетах эти цифры примерно одинаковы.

Марк серьезно сказал:

— Из тех планет, которые я знаю, больше всего кремния содержит Лепта — 32,765%. В составе Земли его только 24,862%. По весу.

Улыбка застыла на лице Вернадского. Он сухо спросил:

— Слушай, парень, ты знаешь такие цифры для всех планет?

— Нет, это невозможно. По-моему, они еще не все исследованы. В «Справочнике по коре планет» Бишума и Спенглюу есть данные только для 21 854 планет. Их я, конечно, знаю все.

Обескураженный Вернадский продолжал:

— А на Малышке элементы распределены еще более равномерно, чем обычно. Кислорода мало — по моим данным, в среднем каких-нибудь 42,113%. Кремния тоже мало — 22,722%. Тяжелых металлов в 10—100 раз больше, чем на Земле. И это не местное явление: общая плотность Малышки на 5% выше земной.

Вернадский и сам не знал, зачем он все это говорит мальчишке,

Отчасти потому, что всегда приятно иметь внимательного слушателя. Когда не с кем поговорить о своей профессии, иногда становится одиноко и грустно. Он продолжал, начиная получать удовольствие от своей лекции:

— С другой стороны, легкие элементы распределены тоже более равномерно. В составе океанов здесь не преобладает хлористый натрий, как на Земле, а довольно много магниевых солей. А литий, бериллий и бор? Они легче углерода, но на Земле и на всех других планетах встречаются очень редко. А на Малышке их много. Все три этих элемента составляют около 0,4% коры, а на Земле — только 0,004%.

Марк дотронулся до его рукава.

— А есть у вас список всех элементов с их содержанием в коре? Можно его посмотреть?

— Пожалуйста.

Вернадский вынул из заднего кармана брюк сложенную бумажку, протянул ее Марку и сказал, усмехнувшись:

— Только не публикуй эти цифры раньше меня.

Марк бросил взгляд на листок и протянул его Вернадскому.

— Ты уже? — удивленно спросил тот.

— Да, — задумчиво ответил Марк. — Теперь я помню их все.

Он повернулся и пошел прочь, не попрощавшись.

Вернадский поглядел ему вслед, пожал плечами, вытащил из земли свой нуклеометр и зашагал в сторону лагеря.

22

Шеффилд был более или менее доволен. Марк вел себя даже лучше, чем он ожидал. Правда, он почти не разговаривал, но это было не так важно. Во всяком случае, он проявлял интерес к окружающему и не тосковал. И не устраивал никаких сцен.

Шеффилд узнал от Вернадского, что накануне вечером Марк вполне нормально, без всякого крика побеседовал с ним о составе планетной коры. Вернадский со смехом сообщил, что Марк знает состав коры двадцати тысяч планет и что когда-нибудь он заставит ларня сказать наизусть все цифры, просто чтобы посмотреть, сколько времени это займет.

Сам Марк об этом ничего Шеффилду не говорил. Все утро он просидел в палатке. Шеффилд заглянул к нему, увидел, что он сидит на койке, уставившись на свои ноги, и оставил его в покое.

Шеффилд чувствовал, что он сам нуждается в какой-нибудь оригинальной идее. На самом деле оригинальной.

До сих пор они ничего не добились. Ничего — за целый месяц. Родригес и слышать не хотел ни о какой инфекции. Вернадский совершенно не допускал мысли о пищевом отравлении. Нови яростно тряс головой при всяком упоминании о нарушениях обмена веществ. «Где доказательства?» — говорил он.

Все сводилось к тому, что любая физическая причина смерти исключалась на основании мнения специалиста. Но мужчины, женщины и дети умерли. Какая-то причина должна была существовать. Может быть, психологическая?

Еще на корабле Шеффилд воспользовался этим, чтобы разыграть Саймона. Но теперь ему было не до шуток. Может быть, что-то заставило поселенцев совершить самоубийство? Но что? Человечество колонизировало десятки тысяч планет, и это никак не сказалось на его психической устойчивости. Самоубийства и психозы были больше распространены на самой Земле, чем в любом другом месте Галактики.

Кроме того, колония отчаянно взывала о медицинской помощи. Люди не хотели умирать.

Умственное расстройство? Что-нибудь такое, что было свойственно только этой группе людей? Достаточно сильное, чтобы вызвать смерть тысячи человек? Мало вероятно. И потом как об этом узнать? Место поселения было тщательно обыскано, но ни пленок, ни записей, даже самых отрывочных, найти не удалось.

За столетие влага сделала свое дело.

Шеффилд чувствовал, что почва уходит у него из-под ног. Он был беспомощен. У других, по крайней мере, были данные, с которыми можно было работать. У него не было ничего.

Он снова оказался у палатки Марка и машинально заглянул внутрь. Палатка была пуста. Он огляделся и заметил Марка, направлявшегося в лес. Шеффилд закричал ему вслед:

— Марк! Подожди меня!

Марк остановился, потом как будто хотел двинуться дальше, передумал и дал Шеффилду себя догнать.

— Куда ты собрался? — спросил Шеффилд. Даже пробежавшись, он не запыхался, — так богата кислородом была атмосфера Малышки.

— К ракете, — нехотя ответил Марк.

— Да?

— Мне до сих пор не довелось ее как следует разглядеть.

— Но ты же имел такую возможность, — заметил Шеффилд. — Когда мы летели сюда, ты не отходил от Фоукса.

— Это совсем не то, — возразил Марк. Там было много народа. Я хочу посмотреть ее один.

Шеффилд забеспокоился. Парамь на что-то сердится. Лучше пойти с ним и выяснить, в чем дело. Он сказал:

— Пожалуй, и я бы непрочь поглядеть ракету. Не возражаешь, если я пойду с тобой?

Марк заколебался, потом сказал:

— Ну... Ладно. Если вам так хочется.

Приглашение прозвучало не совсем вежливо.

Шеффилд спросил:

— Что это ты несешь, Марк?

— Палку. Я срезал ее на случай, если кто-нибудь вздумает меня остановить.

Он взмахнул палкой так, что она со свистом прорезала плотный воздух.

— Зачем кому-то тебя останавливать, Марк? Я бы ее выбросил. Она тяжелая и твердая. Ты можешь кого-нибудь поранить.

Но Марк шагал вперед.

— Не выброшу.

Шеффилд подумал и решил пока воздержаться от ссоры. Сначала лучше выяснить причину этой враждебности.

— Ну, как хочешь,— сказал он.

Ракета лежала на поляне. Ее светлая металлическая поверхность сверкала зелеными отблесками: Лагранж-II еще не показался над горизонтом.

Марк внимательно огляделся вокруг.

— Никого не видно, Марк,— сказал Шеффилд.

Они вошли внутрь. Это была большая ракета. Семь человек и все необходимое снаряжение она перевезла на место всего в три прива.

Шеффилд не без робости поглядел на утыканный кнопками пульт управления.

— И как это ботаник вроде Фоукса ухитрился научиться управлять этой штукой? Это так далеко от его специальности.

— Я тоже умею ею управлять,— внезапно сказал Марк.

— Ты? — Шеффилд удивленно уставился на него.

— Я смотрел, что делал доктор Фоукс, когда мы летели сюда. Я знаю все, что он делал. И потом у него есть руководство по ремонту ракеты. Я как-то стащил его и прочел.

— Очень хорошо,— весело сказал Шеффилд.— Значит, у нас есть на всякий случай еще один пилот.

Он стоял к Марку спиной и не видел, как тот замахнулся. Палка обрушилась ему на голову. Он не слышал, как Марк озабоченно произнес: «Простите, доктор Шеффилд». Собственно говоря, он даже не почувствовал удара, от которого потерял сознание.

Потом Шеффилд понял, что сознание вернулось к нему от сотрясения при посадке ракеты. Пока еще ничего не соображая, он смутно почувствовал сильную боль.

Откуда-то донесся голос Марка. Это было первое, что Шеффилд осознал. Он попытался перевернуться и встать на колени. В голове у него шумело.

Сначала голос Марка был для него просто набором бессмысленных звуков. Потом они начали складываться в слова. Наконец, когда он с трудом поднял веки и тут же был вынужден закрыть их снова, потому что ему стало больно от яркого света, он уже понимал целые фразы. Он стоял на одном колене, не в силах приподнять голову, и слушал, как Марк, задышавшись, выкрикивает:

— ...Тысяча людей, и все погибли. Остались только могилы. И никто не знает, почему.

Послышался гомон, в котором Шеффилд ничего не мог разобрать. Потом прозвучал чей-то хриплый бас. Потом снова заговорил Марк:

— А как по-вашему, для чего на борту все эти ученые?

Шеффилд, превозмогая боль, поднялся на ноги и прислонился к стене. Он дотронулся до головы и увидел на руке кровь. Она запеклась в сплывшихся волосах. Застонав, он качнулся вперед, нащупал засов и распахнул люк.

Трап был опущен. Шеффилд постоял у люка, пошатываясь, боясь сделать шаг.

Он понемногу начинал воспринимать окружающее. Высоко в небе стояли оба солнца, а в тысяче футов от него над низкорослыми деревьями возвышался гигантский стальной цилиндр «Трижды Г». Марк стоял у подножья трапа, окруженный членами экипажа, обремененными по пояс и дочерна загоревшими под ультрафиолетом Лагранжа-1. (Спасибо плотной атмосфере и мощному слою озона в ее верхней части, которые задерживали ультрафиолетовое излучение, доводя его до безопасного предела!).

Космонавт, стоявший прямо перед Марком, опирался на бейзбольную биту. Другой подбрасывал и ловил мяч. Многие были в бейзбольных перчатках.

«Чудно,— пронеслась в голове Шеффилда шальная мысль,— Марк приземлился прямо на стадионе».

Марк посмотрел вверх, увидел его и возбужденно закричал:

— Ну, спросите его! Спросите! Доктор Шеффилд, правда, на этой планете уже побывала экспедиция, которая погибла неизвестно от чего?

Шеффилд попытался произнести «Марк, что ты делаешь?», но не смог. С его губ сорвался только стон.

Космонавт с битой спросил:

— Мистер, правду говорит этот пузырь?

Шеффилд вцепился обеими руками в поручень трапа. Лицо космонавта поплыло у него перед глазами. Толстые губы и маленькие глазки, смотревшие из-под густых бровей, покачнулись и заплыхали перед ним. Потом трап взмыл в воздух и бешено завертелся у него над головой. Он схватился за подвернувшуюся откуда-то землю и почувствовал холодную боль в скуле. Тут он перестал сопротивляться и снова потерял сознание.

24

Во второй раз он очнулся не так болезненно. Он лежал в кровати, над ним склонились два расплывшихся лица. Перед глазами у него проплыло что-то длинное и тонкое, и сквозь шум в голове он услышал:

— Теперь он придет в себя, Саймон.

Шеффилд закрыл глаза. Каким-то образом он знал, что его голова обмотана бинтами.

С минуту он полежал спокойно, глубоко дыша. Снова открыв глаза, он яснее увидел лица. Одно из них принадлежало Нови — его серьезно нахмуренный лоб разгладился, когда Шеффилд сказал:

— Привет, Нови.

Второе лицо — злое, со сжатыми губами, но с едва заметным довольным выражением глаз, — было Саймона.

— Где мы? — спросил Шеффилд.

— В космосе, доктор Шеффилд, — ледяным тоном ответил Саймон. — Вот уже два дня.

— Два дня? — Шеффилд широко открыл глаза.

— У вас было серьезное сотрясение мозга, Шеффилд, — вмешался Нови, — чуть не треснул череп. Спокойнее.

— Что случи... Где Марк? Где Марк?!

— Спокойнее. Спокойнее.

Нови положил руки на плечи Шеффилда и заставил его снова лечь.

— Ваш мальчишка в карцере, — сказал Саймон. — Если вы хотите знать, почему, то он намеренно подстрекал к бунту на корабле, из-за чего жизнь пяти человек была подвергнута опасности. Мы чуть не остались во временном лагере, потому что команда хотела лететь немедленно. Капитан еле уговорил их захватить нас.

Теперь Шеффилд начал смутно припоминать. Перед ним, как в

тумане, возникли фигуры Марка и человека с битой. Марк говорил: «...тысяча людей, и все погибли...»

Сделав огромное усилие, психолог приподнялся на локте.

— Послушайте, Саймон, я не знаю, почему Марк это сделал, но дайте мне с ним поговорить. Я все узнаю.

— В этом нет необходимости,— ответил Саймон.— Все выяснится на суде.

Шеффилд попытался оттолкнуть руку Нови, удерживавшую его в постели.

— Но зачем такая официальность? Зачем впутывать Бюро? Мы можем и сами разобраться.

— Именно это мы и собираемся сделать. По космическому законодательству, капитан уполномочен лично разбирать дела о преступлениях, совершенных в космосе.

— Капитан? Устроить суд здесь? На корабле? Саймон, вы не должны этого допустить. Это будет убийство.

— Ничуть. Это будет справедливое и уместное судебное разбирательство. Я совершенно согласен с капитаном. В интересах дисциплины суд необходим.

— Послушайте, Саймон, не надо,— вмешался обеспокоенный Нови.— Он не в таком состоянии, чтобы все это переживать.

— Очень жаль,— сказал Саймон.

— Но вы не понимаете,— настаивал Шеффилд,— за мальчика отвечаю я.

— Наоборот, я это понимаю,— ответил Саймон.— Вот почему мы ждали, пока вы придете в себя. Вас тоже будут судить вместе с ним.

— Что?

— Вы отвечаете за все его действия. Кроме того, вы были вместе с ним, когда он угнал ракету. В тот момент, когда он призывал команду взбунтоваться, вас видели у люка ракеты.

— Но он раскроил мне череп, чтобы угнать ракету. Неужели вы не видите, что это серьезное умственное расстройство? Он не несет ответственности.

— Это решит капитан, Шеффилд. Оставайтесь с ним, Нови.

Он повернулся, чтобы уйти.

Шеффилд собрал все силы и крикнул:

— Саймон! Вы хотите отплатить мне за тот урок психологии, который я вам дал. Вы — ограниченный, мелочный...

Задыхаясь, он упал на подушку.

Саймон, который был уже в дверях, обернулся и произнес:

— И между прочим, Шеффилд, подстрекательство к бунту на борту корабля карается смертью!

«Ничего себе суд!» — мрачно подумал Шеффилд. Никто не придерживался законной процедуры; впрочем, психолог был уверен, что никто ее и не знает, и меньше всего — капитан.

Все сидели в большой кают-компании, где во время обычных рейсов команда собиралась смотреть субэфирные передачи. На этот раз никто из членов экипажа сюда допущен не был, хотя научный персонал присутствовал в полном составе.

Капитан Фолленби сидел за столом как раз под субэфирным приемником. Шеффилд и Марк Аннунчио сидели отдельно левее, лицом к нему.

Капитан явно чувствовал себя не в своей тарелке. Он то обменивался со «свидетелями» непринужденными репликами, то сверхофициально требовал прекратить шепот среди зрителей.

Шеффилд и Марк, увидевшиеся впервые после полета на ракете, обменялись торжественным рукопожатием. (Инициатива принадлежала Шеффилду: Марк, увидев заклеенное крест-накрест полосками пластыря выбритое место на голове Шеффилда, сначала не решился к нему подойти.)

— Простите меня, доктор Шеффилд. Простите.

— Ничего, Марк. Как с тобой обращались?

— По-моему, хорошо.

— Обвиняемые, не разговаривать! — раздался окрик капитана.

Шеффилд спокойно возразил:

— Послушайте, капитан, у нас не было адвокатов, и мы не успели подготовиться к ведению дела.

— Никаких адвокатов не нужно, — сказал капитан. — Это не суд присяжных на Земле. Это капитанское расследование. Совсем другое дело. Важны только факты, а не юридическая болтовня. Процесс может быть пересмотрен на Земле.

— Но нас к этому времени может не быть в живых, — горячо возразил Шеффилд.

— Начинаем! — объявил капитан, грохнув по столу алюминиевой скобой в виде буквы «Т».

Саймон сидел в первом ряду и слегка улыбался. Шеффилд с большим беспокойством следил за ним. Эта улыбка оставалась неизменной все время, пока вызывались свидетели, которые должны были показать, что команда ни в коем случае не должна была знать о цели экспедиции и что Марк с Шеффилдом присутствовали, когда им это говорилось. Миколог экспедиции рассказал о своем разговоре с Шеффилдом, из которого явствовало, что Шеффилд хорошо знал об этом запрете.

Было установлено, что Марк проболел большую часть полета к Малышке и что после посадки на нее он хотя и поправился, но вел себя странно.

— Как вы все это объясните? — спросил капитан.

Оттуда, где сидели зрители, вдруг раздался спокойный голос Саймона:

— Он перетрусил. Он был готов на все, лишь бы смыться с этой планеты.

Шеффилд вскочил.

— Его замечания не относятся к делу. Он не свидетель.

— Сядьте! — сказал капитан, ударив скобой по столу.

Суд продолжался. Был вызван один из членов экипажа, показавший, что Марк сообщил им о первой экспедиции и что при этом присутствовал Шеффилд.

— Я требую перекрестного допроса, — вскричал Шеффилд.

— Ваша очередь потом, — сказал капитан, и космонавта вывели.

Шеффилд внимательно вглядывался в зрителей. Было очевидно, что не все симпатии на стороне капитана. Шеффилд был все-таки психолог, и даже при таких обстоятельствах ему пришла в голову мысль, что многие из них, вероятно, в душе рады убраться с Малышки и благодарны Марку за то, что он это ускорил. Кроме того, им, очевидно, была не по вкусу эта поспешная судебная инсценировка. Вернадский сидел, нахмурившись, а Нови поглядывал на Саймона с явным неодобрением.

Шеффилда беспокоил Саймон. Психолог чувствовал, что не кто иной, как он, уговорил капитана устроить суд, и что он может настаивать на высшей мере наказания. Шеффилд горько пожалел, что задел патологическое тщеславие этого человека.

Но больше всего Шеффилда озадачивало поведение Марка. Он не проявлял никакого беспокойства, не видно было и следов космической болезни. Марк слушал внимательно, но происходящее, казалось, не очень волновало его, как будто он знал что-то такое, по сравнению с чем все остальное ничего не значило.

Капитан стукнул по столу и сказал:

— Кажется, все. Факты установлены. Бесспорно. Можно кончать.

Шеффилд опять вскочил с места.

— Погодите. А наша очередь?

— Молчите! — приказал капитан.

— Нет, это вы молчите! — Шеффилд обратился к зрителям. — Послушайте, нам не дали возможности оправдаться. Нам даже не разрешили допросить свидетелей. Разве это справедливо?

Поднялся гомон, который не могли перекрыть даже удары молотка.

— Чего там оправдываться? — холодно произнес Саймон.

— Может быть, и нечего, — крикнул ему в ответ Шеффилд. — Но тогда что вы потеряете, если нас выслушаете? Или вы боитесь, что нам есть чем оправдаться?

Теперь стали слышны отдельные выкрики:

— Дайте ему говорить!

— Валяйте! — пожал плечами Саймон.

Капитан угрюмо спросил:

— Чего вы хотите?

Шеффилд ответил:

— Выступить в качестве собственного адвоката и вызвать свидетелем Марка Аннунчио!

Марк спокойно встал. Шеффилд повернулся вместе со стулом к зрителям и сделал Марку знак сесть.

Он решил, что не стоит подражать судебным драмам, какие показывают по субэфиру. Торжественно спрашивать имя и биографию не было никакого смысла. Лучше приступить прямо к делу. И он сказал:

— Марк, ты знал, что произойдет, если ты расскажешь команде о первой экспедиции?

— Да, доктор Шеффилд.

— Тогда зачем ты это сделал?

— Потому что нам всем нужно было убраться с Малышки, не теряя ни минуты. Это был самый быстрый способ покинуть планету.

Шеффилд почувствовал, что этот ответ произвел на зрителей невыгодное впечатление, но он мог лишь довериться интуиции. Его психологическое чутье подсказывало, что только зная что-то определенное, Марк, да и любой мнемонист, способен так спокойно держаться в подобных условиях. В конце концов все знать — это из специальности.

— Марк, почему так важно было покинуть Малышку?

Марк, не колеблясь, поглядел прямо на сидевших против него ученых и ответил:

— Потому что я знаю, отчего погибла первая экспедиция, и мы погибли бы от того же — это был только вопрос времени. Может быть, и сейчас уже поздно. Может, мы уже умираем. Может быть, мы умрем все до единого.

Шеффилд услышал шум среди зрителей, потом все стихло. Даже капитан не дотронулся до своего молотка, даже с губ Саймона сползла улыбка.

В этот момент Шеффилд думал не о том, что знает Марк, а

о том, что он начал действовать самостоятельно на основе того, что знает. Такое уже случилось однажды, когда Марк, придумав собственную теорию, решил изучить судовой журнал. Шеффилд пожалел, что не занялся тогда же исследованием этой тенденции. Поэтому он довольно мрачно спросил:

— Почему ты не посоветовался со мной, Марк?

Марк чуть смутился.

— Вы бы мне не поверили. Поэтому мне пришлось ударить вас, чтобы вы мне не помешали. Никто из них мне бы не поверил. Они все меня ненавидят.

— Почему ты думаешь, что они тебя ненавидят?

— Ну, вспомните, что было с доктором Родригесом.

— Это было давно. С другими же ты не сталкивался.

— Я видел, как на меня смотрит доктор Саймон. А доктор Фоукс хотел застрелить меня из лучевого пистолета.

— Что? — Шеффилд повернулся к Фоуксу, забыв, в свою очередь, обо всех формальностях. — Фоукс, вы пытались застрелить его? Побагровевший Фоукс встал, и все уставились на него.

— Я был в лесу, — сказал он, — а он подкрался ко мне. Я думал, это животное, и принял меры предосторожности. Когда я увидел, что это он, я спрятал пистолет.

Шеффилд снова повернулся к Марку:

— Это верно?

Марк упрямо продолжал:

— А когда я попросил у доктора Вернадского посмотреть кое-какие данные, которые он собрал, он сказал, чтобы я их не публиковал. Как будто я нечестный человек!

— Клянусь Землей, я же пошутил! — раздался вопль.

Шеффилд поспешно сказал:

— Ну ладно, Марк, ты нам не веришь и поэтому решил действовать сам. А теперь — к делу. От чего, по-твоему, умерли первые поселенцы?

Марк ответил:

— От этого же мог бы умереть и Макояма, если бы не погиб при аварии через два месяца и три дня после своего сообщения о Малышке.

— Ладно, но от чего же?

Все затихли. Марк поглядел вокруг и сказал:

— От пыли.

Раздался общий хохот, и щеки Марка вспыхнули.

— Что ты хочешь сказать? — спросил Шеффилд.

— От пыли! Пыли, которая в воздухе! В ней — бериллий. Спросите у доктора Вернадского.

Вернадский встал и протолкался вперед.

— При чем тут я?

— Ну, конечно же,— продолжал Марк.— Это было в тех данных, которые вы мне показывали. Бериллия очень много в коре, значит, он должен быть с пылью и в воздухе.

— А что если там есть бериллий? — спросил Шеффилд.— Вернадский, прошу вас, позвольте мне задавать вопросы.

— Отравление бериллием, вот что. Когда вы дышите бериллиевой пылью, в легких образуются незаживающие грануломы. Я не знаю, что это такое, но во всяком случае, становится все труднее дышать, и потом вы умираете.

К всеобщему шуму прибавился еще один возбужденный голос. Это был Нови:

— О чем ты говоришь? Ты же не врач!

— Знаю,— серьезно ответил Марк,— но как-то я прочитал очень старинную книгу о ядах. Такую старинную, что она была напечатана на настоящей бумаге. В библиотеке всего несколько таких, и я их просмотрел — ведь это такая диковинка.

— Ладно,— сказал Нови,— и что ты прочел? Ты можешь мне рассказать?

Марк гордо поднял голову.

— Могу сказать на память. Слово в слово. «Любой из двухвалентных металлических ионов, имеющих одинаковый радиус, может активировать в организме поразительное разнообразие ферментативных реакций. Это могут быть ионы магния, марганца, цинка, железа, кобальта, никеля и другие. Во всех этих случаях ион бериллия, имеющий такой же размер и заряд, действует как ингибитор. Поэтому он тормозит многие реакции, катализируемые ферментами. Поскольку бериллий, по-видимому, никак не выводится из легких, вдыхание пыли, содержащей соли бериллия, вызывает различные метаболические расстройства, серьезные заболевания и смерть. Известны случаи, когда однократное действие бериллия приводило к летальному исходу. Первичные симптомы незаметны, и признаки заболевания появляются иногда через три года после действия бериллия. Прогноз тяжелый».

Капитан в волнении наклонился вперед.

— Что он говорит, Нови? Есть в этом какой-нибудь смысл?

— Не знаю, прав он или нет,— ответил Нови,— но в том, что он говорит, нет ничего невероятного.

— Вы хотите сказать, что не знаете, ядовит бериллий или нет,— резко сказал Шеффилд.

— Не знаю. Никогда об этом не читал. Мне не попалось ни единого случая.

Шеффилд повернулся к Вернадскому:

— Где-нибудь бериллий применяется?

Не скрывая своего изумления, Вернадский ответил:

— Нет. Черт возьми, не могу припомнить, чтобы он где-нибудь применялся. Впрочем, вот что. В начале атомной эпохи его использовали в примитивных атомных реакторах в качестве замедлителя нейтронов вместе с парафином и графитом. В этом я почти уверен.

— Значит, сейчас он не применяется? — настаивал Шеффилд.

— Нет.

Внезапно вмешался электронщик:

— По-моему, в первых люминесцентных лампах использовались цинк-бериллиевые покрытия. Кажется, где-то я об этом слышал.

— И все? — спросил Шеффилд.

— Все.

— Так вот, слушайте. Во-первых, все, что цитирует Марк, точно. Значит, так и было написано в той книге. Я считаю, что бериллий ядовит. В обычных условиях это неважно, потому что его содержание в почвах ничтожно. Когда же человек концентрирует бериллий, чтобы применять его в ядерных реакторах, или люминесцентных лампах, или даже в виде сплавов, он сталкивается с его ядовитыми свойствами и ищет ему заменителей. Он их находит, забывает о бериллии, потом забывает и о том, что бериллий ядовит. А потом мы встречаем планету, необычно богатую бериллием, вроде Малышки, и не можем понять, что с нами происходит.

Саймон, казалось, не слушал. Он тихо спросил:

— А что значит: «Прогноз тяжелый»?

Нови рассеянно ответил:

— Это значит, что если вы отравились бериллием, вам не вылечиться.

Саймон закурил губу и откинулся в кресле.

Нови обратился к Марку:

— Я полагаю, симптомы отравления бериллием...

Марк сразу же отвечал:

— Могу прочесть весь список. Я не понимаю этих слов, но...

— Было среди них слово «одышка»?

— Да.

Нови вздохнул и сказал:

— Предлагаю вернуться на Землю как можно скорее и пройти медицинское обследование.

— Но если мы все равно не вылечимся,— слабым голосом произнес Саймон,— то что толку?

— Медицина сильно продвинулась вперед с тех пор, как книги печатали на бумаге,— возразил Нови.— Кроме того, мы могли не

получить смертельную дозу. Первые поселенцы больше года прожили под постоянным действием бериллия. Мы же подвергались ему только месяц — благодаря быстрым и решительным действиям Марка Аннунцио.

— Ради всего космоса, капитан, — вскричал в отчаянии Фоукс, — давайте выбираться отсюда! Скорее на Землю!

Похоже было, что суд окончен. Шеффилд и Марк вышли в числе первых.

Последним поднялся с кресла Саймон. Он побрел к двери с видом человека, который уже считает себя трупом.

26

Система Лагранжа превратилась в звездочку, затерянную в оставшемся позади скоплении.

Шеффилд поглядел на это пятнышко света и со вздохом сказал:

— А такая красивая планета... Ну что ж, будем надеяться, что останемся в живых. Во всяком случае, впредь правительство будет остерегаться планет с высоким содержанием бериллия. В эту разновидность ловушки для простаков человечество больше не попадет.

Марк не ответил. Суд был окончен, и его возбуждение улеглось. В глазах его стояли слезы. Он думал только о том, что может умереть; а если он умрет, во Вселенной останется столько интересных вещей, которых он никогда не узнает!..

ФРЕДРИК БРАУН АРЕНА

Карсон открыл глаза и увидел над собой тускло мерцающую голубизну.

Было жарко. Он лежал на песке. Ему в спину впивался торчавший из песка острый камень. Карсон повернулся на бок, потом сел, упираясь руками в песок.

«Я сошел с ума, — подумал он. — Или умер. Или еще что-нибудь...»

Песок был голубым. Ярко-голубым. А голубого песка нет ни на Земле, ни на одной из планет.

Голубой песок.

Голубой песок под голубым куполом — ни небом, ни потолком, а какой-то замкнутой поверхностью. Карсон почему-то знал, что она замкнута и конечна, хотя и не мог этого видеть.

Он набрал горсть песка, который заструился между его пальцами. Струйки защекотали его голую ногу.

Голую? Он был абсолютно обнажен, и его тело уже покрылось обильным потом от расслабляющего жара и тоже стало голубым там, где к нему прилип песок.

Но в остальных местах оно было белым. «Значит, этот песок на самом деле голубой,— подумал он.— Если бы он только казался голубым в голубом свете, то и я был бы голубой. Но я белый,— значит, песок голубой. Голубой песок. Голубого песка не бывает. И такого места не бывает, как это».

Пот стекал ему в глаза. Было жарко, как в аду. Только ад должен быть докрасна раскаленным, а не голубым.

Но если это не ад, то что это? Из всех планет такой горячий только Меркурий, но это не Меркурий. И потом, Меркурий остался примерно в четырех миллиардах миль позади от...

И тут он вспомнил, где он был только что. В маленьком одноместном космолете, несшем патрульную службу за орбитой Плутона, в миллионе миль от фланга земной армады, построившейся в боевой порядок, чтобы встретить Пришельцев.

Он вспомнил тот внезапный, резкий, трезожный звонок, когда следящие системы зарегистрировали приближение врага...

Никто не знал, кто такие Пришельцы, как они выглядят, из какой далекой галактики они пришли,— знали только, что она где-то в направлении Плеяд.

Первые разрозненные налеты на дальние колонии и опорные пункты Земли. Отдельные стычки между земными патрулями и небольшими группами космических кораблей Пришельцев; стычки, в которых земляне иногда побеждали, иногда терпели поражение, но до сих пор ни разу не смогли захватить космолет противника. Не осталось в живых и ни одного жителя подвергавшихся налетам колоний,— рассказать хоть что-нибудь о Пришельцах было некому.

Сначала угроза казалась не очень серьезной — налеты были многочисленными и приносили не так уж много ущерба. Их космолеты как будто слегка уступали земным в вооружении, хотя чуть-чуть превосходили их в скорости и маневренности. Как раз настолько, что Пришельцы, если только они не были окружены, могли выбирать — вступить им в бой или скрыться.

И все-таки Земля готовилась к решительному сражению. Был построен небывало могучий космический флот. Ждать пришлось долго. Но теперь генеральное сражение приближалось.

Разведчики обнаружили огромный флот Пришельцев в двадцати миллиардах миль от Земли. Эти разведчики так и не вернулись,

но их сообщения были получены. И вот земная армада, все десять тысяч космолетов и полмиллиона космонавтов, расположилась в ожидании за орбитой Плутона, готовая сражаться на смерть.

Битва предстояла на равных — об этом можно было судить по рапортам передовых патрулей, которые пожертвовали жизнью, но перед тем, как погибнуть, передали данные о численности и силе флота противника.

При равенстве сил судьбу Солнечной системы могла решить ничтожнейшая случайность. И решение было бы окончательным — в случае поражения Земля и все ее колонии оказались бы в полной власти Пришельцев...

О да, теперь Боб Карсон все вспомнил.

Правда, это не имело отношения к голубому песку и мерцающей голубизне над головой. Но он помнил, как прозвучал этот резкий звонок тревоги, как он бросился к панели управления, как в лихорадочной спешке пристегнулся к креслу, как перед ним на экране росла светлая точка.

Как у него пересохло горло. Как он с ужасом понял — началось! Для него, по крайней мере: основные силы сражающихся были еще вне пределов досягаемости друг для друга.

Меньше чем через три секунды он или останется победителем, или превратится в горстку пепла. Три секунды — столько длится бой в космосе. За это время можно не спеша сосчитать до трех, а после этого ты или победишь, или будешь мертв. Одного попадания вполне достаточно для маленького, одноместного, легко вооруженного и слабо бронированного патрульного космолета.

Машинально шепча пересохшими губами «Раз!», он лихорадочно крутил ручки на пульте, чтобы растущая точка оставалась в перекрестии линий на экране. Правая нога его замерла над педалью спуска. Единственный смертоносный залп — или он попадет, или нет. Для второго выстрела времени уже не останется.

«Два». Он снова не слышал, как у него это вырвалось. Точка на экране перестала быть точкой. Расположенный в нескольких тысячах миль вражеский космолет был виден так, как будто до него несколько сотен метров. Это был легкий, быстрый патрульный космолет почти такого же размера, как и у Боба.

Вражеский патрульный космолет.

«Тр...» Его нога коснулась педали...

И вдруг Пришелец скользнул по экрану в сторону и вышел из перекрестия. Карсон схватился из ручки, чтобы пуститься в логоню. Какую-то долю секунды противника не было видно, потом корабль Карсона развернулся, и тот снова появился на экране — Карсон увидел, как он круто снижается к земле.

К земле?!

Какая-то оптическая иллюзия, не иначе. Этой планеты, теперь занимавшей весь экран, не могло быть здесь. Просто не могло. Вокруг не было ни одной планеты ближе, чем Нептун, а он был в трех миллиардах миль. Плутон находился по другую сторону Солнца, которое виделось отсюда крохотной точкой.

А как же системы слежения? Они не обнаруживали никакого предмета размером хотя бы с астероид. Сигналы молчали и сейчас.

Этого не могло быть — того, к чему он приближался и что было уже в нескольких сотнях миль под ним.

Внезапная угроза катастрофы заставила его забыть даже о противнике. Он включил передние тормозные ракеты и, повиснув на ремнях, изо всех сил навалился на штурвал аварийного разворота, зная, что только полная мощность двигателей спасет его от катастрофы и что от таких перегрузок он сейчас потеряет сознание.

А теперь он сидел на горячем голубом песке, совершенно голый, но целый и невредимый. Вокруг не было никаких следов его космолета, да и самого космоса. Эта поверхность над головой никак не могла быть небом.

Он, шатаясь, встал на ноги. Сила тяжести была немного больше земной. Не намного.

Кругом простирался ровный песок. Кое-где группами росли какие-то тощие кустики. Они тоже были голубые, но разных оттенков — одни светлее, чем песок, другие темнее.

Из-под ближайшего куста выбежало маленькое животное, похожее на ящерицу, только у него было не четыре ноги, а гораздо больше. Оно тоже было голубым — светло-голубым. Увидев Карсона, оно снова спряталось под куст.

Боб снова посмотрел вверх, пытаясь сообразить, что же там такое. Это не было похоже на крышу, однако имело форму купола. Оно мерцало, и смотреть на него было трудно. Но оно определенно со всех сторон доходило до самой земли — до голубого песка.

Боб стоял недалеко от центра купола. До ближайшей стены — если это стена — было метров сто. Над плоской поверхностью песка как будто было опрокинута какое-то голубое полушарие метров 250 в окружности.

И все было голубое, кроме одного предмета. У дальней стороны круглой стены лежало что-то багровое. Это был почти правильный шар диаметром около метра. Он был слишком далеко, чтобы его можно было ясно разглядеть в этом голубом мерцании. И все-таки Карсон почему-то содрогнулся.

Он вытер пот со лба тыльной частью руки.

Что это, кошмар? Эта жара, этот песок, это смутное ощущение ужаса при одном взгляде на багровый шар?

Сон? Не может быть: во время космического боя не засыпают.

Смерть? Невозможно: если бессмертне и существует, то в нем не может быть этого бессмысленного голубого песка, голубого жара и багрового ужаса.

И тогда он услышал голос.

Он услышал его не ушами — голос зазвучал внутри его головы. Он шел ниоткуда и отовсюду.

«Путешествуя в пространстве и времени,— звенело у него в мозгу,— я обнаружил две цивилизации, готовые начать войну, которая истребила бы одну из них и настолько ослабила бы другую, что она неизбежно регрессировала бы и уже никогда не выполнила бы своего предназначения, а распалась бы и вернулась в прах, из которого она поднялась. Но этого не должно случиться.»

«Кто... ты?» — Карсон не сказал этого вслух, но вопрос возник у него в мозгу.

«Ты не сможешь этого правильно понять. Я...— голос замолк, как будто искал в мозгу Карсона слово, которого там не было, которого он не знал.— Я — результат эволюции цивилизации такой древней, что ее возраст нельзя выразить понятными для тебя словами. Цивилизации, слившейся в единое целое, каким может стать и твоя примитивная цивилизация...— снова пауза, подыскивание слова,— много времени спустя. Таким могут стать и те, кого ты называешь Пришельцами. Поэтому я и вмешался перед началом битвы, столь равной, что результатом ее будет истребление обеих цивилизаций. Одна из них должна выжить. Выжить, чтобы развиваться дальше.»

«Одна? — подумал Карсон.— Моя или...»

«В моих силах прекратить войну, послать Пришельцев назад в свою галактику. Но они все равно вернутся, или же вы рано или поздно их найдете. Только постоянным вмешательством мог бы я предотвратить взаимное истребление, но я не могу остаться. Поэтому я решил вмешаться сейчас. Я полностью истреблю один флот без всяких потерь для другого. Так одна из цивилизаций сможет выжить.»

«Кошмар. Конечно, это кошмар», — подумал Карсон. Но он знал, что это не кошмар.

Все это было слишком бредово, слишком невероятно, чтобы не происходить на самом деле.

Он не осмелился задать вопрос — который? Но его мысли задали этот вопрос сами.

«Выживет сильнейший», — сказал голос.— Этого я не могу — и не стал бы — изменять. Я просто вмешаюсь, чтобы это была на-

стоящая, а не...— снова пауза,— а не Пиррова победа, чтобы победившая цивилизация не была ею сломлена.

Я выбрал двух индивидуумов — тебя и Пришельца. Я вижу, что в вашей древней истории, истории межнациональных войн, известны поединки между представителями племен, решавшие исход борьбы.

Тебе и твоему противнику предстоит выдержать поединок. Оба вы наги и безоружны, обстановка одинаково незнакома обоим, одинаково неприятна для обоих. Время не ограничено — здесь нет времени. Один из вас победит. Его цивилизация выживет.

— Но...— Карсон сам не знал, что он хотел сказать, но голос ответил:

«Это справедливо. Условия таковы, что решит не случайное физическое превосходство. Между вами барьер. Ты поймешь. Ум и мужество будут важнее силы. Особенно мужество — воля к жизни.

— Но пока это будет происходить здесь, наши космолеты...

«Нет, вы в ином времени, ином пространстве. Пока вы здесь, в известном вам мире время стоит на месте. Я вижу, ты думаешь, на самом ли деле все это существует. И да и нет. Но для тебя сейчас это существует на самом деле. То, что ты здесь перенесешь, будет на самом деле. И если ты умрешь, ты умрешь на самом деле. А твоя смерть будет концом всей вашей цивилизации. Теперь ты знаешь достаточно».

И голос умолк.

Карсон снова остался один. Нет, не один — он поднял глаза и увидел, что тот багровый предмет, тот страшный шар, который, как он теперь знал, и есть Пришелец, катится к нему.

Катится.

У него как будто не было ни рук, ни ног, никаких внешних придатков. Он катился по голубому песку, как капля ртути. А перед ним каким-то образом распространялась парализующая волна головокружительной, одуряющей, страшной ненависти.

Карсон огляделся. В нескольких футах от него в песке лежал камень — единственное, что могло сойти за оружие. Камень был невелик, но с острыми краями, как у осколка кремня. Он и похож был на голубой кремень.

Карсон схватил камень и пригнулся, готовый отразить нападение. Противник приближался — он двигался быстрее, чем мог бы бежать Карсон.

Некогда было думать о том, как сражаться с ним, да и как можно было заранее представить себе сражение с существом неизвестной силы, неведомого устройства, с неизвестными приемами борьбы?

Десять метров. Пять. И тут оно остановилось.

Вернее, его что-то остановило. Его передняя часть вдруг стала плоской, как будто оно наткнулось на невидимую стену. Оно даже отскочило назад.

Потом оно снова покатилося вперед, но уже медленнее, осторожнее. И в том же месте снова остановилось. Попробовало в другом месте — и тоже остановилось.

Между ними был какой-то барьер. И Карсон вспомнил: «Дело решит не случайное физическое превосходство. Между вами барьер».

Это, конечно, какое-то силовое поле. Не поле Нетци, известное на Земле: но светилось и потрескивало. Это было невидимо и не издавало никаких звуков.

Барьер шел от одного края перевернутого полушария до другого. Карсону не пришлось самому в этом удостовериться — это сделал Пришелец. Он боком прокатился вдоль барьера и не нашел прохода.

Карсон сделал полдюжины шагов вперед, протянув перед собой левую руку, и наконец коснулся барьера. Он был гладкий, упругий, похожий больше на резину, чем на стекло. Теплый на ощупь, но не теплее песка под ногами. И он был совершенно невидим, даже вблизи.

Он бросил камень и налег на барьер обеими руками. Барьер как будто чуть подался. Но не больше, даже после того, как Карсон навалился на него всем своим весом. Это было похоже на сталь, покрытую слоем резины. До какого-то предела — упругость, а дальше — несокрушимая твердость.

Он привстал на носки, но там, куда он мог дотянуться, барьер был.

Пришелец, докатившись до края арены, возвращался. Карсона снова охватило головокружение и тошнота, и он отступил от барьера. Но Пришелец не остановился.

А далеко ли простирается барьер вниз? Карсон встал на колени и начал разрывать песок. Песок был легкий, рыхлый, копать его было легко. Он выкопал яму глубиной в два фута, — и барьер там все еще был.

⁶ Пришелец снова катился к нему. Очевидно, он нигде не нашел прохода.

Но ведь должен же быть способ проникнуть через барьер, подумал Карсон. Мы должны как-то добраться друг до друга. Иначе вся эта дуэль бессмысленна.

Но не надо спешить. Сначала нужно попробовать кое-что еще. Пришелец уже вернулся и остановился по ту сторону барьера, всего в каких-нибудь двух метрах от Карсона. Казалось, он разглядывает

его, хотя Карсон никак не мог обнаружить у него каких бы то ни было органов чувств. Ничего похожего на глаза, уши, даже на рот. Впрочем, теперь он увидел на поверхности с десяток выемок, и как раз в это время из двух таких выемок внезапно высунулись два щупальца, которые погрузились в песок, как будто пробуд его плотность. Щупальца были около дюйма диаметром и фута в полтора длиной. Они убирались в выемки, когда в них не было нужды — например, когда Пришелец катился. К его способу передвижения они, очевидно, не имели отношения. Насколько Карсон мог судить, Пришелец перекачивался, как-то изменяя положение своего центра тяжести, хотя как он мог это делать, Карсон не имел даже отдаленного представления.

Еще раз поглядев на Пришельца, он содрогнулся. Это было существо, до жути чуждое всему земному, всем формам жизни, обнаруженным на других планетах Солнечной системы. И он инстинктивно почувствовал, что разум, которым наделено это существо, так же чужд всему земному, как и его организм.

Но попробовать нужно было. Если это существо не обладает телепатическими способностями, попытка обречена на неудачу. Но Карсону казалось, что такие способности у Пришельца есть. Во всяком случае, он распространял вокруг себя почти ощутимую волну ощущения — ощущения ненависти. А раз так, то, может быть, он сможет и читать мысли.

Карсон поднял камень — свое единственное оружие, — потом демонстративно швырнул его на землю и поднял перед собой ладони вперед. Он заговорил, хотя и знал, что его слова будут непонятны для этого существа, — но он подумал, что так ему легче будет сосредоточиться на мыслях, которые он хотел передать.

— А может быть, мы заключим мир? — сказал он, и его голое странно прозвучало в абсолютной тишине. — Нам сказали, что произойдет, если наши цивилизации будут воевать друг с другом: истребление одной и ослабление и регресс другой. Исход сражения зависит от того, чем кончится дело у нас здесь. Не заключить ли нам мир — вы остаетесь в своей галактике, мы — в своей?

Карсон отключил все свои мысли, чтобы получить ответ.

И ответ пришел — он обрушился на него почти физически, так что Карсон пошатнулся. Он даже отступил на несколько шагов в ужасе от силы и глубины той ненависти, той жажды убивать, которые открылись перед ним в переданных Пришельцем образах. Не в членораздельных словах, как передавались ему мысли Единого Существа, а в волнах дикой ярости. Какое-то мгновение, показавшееся ему вечностью, он боролся с силой этой ненависти, чтобы очистить

от нее свой разум и отогнать чуждые мысли, которые он допустил себе в голову. Его затошнило.

Его разум понемногу освободился, как человек, очнувшийся от кошмара, понемногу разрывает бредовые нити, которыми был опутан. Карсон еще задыхался и ощущал слабость, но он уже мог думать.

Он стоял, разглядывая Пришельца. Тот не двигался с места, пока длилась эта дуэль, которую он чуть не выиграл. Теперь он откатился на несколько футов в сторону, к ближайшему голубому кусту. Из выемок показались три щупальца и начали ощупывать куст, ветка за веткой.

— Что ж,— сказал Карсон,— война так война.

Ему удалось даже криво ухмыльнуться.

— Если я правильно тебя понял, мир тебя не устраивает.

И, не в силах удержаться от красивой фразы, добавил:

— Война — не на жизнь, а на смерть!

Но в этой абсолютной тишине его слова прозвучали глупо,— даже он сам это почувствовал. И тут он понял, что война будет в самом деле не на жизнь, а на смерть. И его смерть — или смерть этого круглого существа — будет смертью целой цивилизации. Если он потерпит поражение, это приведет к гибели человечества.

При этой мысли он вдруг почувствовал робость. Ведь он знал это наверняка, вне всякого сомнения. Он почему-то знал, что тот, кто устроил этот поединок, говорил правду о своих намерениях и возможностях. Без дураков.

Будущее человечества зависит от него. Об этом было страшно подумать, и он отогнал эту мысль. Нужно было подумать о насущных делах.

Должен же быть какой-нибудь способ проникнуть через барьер — или убивать через барьер.

С помощью телепатии? Он надеялся, что нет, потому что телепатические способности Пришельца явно превосходили человеческие. А может быть, не превосходили? Ведь смог же он изгнать из своего разума мысли Пришельца. А Пришелец? Если у него сильнее развита способность передавать свои мысли, не делает ли это его более уязвимым для чужих?

Карсон уставился на Пришельца и сконцентрировал на нем всю силу своих мыслей.

— Умри,— подумал он.— Ты сейчас умрешь. Ты умираешь. Ты...

Он пробовал несколько раз, в разных вариантах, пробовал передавать образы. Пот выступил у него на лбу, он весь дрожал от напряжения. Но Пришелец продолжал ощупывать куст — все это

произвело на него не большее впечатление, чем если бы Карсон декламировал таблицу умножения.

Значит, ничего не вышло.

От жары и страшного напряжения мысли он снова почувствовал слабость и головокружение. Он присел на песок отдохнуть и занялся внимательным изучением Пришельца. Может быть, так он сможет обнаружить его сильные и слабые стороны, узнает о нем что-нибудь такое, что может пригодиться, когда дойдет дело до рукопашной.

Пришелец обламывал веточки, Карсон внимательно следил за ним, пытаясь определить, каких это требует от него усилий. Надо будет найти такой же куст на моей стороне, подумал он, самому сломать такие же веточки и сравнить силу моих рук и этих щупалец.

Веточки отламывались с трудом; он видел, что Пришельцу приходилось с каждой изрядно повозиться. Каждое щупальце на конце раздвигалось, образуя два пальца с когтем на каждом. Когти выглядели не особенно опасными. Не опаснее человеческих ногтей, если дать им немного подрасти.

Нет, в общем с ним не так трудно будет справиться. Конечно, если эти кусты не очень крепкие. Карсон огляделся и увидел точно такой же куст рядом с собой. Он протянул руку и отломил веточку. Она оказалась хрупкой и непрочной. Конечно, Пришелец мог нарочно скрывать свою силу, но вряд ли.

С другой стороны, где его уязвимые места? Как, собственно, можно его убить, если представится такая возможность? Он снова начал изучать противника. Его внешняя оболочка выглядела довольно крепкой. Понадобится какое-нибудь острое оружие. Карсон опять поднял камень. Он был дюймов 12 длиной, узкий и с одним довольно острым краем. Если бы он расщеплялся, как кремль, из него можно было бы сделать вполне приличный нож.

Пришелец продолжал исследовать кусты. Он подкатился к ближайшему кусту другой разновидности. Из-под куста выскочила голубая многоногая ящерка — точно такая же, какую Карсон видел на своей стороне.

Щупальце Пришельца метнулось, схватило ее и подняло в воздух. Другое щупальце начало обрывать ей ноги — спокойно и равнодушно, как будто это были веточки. Ящерка судорожно билась, издавая резкий визг — первый звук, который Карсон услышал здесь, если не считать его собственного голоса.

Карсон содрогнулся, ему захотелось отвести взгляд. Но он заставил себя смотреть — все, что он узнает о Пришельце, может оказаться полезным. Полезно даже видеть эту ненужную жестокость. Будет просто приятно прикончить это существо, если это удастся.

Именно поэтому он сдержал отвращение и продолжал смотреть, как Пришелец рвет ящерку на куски.

Но он обрадовался, когда ящерка, у которой была уже оторвана половина ног, умолкла, перестала биться и висела мертвая в щупальцах Пришельца.

Тот не стал отрывать ей остальные ноги и пренебрежительно отшвырнул ее тело в сторону Карсона. Мертвая ящерка упала у самых его ног.

Она миновала барьер! Барьера больше нет!

Карсон мгновенно вскочил, крепко сжимая в руке нож, и прыгнул вперед. Сейчас он с ним расправится! Если барьера нет...

Но барьер был. Он убедился в этом на горьком опыте, налетев на него головой и чуть не потеряв сознание от удара. Его отбросило назад, и он упал.

Когда он снова сел, тряся затуманенной головой, он заметил, что в его сторону что-то летит, и чтобы увернуться, распластался на песке. Он уберет свое туловище, но ощутил внезапную острую боль в левой икре.

Не обращая внимания на боль, он откатился назад и поднялся на ноги. Теперь он видел, что в него попал камень, а Пришелец уже поднял другой, захватив его двумя щупальцами, и замахнулся для броска.

Камень полетел в Карсона, но он легко увернулся. Пришелец, очевидно, не мог бросать камни сильно и далеко. Первый камень попал в него только потому, что он сидел и не видел его приближения.

Увернувшись от слабо брошенного второго камня, Карсон запустил в Пришельца своим камнем, который все еще был у него в руке. Он вдруг обрадовался, подумав: если камни могут перелетать через барьер, то стоит этим заняться. Человек с сильной рукой и точным глазомером...

На расстоянии четырех метров он не мог промахнуться по трехфутовой мишени, и он не промахнулся. Камень полетел точно и сильно — в несколько раз быстрее, чем камни, брошенные Пришельцем. Он попал в самую середину, но, к несчастью, попал плашмя, а не острым концом.

Тем не менее он попал — раздался увесистый удар, и Пришелец явно его почувствовал. Он в это время искал еще камень, но теперь передумал и откатился назад. К тому времени, как Карсон приготовился к новому броску, Пришелец был уже в сорока метрах от барьера и продолжал катиться назад.

Во второй раз Карсон промахнулся на несколько футов, а третий камень не долетел до цели. Пришелец был вне пределов до-

смягемости — во всяком случае, для достаточно тяжелого камня, который мог бы причинить ему вред.

Карсон усмехнулся. Этот раунд он выиграл. Если не считать...

Он нагнулся, чтобы посмотреть, что у него с ногой, и улыбка исчезла с его губ. Острый край камня нанес ему довольно глубокую рану в несколько дюймов длиной. Она сильно кровоточила, хотя артерия, скорее всего, задета не была. Если кровотечение прекратится само, все будет в порядке. А если нет, дело плохо.

Но нужно было заняться кое-чем поважнее этой раны. Устройством барьера.

Он снова подошел к барьеру, вытянув вперед руки. Он нашел барьер и, упираясь в него одной рукой, швырнул в него горсть песка. Песок пролетел насквозь, а его рука — нет.

Органика и неорганика? Нет, потому что сквозь барьер пролетела мертвая ящерка, а ящерка, даже мертвая, — это все равно органика. А растение? Он отломал сучок и ткнул им в барьер. Сучок прошел насквозь, но когда до барьера дотронулись его пальцы, сжимавшие сучок, они не прошли.

Значит, Карсона барьер не пропускает, и Пришельца тоже. А камни, песок, мертвую ящерицу...

А живая ящерица? Он принялся охотиться за ними под кустами и скоро поймал одну. Он осторожно бросил ее в барьер, и она отлетела назад и побежала прочь по голубому песку.

Насколько можно было судить, это был окончательный ответ. Барьер преграждал путь живым существам. Неживое и неорганическое вещество могли проникать сквозь него.

Выяснив это, Карсон снова взглянул на свою раненую ногу. Кровотечение ослабло — это значило, что ему не нужно думать о турникете. Но нужно было разыскать немного воды, чтобы обмыть рану.

При мысли о воде он понял, что страшно хочет пить. Если схватка затянется, рано или поздно необходимо будет найти воду.

Слегка хромя, он начал обход своей половины арены. Касаясь барьера одной рукой, он дошел до полукруглой стены. Она была видима — вблизи она казалась серо-голубой — а на ощупь была точно такая же, как и барьер.

Карсон на всякий случай бросил в нее горсть песка, — песок прошел насквозь и исчез из вида. Значит, полукруглая стена — это тоже силовое поле. Но сплошное, а не прозрачное, как барьер.

Он пошел вдоль стены, пока не вернулся к барьеру, а потом вдоль барьера к тому месту, с которого начал.

Воды не было и следов.

Обеспокоенный, он начал ходить зигзагами между барьером и

стеной, внимательно разглядывая пространство между ними.

Воды не было. Голубой песок, голубые кусты, невыносимая жара. И больше — ничего.

«Наверное, мне только кажется, что я так уж страдаю от жажды», — сказал он себе. Сколько прошло времени? Конечно, по меркам его пространства-времени — нисколько. Ему же было сказано, что пока он здесь, там время стоит на месте. Но жизненные процессы в его организме идут и здесь. Сколько же прошло времени, если измерять его этими процессами? Вероятно, три-четыре часа. Во всяком случае, не так долго, чтобы начать серьезно страдать от жажды.

И все-таки он испытывал сильнейшую жажду. В горле у него пересохло. Может быть, дело в жаре. А было в самом деле жарко! Наверное, градусов 55. Сухая жара без малейшего движения воздуха.

Он сильно хромал и был совершенно измучен к тому времени, как кончил бесплодный обход своих владений.

Он поглядел на неподвижного Пришельца и подумал: надеюсь, что и ему так же скверно. Очень может быть, что так и есть. Ведь нам сказали, что обстановка здесь одинаково незнакомая и одинаково неприятная для нас обоих. Может быть, на планете Пришельцев нормальная температура — градусов 90. Может быть, здесь, где Карсон медленно поджаривается, Пришелец замерзает.

А может быть, воздух здесь слишком плотен для Пришельца, как он слишком разрежен для Карсона. После прогулки он просто запыхался. Теперь он сообразил, что воздух здесь не плотнее, чем на Марсе.

И никакой воды.

Это означало, что для борьбы поставлен предел — во всяком случае, для него. Если он не найдет способа проникнуть сквозь барьер или убить врага, оставаясь по эту сторону, — рано или поздно его убьет жажда.

Он понял, что нужно спешить. Но все-таки он заставил себя присесть, чтобы немного отдохнуть и подумать.

Что делать? Ничего. И тем не менее дел много. Вот, например, разные виды кустов. Они выглядят не очень многообещающими, но нужно внимательно их изучить. Потом нога: с ней что-то нужно сделать, хоть и без воды. Приготовить боеприпасы в виде камней. Найти камень, из которого можно было бы сделать хороший нож.

Нога к этому времени сильно разболелась, и он решил начать с нее. На одном из кустов росли листья или что-то вроде листьев. Он сорвал горсть листьев и решил рискнуть. Листьями он стер песок, грязь и залекшуюся кровь, потом сделал компресс из свежих

листьев и привязал его к ноге усиками с того же куста.

Эти усики оказались неожиданно прочными. Они были тонкие, но зато гибкие и упругие, и он не мог их переломить, как ни старался. Пришлось отпиливать их острым краем голубого камня. Те усики, что были потолще, в длину достигали целого фута, и он на всякий случай запомнил, что если их связать по нескольку штук, получится вполне приличная веревка. Может быть, веревка ему пригодится.

Он продолжал исследовать кусты. Оставалось еще три разновидности. Одни кусты были без листьев, сухие, хрупкие, похожие на сухое пережаты-поле. Другие были мягкие и крошились, почти как гнилушка. Похоже было, что из них получится прекрасный трут для костра. Третьи были больше остальных похожи на деревья. У них были нежные листья, которые сворачивались при прикосновении, а стебли были хотя и короткими, но прочными и крепкими.

Было жарко. Невыносимо жарко.

Сильно хромая, Карсон подошел к барьеру и пощупал, здесь ли он еще. Барьер все еще был здесь.

Некоторое время он стоял и глядел на Пришельца. Тот держался на безопасном расстоянии от барьера и там что-то делал, двигаясь взад и вперед. Что он делал, Карсон разглядеть не мог.

Один раз он остановился, немного приблизился и как будто устался на Карсона. И снова Карсону пришлось бороться с приступом тошноты. Он швырнул в Пришельца камнем, тот отступил и продолжал заниматься своим непонятным делом.

По крайней мере, Карсон мог держать его на расстоянии.

«Очень много от этого толку»,— подумал он с горечью. Тем не менее следующие два часа он провел, собирая камни подходящей величины и складывая их в аккуратные кучки поблизости от барьера.

Горло у него горело. Он почти ни о чем не мог думать, кроме воды.

Но ему приходилось думать. О том, как проникнуть сквозь барьер, как добраться до этого существа и убить его, пока жара и жажда не убили его самого.

Барьер с обеих сторон доходил до стены. А сверху и внизу?

Некоторое время у Карсона в голове стоял какой-то туман, и он никак не мог сообразить, как бы ему это выяснить. Сидя неподвижно на голубом песке (а как он сел — этого он не помнил), он бесцельно смотрел, как голубая ящерка перебегает от одного куста к другому.

Карсон улыбнулся ей. Может быть, у него в голове что-то было неладно, потому что он вдруг вспомнил старые рассказы марсианских колонистов: «...Скоро тебе становится так одиноко, что ты на-

чинаешь заговаривать с ящерицами, а потом приходит время, когда они начинают тебе отвечать...»

Конечно, ему надо бы думать о том, как убить Пришельца, но вместо этого он улыбнулся ящерице и сказал:

— Привет!

Ящерица сделал несколько шагов в его сторону.

— Привет! — ответила она.

Карсон оцепенел от изумления, а потом пришел в себя и разразился хохотом. И смеяться ему было не больно — не настолько уж у него пересохло горло.

А почему бы и нет? Почему бы существу, которое изобрело это кошмарное место, не обладать и чувством юмора? Говорящие ящерки, которые отвечают тебе на твоём языке, — разве это не мило?

Он улыбнулся ящерке и сказал:

— Иди сюда.

Но ящерка повернулась и убежала, перебегая от куста к кусту, пока не скрылась из вида.

Он снова почувствовал жажду.

И потом нужно что-то делать. Он не может победить, просто сидя здесь и предаваясь отчаянию. Нужно что-то делать. Но что?

Проникнуть сквозь барьер. Но он не может пройти сквозь него, не может и перелезть. А если подлезть под него снизу? И ведь к тому же, чтобы найти воду, копают колодцы. Одним выстрелом двух зайцев...

Преодолевая боль, Карсон подошел к барьеру и начал копать песок голыми руками. Это была медленная, трудная работа: песок осыпался, и чем глубже он копал, тем шире приходилось делать яму. Он не знал, сколько часов прошло, но на глубине четырех футов он уперся в скалу. Скала была совершенно сухой — никаких признаков воды.

А силовое поле доходило до скалы. Все зря. И воды нет. Ничего.

Он выполз из ямы и лег на песок, задыхаясь. Потом он поднял голову, чтобы посмотреть, что делает Пришелец. Должен же он что-то делать.

Так и есть. Он что-то соорудил из веток кустарника, связывая их тонкими усиками. Странное сооружение высотой фута в четыре и почти квадратное. Чтобы разглядеть его получше, Карсон взобрался на кучу песка, которую он выкопал. Сзади из машины торчали два длинных рычага, один из них заканчивался углублением наподобие чашки. «Похоже на какую-то катапульту», — подумал Карсон.

И верно — Пришелец положил в чашку увесистый камень, одним щупальцем подвигал вверх-вниз другой рычаг, потом слегка повер-

нул машину, как будто целясь, а потом рычаг с камнем метнулся вверх и вперед.

Камень пролетел в нескольких метрах над головой Карсона, так далеко, что он даже не стал нагибаться, но он прикинул, на каком расстоянии полетел камень, и присвистнул. Он не мог бы бросить камень такого веса дальше, чем на половину этого расстояния. И даже если он отступит к задней стене своих владений, эта машина достанет до него, когда Пришелец придвинет ее к самому барьеру.

Над ним пролетел еще камень — уже поближе.

«Это может быть опасно», — решил он. Нужно что-то предпринять.

Двигаясь из стороны в сторону вдоль барьера, чтобы катапульта не могла взять его вилку, он запустил в нее десятком камней. Но он увидел, что от этого не будет никакого толку. Так далеко он мог бросать только небольшие камни. И если они попадали в машину, они отскакивали от нее, не причинив никакого вреда. А Пришелец на таком расстоянии легко увертывался от тех камней, которые падали около него.

Кроме того, у него сильно устала рука. От изнеможения у него болело все тело. Если бы только он мог немного отдохнуть и не увертываться каждые тридцать секунд от снарядов катапульты...

Он, шатаясь, отошел к задней стене. Но и это его не спасало. Камни долетали и туда, только реже, как будто приходилось дальше заводить механизм катапульты.

Он снова устало потащился к барьеру. Несколько раз он падал и с трудом поднимался на ноги. Он знал, что его силы на исходе. И все-таки он не мог остановиться, пока не выведет из строя эту катапульту. Стоит ему задремать, и больше он не проснется.

Первый проблеск идеи появился у него после очередного выстрела катапульты. Ее снаряд попал в одну из кучек камней, которые он запас у барьера, и от удара вылетела искра.

Искра. Огонь. Первобытные люди добывали огонь, высекая искры. А если использовать эти сухие крошащиеся кусты как топливо...

К счастью, один такой куст оказался как раз около него. Он сломал его, поднес к куче камней, а потом принялся терпеливо колотить камнем о камень, пока одна искра не попала на древесину, похожую на трут. Дерево занялось так быстро, что пламя обожгло ему брови и превратилось в лепел за несколько секунд.

Но теперь он уже знал, что делать, и через несколько минут под защитой горки песка, который он выкопал из ямы, горел маленький костер. На растопку он взял мягкие ветки, а огонь можно было поддерживать ветками другого куста, которые тоже горели, но медленнее.

Прочные усики, похожие на проволоку, почти не горели,— с их помощью было легко делать зажигательные снаряды. Пучки хвороста с маленьким камнем внутри — для веса, обвязанные усиками с петлей, чтобы сильнее замахнуться.

Он запас полдюжины таких снарядов, потом зажег и бросил первый. Он не попал в цель, и Пришелец спешно начал отступать, таща за собой катапульту. Но у Карсона было готово еще несколько снарядов, и он швырнул их один за другим. Четвертый застрял в машине, и этого было достаточно. Пришелец тщетно пытался погасить расплывавшееся пламя, закидывая его песком,— когтистые шупальца не могли захватить его помногу. Катапульта сгорела.

Пришелец откатился на безопасное расстояние от огня и снова сосредоточил свое внимание на Карсоне. Снова Карсон почувствовал эту волну ненависти и тошноты. Но уже слабее: или сам Пришелец ослабел, или Карсон уже научился защищаться от такого нападения.

Он показал Пришельцу нос и отогнал его камнями на почтительное расстояние. Пришелец откатился к задней стене своей половины и снова начал собирать ветки. Наверное, он собирался сделать еще одну катапульту.

Карсон в сотый раз проверил, действует ли еще барьер, и вдруг обнаружил, что сидит у самого барьера на песке, слишком ослабев, чтобы встать. В его раненой ноге распространялась пульсирующая боль, и жажда мучила его еще сильнее. Но все это отступало на второй план перед полным изнеможением.

И жарой.

Вот это, наверное, и есть ад, подумал он. Ад, в который верили в древности. Он изо всех сил старался не заснуть, хотя не видел в этом особого смысла: все равно он ничего не может сделать, пока барьер остается непроходимым и Пришелец держится далеко у задней стены.

Но должен же быть какой-нибудь способ! Он попытался припомнить, что он читал в книгах по археологии о том, как воевали когда-то, до появления металла и пластика. Первым оружием был как будто камень для метания. Ну, это у него уже было. Единственным усовершенствованием этого оружия была катапульта, вроде той, какую построил Пришелец. Но Карсон никогда не сможет такую сделать: кусты могли дать только крохотные веточки, длиной не больше фута. Он, конечно, мог бы придумать что-нибудь и из них, но для этого понадобилось бы несколько дней, а у него уже мало сил.

Несколько дней? Но Пришелец же ее построил. Неужели прошло несколько дней? Но тут он вспомнил, что у Пришельца много шупалец и что он, несомненно, может работать быстрее.

Кроме того, катапульта не решит исхода борьбы. Нужно придумать что-нибудь получше.

Лук и стрелы? Нет! Он как-то пробовал стрелять из лука и знал, что у него ничего не получится. Даже с современным спортивным стальным луком точного боя. А из примитивного самодельного лука, какой он мог бы соорудить здесь, он вряд ли сможет стрелять дальше, чем бросает камни, и наверняка уж не так точно.

Копье? Это он может сделать. Его будет бессмысленно метать, но оно может пригодиться в рукопашной — если дело дойдет до рукопашной.

И потом это даст ему хоть каков-то занятие. Отвлечет его от бредовых мыслей, которые уже лезут к нему в голову. Ему уже время от времени приходилось делать усилие, чтобы вспомнить, зачем он здесь, зачем ему нужно убить Пришельца.

К счастью, он лежал поблизости от одной из заготовленных кучек камней. Он перебрал их, пока не нашел один осколок, формой напоминавший наконечник копья. Другим, маленьким камнем он начал обтесывать его, стараясь придать ему такую форму, чтобы он, воткнувшись в тело, не мог выйти обратно.

Что-нибудь вроде гарпуна? В этом что-то есть, подумал он. Для этого сумасшедшего сражения гарпун лучше, чем копье. Если бы поразить им Пришельца, и если к гарпуну будет привязана веревка, он сможет притянуть Пришельца к барьеру — и тогда даже если его руки не смогут проникнуть на ту сторону, это сделает каменное лезвие ножа.

Древко было труднее сделать, чем наконечник. Но расколов вдоль и соединив самые толстые стволы четырех кустов и обвязав сочленения тонкими, но крепкими усиками, он сделал прочное древко фута в четыре длиной и к концу его привязал каменный наконечник. Получилось коряво, но надежно.

Теперь веревка. Из тонких, крепких усиков он сплел веревку футов в двадцать длиной. Веревка была легкой и казалась непрочной. Но он знал, что она легко выдержит его вес. Один конец ее он привязал к древку гарпуна, а другой обвязал вокруг правого запястья. Теперь, бросив гарпун сквозь барьер, он во всяком случае сможет вытянуть его обратно, если промахнется.

Когда он затянул последний узел и не знал, что делать дальше, он почувствовал, что жара, усталость, боль в ноге и страшная жажда стали вдруг во сто раз сильнее.

Он попытался встать, чтобы посмотреть, что делает Пришелец, и обнаружил, что не может подняться на ноги. С третьей попытки он ухитрился встать на четвереньки и снова упал на песок.

«Надо поспать», — подумал он. — Если сейчас дойдет до схватки,

я ничего не смогу сделать. Он мог бы сейчас подойти и убить меня, если бы он знал. Нужно немного отдохнуть».

Преодолевая боль, он с трудом пополз прочь от барьера.

Что-то ударилось о песок рядом с ним и пробудило его от ужасного, запутанного сна к еще более ужасной реальности. Он открыл глаза и снова увидел голубое мерцание над голубым песком.

Сколько времени он спал? Минуту? День?

Рядом упал еще один камень, уже ближе. Его осыпало песком. Он уперся руками, сел, повернулся и увидел Пришельца в двадцати ярдах от себя, у самого барьера.

Как только Карсон сел, Пришелец поспешно укатился прочь и остановился только у задней стены.

Карсон понял, что заснул слишком рано, когда был еще в пределах досягаемости для камней, брошенных Пришельцем. А тот, увидев, что он лежит неподвижно, осмелился подойти к барьеру и начал бросать в него камнями. К счастью, Пришелец не знал, насколько Карсон ослабел — иначе он бы остался здесь и продолжал бросать камни.

Долго ли он спал? Наверное, нет, потому что чувствовал себя точно так же, как и раньше. Сил у него не прибавилось, жажда не усилилась, — никакой разницы. Может быть, прошло всего несколько минут.

Он снова пополз, на этот раз заставляя себя ползти дальше и дальше, пока бесцветная, непрозрачная внешняя стена арены не была всего в метре от него. Тогда он снова заснул...

Когда он проснулся, ничего вокруг не изменилось, но на этот раз он знал, что спал долго.

Первое, что он ощутил, была сухость в запекшемся рту. Язык распух.

Медленно приходя в сознание, он понял: что-то неладно. Он уже не чувствовал такой усталости — изнеможение прошло. Но он чувствовал сильнейшую боль. И когда он попробовал пошевелиться, он понял, что источник ее — нога.

Он поднял голову и посмотрел. Нога ниже колена ужасно распухла, и опухоль распространилась до половины бедра. Усики растений, которыми он привязал к ране компресс из листьев, теперь глубоко впились в раздувшуюся ногу. Просунуть под них нож оказалось невозможно. К счастью, последний узел пришелся над костью голени, спереди, где прутья впились не так глубоко. Собрав все силы, он развязал узел.

Взглянув под повязку, он увидел самое худшее, что только могло быть. Заражение — очень сильное и ползущее вверх.

И не имея лекарств, не имея бинтов, не имея даже воды, он ничего не мог с этим поделать.

Разве что умереть, когда заражение охватит все тело.

Теперь он понял, что надежды нет. Он побежден.

И вместе с ним — человечество. Когда он умрет здесь, там, в его мире, умрут все его друзья, все люди. Земля и ее колонии на планетах станут вотчиной чуждых всему земному Пришельцев. Кошмарных, нечеловеческих созданий, которые получают удовольствие, разрывая на части живых ящериц.

Эта мысль придавала ему мужества, и он пополз вперед, почти ничего не видя от боли, вперед, к барьеру. Теперь уже не на четвереньках, а ползком, отталкиваясь ногами и подтягиваясь на руках.

Оставался один шанс из миллиона, что когда он доберется до барьера, у него хватит сил один-единственный раз бросить свой гарпун и попасть, если — еще один шанс из миллиона — Пришелец тоже окажется около барьера. Или если барьер исчезнет.

Ему показалось, что понадобились годы, чтобы доползти до барьера. Барьер был на месте. Такой же непроходимый, как и тогда, когда он впервые его нацупал.

А Пришельца у барьера не было. Приподнявшись на локтях, Карсон увидел его в задней части той половины арены — он был занят постройкой деревянной рамы, которая была наполовину готовой копией уничтоженной Карсоном катапульты.

Движения Пришельца были медленными — несомненно, он тоже ослабел. Но Карсон подумал, что вряд ли Пришельцу понадобится вторая катапульта. Он подумал, что умрет раньше, чем тот ее закончит.

Если бы приманить его к барьеру, пока он еще жив... Карсон замахал рукой и попытался крикнуть, но его запекшиеся губы не могли произнести ни звука. Или если бы проникнуть сквозь барьер...

На него, наверно, нашло какое-то затмение, потому что он обнаружил, что в тщетной ярости колотит кулаками по барьеру. Он заставил себя остановиться, закрыл глаза, пытаясь успокоиться.

— Привет, — произнес какой-то тоненький голос. Он был похож на голос...

Карсон открыл глаза и повернулся. Это в самом деле была ящерица.

«Уйди, — хотел сказать Карсон. — Уйди. Тебя на самом деле нет, а если ты тут, то ты не можешь говорить. Мне опять мерещится».

Но он не мог произнести ни слова — его рот и горло совершенно высохли. Он снова закрыл глаза.

— Больно,— сказал голос.— Убей. Больно. Убей. Иди.

Он снова открыл глаза. Десятиногая голубая ящерка была еще тут. Она пробежала немного вдоль барьера, вернулась, опять пробежала, опять вернулась.

— Больно,— сказала она.— Убей. Иди.

Снова она отбежала, опять вернулась. Она явно хотела, чтобы Карсон последовал за ней вдоль барьера.

Он снова закрыл глаза. Голос не умолкал. Все те же три бессмысленных слова. Каждый раз, как он открывал глаза, она отбегала и возвращалась.

— Больно. Убей. Иди.

Карсон застонал. Проклятое создание не оставит его в покое, пока он не последует за ним. Он пополз следом за ящеркой. До него донесся другой звук — тонкий визг. Он становился громче.

На леске что-то лежало, извиваясь и корчась. Что-то маленькое и голубое — похожее на ящерку и в то же время...

Тут он понял, что это такое — это ящерка, у которой Пришелец отрывал ноги. Это было так давно... Но она была жива; она пришла в себя и теперь, визжа, корчилась в агонии.

— Больно,— сказала другая ящерка.— Больно. Убей. Убей.

Карсон понял. Он вытащил из-за пояса каменный нож и убил изувеченное создание. Живая ящерка быстро ускользнула.

Карсон повернулся к барьеру. Припав к нему руками и лицом, он смотрел, как вдалеке Пришелец мастерит катапульту.

«Если бы добраться туда,— думал он.— Если бы попасть на ту сторону. Я бы еще мог победить. Кажется, он тоже ослабел. Я мог бы...»

Снова на него навалилась черная безнадежность; его воля отступила перед болью, и он подумал, что лучше было бы умереть. Он позавидовал ящерке, которую только что убил. Ей не пришлось больше страдать. А ему придется. Может быть, часы, может быть, дни — пока он не умрет от заражения крови.

Если бы можно было самого себя этим ножом...

Но он знал, что не сможет это сделать. Пока он жив, есть хоть один шанс из миллиона...

Он изо всех сил нажимал руками на барьер, как будто хотел оттолкнуть его от себя. Он заметил, какими тонкими и костлявыми стали его руки. Наверное, он здесь уже долго, уже много дней.

Сколько же осталось ему жить? Сколько времени он еще может терпеть жару, жажду и боль?

Некоторое время он был близок к истерике, но потом пришло глубокое спокойствие и с ним — потрясающая мысль.

Ящерка, которую он только что убил. Она пересекла барьер,

когда была еще жива! Она была на стороне Пришельца; тот оборвал ей ноги и презрительно отшвырнул сюда, и она пролетела сквозь барьер. Он-то подумал — это потому, что она мертва.

Но она была жива! Она была всего лишь без сознания.

Живая ящерка не может пересечь барьер, но если она без сознания — это возможно. Значит, барьер непроходим не для живой матери, а для мыслящей матери!

И с этой мыслью Карсон пополз вдоль барьера, чтобы сделать последнюю отчаянную ставку. Надежда была так ничтожна, что только умирающий мог бы ухватиться за нее.

Нет смысла взвешивать шансы на успех. Потому что если он откажется от этой попытки, они почти равны нулю.

Он дополз до кучи песка высотой фута в четыре, которую он накопал, попытаться — сколько дней назад это было! — подкопаться под барьер или найти воду.

Куча была у самого барьера — один ее склон наполовину заходил на ту сторону.

Взяв камень из соседней кучи, он забрался на холмик, миновал его вершину и улегся, опершись на барьер, так, что если бы барьер вдруг исчез, он скатился бы по склону на вражескую территорию.

Он проверил, на месте ли нож, удобно ли лежит в его левой руке гарпун и прочно ли привязана к нему и к запястью веревка.

Потом он поднял правой рукой камень, которым сейчас ударит себя по голове. Придется положиться на везение: удар должен быть настолько сильным, чтобы он потерял сознание, но не настолько, чтобы это было надолго.

Он чувствовал, что Пришелец следит за ним, что тот увидит, как он скатится сквозь барьер, и непременно приблизится, чтобы выяснить, в чем дело. Карсон надеялся, что тот примет его за мертвого — он надеялся, что тот придет к такому же выводу о барьере, как в свое время и он. Но Пришелец будет осторожен и подойдет не сразу. Немного времени у него будет.

Он нанес удар...

Очнулся он от боли. От внезапной резкой боли в бедра, не похожей на пульсирующую боль в голове и в ноге.

Но, обдумывая все перед тем, как оглушить себя, он предвидел именно эту боль, даже надеялся на нее и приготовился очнуться, не выдавая себя никаким движением.

Лежа неподвижно, он чуть приоткрыл глаза и увидел, что его догадка оправдалась. Пришелец приближался. Он был футах в двадцати, и боль, от которой Карсон очнулся, причинил ему брошенный Пришельцем на всякий случай камень.

Он продолжал лежать неподвижно. Пришелец приближался. В пятнадцати футах он остановился. Карсон затаил дыхание.

Он изо всех сил старался, чтобы у него в голове не было ни единой мысли, — иначе телепатические способности врага подскажут ему, что Карсон в сознании. Но тут на его мозг с потрясающей силой обрушились мысли Пришельца.

Он почувствовал дикий ужас от этих совершенно чуждых, иных мыслей, которые он ощущал, но не мог ни понять, ни выразить, потому что ни в одном земном языке не нашлось бы для них слов, ни в одной земной душе — представлений. Он подумал, что мысли паука, или богомола, или марсианской песчаной змеи, обрети они разум, показались бы по сравнению с этим родными и милыми.

Он теперь понял, что то таинственное существо было право. Человек или Пришелец — во всей вселенной было место только для одного из них. Они были дальше друг от друга, чем бог или дьявол — между ними не могло быть даже равновесия.

Ближе. Карсон ждал, пока он приблизится на несколько футов, пока он протянет к нему свои щупальца...

И тут, забыв про свои страдания и собрав все оставшиеся силы, он сел, занес гарпун и бросил его.

Пришелец, с глубоко вонзившимся в него оружием, покатился прочь. Карсон попытался встать, чтобы броситься вдогонку, но не смог. Он упал и пополз вслед за противником.

Веревка размоталась и потянула Карсона за руку. Его протащило еще несколько футов, потом натяжение ослабло. Карсон продолжал двигаться вперед, подтягиваясь руками по веревке.

Пришелец остановился, размахивая щупальцами и тщетно пытаясь вытащить гарпун. Казалось, он задрожал, а потом, очевидно, поняв, что ему не уйти, покатился назад к Карсону, протянув к нему когтистые щупальца.

Карсон встретил его с ножом в руке. Он наносил удар за ударом, а эти ужасные когти рвали его кожу и мясо.

И вдруг Пришелец застыл в неподвижности.

Зазвонил звонок. Карсон открыл глаза, но не сразу сообразил, где он и что с ним. Он был пристегнут к сиденью своего космолета, и на экране перед ним не было ничего, кроме космической пустоты. Никакого противника, никакой немислимой планеты.

Звонок вызова продолжал звенеть — кто-то хотел, чтобы он ответил. Чисто рефлекторным движением Карсон протянул руку и перебросил тумблер.

На экране появилось лицо Брандера — капитана судна-базы «Магеллан». Он был бледен, а глаза его возбужденно сверкали.

— Карсон! Я — «Магеллан»! — рявкнул он. — Отбой. Все кончилось! Мы победили!

Экран померк — Брандер вызывал остальных патрульных.

Медленно Карсон вывел свой корабль на обратный курс. Медленно, не веря своим глазам и ушам, он отстегнулся от кресла и пошел к крану попить. Почему-то он чувствовал страшную жажду. Он выпил шесть стаканов.

Потом он прислонился к стене, собираясь с мыслями.

Было ли все это на самом деле? Он здоров, цел и невредим. Жажда была скорее воображаемой, чем настоящей: горло у него вовсе не пересохло. Нога...

Он задрал штанину и посмотрел на икру. Там был длинный белый шрам, но он давно зажил. Раньше никакого шрама здесь не было. Он расстегнул молнию на куртке и увидел, что его грудь и живот иссечены крохотными, почти незаметными и тоже совершенно зажившими шрамами.

Это было на самом деле.

Автопилот уже вводил его космолет в трюм базы. Захваты уложили его на место, и через мгновение зуммер сообщил, что шлюз заполнен воздухом. Карсон открыл люк и вышел наружу через двойную дверь шлюза.

Он направился прямо в кабинет Брандера, вошел и отдал честь.

Брандер выглядел все еще слегка ошалевшим.

— Привет, Карсон, — сказал он. — Ты такое пропустил! Вот это была картина!

— Что случилось, сэр?

— Точно не знаю. Мы дали один залп, и весь их флот рассыпался в пыль! Что-то такое мгновенно перекинулось с корабля на корабль — даже на те, в которые мы не целились и которые были за пределами нашего огня. Весь флот был уничтожен на наших глазах, а у нас ни одной царапины! Мы даже не можем приписать себе эту честь. Наверное, в их металле была какая-нибудь нестабильная составная часть, и наш пристрелочный выстрел вызвал реакцию. Ух, что было! Жаль, что все обошлось без тебя.

Карсону удалось улыбнуться. Это было жалкое подобие улыбки, — только много дней спустя он переживает все происшедшее, — но капитан не смотрел на него и ничего не заметил.

— Да, сэр, — сказал он. Здравый смысл, а не скромность, подсказал ему, что он навеки прослышет самым последним лжецом во всем космосе, если проговорится хоть словом. — Да, сэр, жаль, что все обошлось без меня.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Александр Абрамов, Сергей Абрамов	
АПРОБАЦИЯ	8
В. Комаров	
ПЕРЕВОРОТ ОТКЛАДЫВАЕТСЯ	16
М. Кривич, Л. Ольгин	
ЧТО-ТО СТАЛО ХОЛОДАТЬ...	24
Владимир Михановский	
ФИАЛКА	29
И. А. Ефремов	
КОСМОС И ПАЛЕОНТОЛОГИЯ	111
Александр Казанцев	
ИЗ КОСМОСА В ПРОШЛОЕ	125
Рей Бредбери	
ТОТ, КТО ЖДЕТ	147
(Перевели с английского А. Лебедев, А. Чапковский)	
А. Азимов	
ЛОВУШКА ДЛЯ ПРОСТАКОВ	152
(Перевел с английского А. Иорданский)	
Фредрик Браун	
АРЕНА	215
(Перевел с английского А. Иорданский)	

Составитель В. Владимиров

СБОРНИК НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ. Выпуск 12.

Редактор Н. Яснопольский

Художник Н. Гришни

Художественный редактор Т. Добровольнова

Технический редактор Т. Самсонова

Корректор В. Гулаева

A02379. Сдано в набор 23/XI, 1971 г. Подписано к печати 23/V, 1972 г.
Формат бумаги 84X109¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Бум. л. 3,75. Печ. л.
7,5. Условн. печ. л. 12,6. Уч.-изд. л. 15,40. Тираж 200 000 экз. Издательство
«Знание», Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4. Заказ № 2799.
Цена 62 коп.

Книжная фабрика № 1 Рославлеполиграфпрома Комитета по печати при Совете
Министров РСФСР, г. Электросталь Московской области, Школьная, 25.

